ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ»

АРТЕМЬЕВА Надежда Григорьевна

Кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

БАГРИН Егор Андреевич

Кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Москва)

ВЕТЮКОВ Владимир Александрович

Кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Москва)

ГОРБУНОВ Вадим Владимирович

Доктор исторических наук, профессор, Алтайский Государственный Университет (Барнаул, Россия)

ДМИТРИЕВ Владимир Александрович

доктор исторических наук, Российский этнографический музей, Отдел этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана

МАЛОЗЕМОВА Елена Игоревна

Кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия)

САМГИН Сергей Владимирович

Главный редактор журнала, кандидат политических наук, Тамбовский Государственный Университет (Тамбов, Россия)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

№2, 2015 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-63760 от 16 ноября 2015 г.)

Учредитель: АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения»

Главный редактор: Самгин Сергей Владимирович

Адрес редакции: Российская Федерация, Москва, 107207, Уральская 6-1-277 E-mail info@historical-weapons.com. Caйт: www.historical-weapons.com.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

AHOHC

Государственное бюджетное учреждение культуры «Центральная универсальная научная библиотека имени Н.А. Некрасова» приглашает всех желающих принять участие в круглом столе «Историческое оружиеведение - pro et contra», который состоится 26 марта 2016 года в 12.00.

Темы для обсуждения:

- Оружиеведение как специальная историческая дисциплина.
- Современное состояние и перспективы развития оружиеведения.
- Основные направления и методы исследования.
- Историческое оружиеведение в программе подготовки специалистаисторика.

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи проводит с 18 по 20 мая 2016 г. Седьмую Международную научно-практическую конференцию «Война и оружие. Новые исследования и материалы».

Цель конференции — введение в научный оборот современных исследований и материалов по военной истории и оружиеведению с древнейших времен и до настоящего времени, обмен информацией о памятниках военной истории, оружии и вооружении, хранящихся в отечественных и зарубежных музеях, обсуждение проблем сохранения, экспонирования и реставрации.

Конференция будет проводиться по трем секциям

- Секция 1. Военная история: Опыт современного изучения.
- Секция 2. Оружие. Новые исследования в области оружиеведения.
- Секция 3. Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории.

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Барчевский С. Клинковое холодное оружие Вьетнама XIX- первой	
половины XX вв. Проблемы атрибуции.	5
Ветюков В. Традиционное клинковое оружие Вьетнама. Пробле-	
мы терминологии.	12
Горбунов В. Клинковое оружие тюркской конницы	28
Добридень С., Барчевский С. Уникальный бронзовый кинжал из	
Приморья	46
Заворотько И. О производстве сабель и шашек в Павловском ста-	
леслесарном районе.	53
Кизириа В. О возможной функциональной принадлежности мин-	
грельского кинжала в свете анализа зафиксированных прецедентов	
кинжальных схваток	63
Курочкин А. К вопросу о появлении кинжала «джамдхар» в	
оружейном комплексе моголов	80
Милосердов Д. К вопросу о правомочности использования терми-	
на «каруд»	88
Самгин С. Нестандартные советские шашки обр. 1927 г.	102
Тоичкин Д. Две сабли балканского происхождения XVIII в. из	
коллекции Полтавского областного краеведческого музея	109
Khorasani M., Shafeian H. Ewaz: A Center of Gunmaking in Iran	120
Хроника	145
Editorial Board	147
Contents	148
Summary	149
Наши авторы	156
Вниманию авторов	158

4

СЕРГЕЙ БАРЧЕВСКИЙ

КЛИНКОВОЕ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ ВЬЕТНАМА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX вв. ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

В статье автор рассматривает детали конструкции холодного оружия Вьетнама XIX - первой половины XX вв., используемые материалы и элементы декоративного оформления. Пристальное внимание обращается на характерные особенности, по мнению автора позволяющие принять их как атрибутирующие признаки. Также в статье рассмотрены исторические факторы, повлиявшие на развитие холодного оружия в указанный период и административно-правовые условия его бытования.

Ключевые слова: вьетнамский меч, вьетнамская сабля, Кохинхина, Аннам, Тонкин, династия Нгуен, Вьетнам, Ле Лой, бронза самрит.

Абсолютное большинство предметов вьетнамского холодного оружия, хранящихся в музейных и частных коллекциях всего мира - это церемониальные мечи и сабли XIX - первой половины XX вв. По вьетнамской классификации данный период практически точно совпадает с эпохой правления династии Нгуен (вьет. Nguyễn, 阮) (1802-1945 гг.). Этот правящий дом пришёл к власти серьёзным образом реформировав сухопутные силы, артиллерию, военный флот, инженерное и фортификационное дело при помощи военных специалистов из Франции. Уже в начале XIX в. вьетнамские сабли приобрели

французские элементы конструкции и декора, которые сохранились до середины прошлого столетия [Rodell, 1999].

Но атрибуция вьетнамского холодного оружия XIX - первой половины XX вв. вызывает затруднения у специалистов-оружиеведов по другой причине - его нередко принимают за китайское. Это неудивительно - к началу интересующего нас периода "северное доминирование" в письменной культуре, образовании, государственном устройстве и военном деле имело место на протяжении уже более 2000 лет. Однако, несмотря на явное преобладание китайского влияния, вьетнамцы приняли и творчески переработали достижения оружейной культуры Камбоджи, Таиланда, Франции и Японии [Rodell, 1999].

Здесь необходимо сделать важное отступление, прямо относящееся к бытованию и сохранности дошедших до нас предметов холодного оружия. С середины XIX в. Франция начала колониальное наступление на Вьетнам, закончившееся полным подчинением в 1885 г. Французские власти постоянно проводили кампании по разоружению населения - по колониальному законодательству за изготовление и распространение холодного оружия полагалось 5 лет тюремного заключения и штраф от 100 до 1000 пиастров [Васильева, 1947: 176]. Сильнее всего пострадала южная часть Вьетнама - Кохинхина. Она была объявлена колонией и целиком и полностью подчинялась французской администрации. В центральной части страны, Аннаме, формально была сохранена власть вьетнамского императора (правители Камбоджи и Лаоса, также входивших во Французский Индокитай, формально продолжали оставаться его вассалами) со всем подобающим штатом административных и придворных чиновников, императорскими гвардейцами и телохранителями. Северная часть, Тонкин, находилась - опять-таки, чисто формально - под совместным управлением французской администрации и чиновников императора [Васильева, 1947: 169-170].

Для нас важно, что в соответствие со старыми китайскими установлениями, которым стремилась следовать династия Нгуен, каждого вьетнамского чиновника в официальной обстановке сопровождал положенный по рангу штат помощников и слуг. Среди них обязательно находились и люди, несу-

6

щие установленное по чину число мечей или сабель. Отчасти таких служащих можно назвать и телохранителями, но безусловно основной их функцией было соблюдать церемониал и своим присутствием вызывать почтение (а в чём-то и страх) простого люда.

В связи со всем, изложенным выше, подавляющее большинство из дошедших до нас образцов вьетнамского холодного клинкового оружия - это богато украшенные церемониальные мечи и сабли периода правления династии Нгуен.

Первое, явно обращающее на себя внимание, отличие вьетнамских предметов - обилие в отделке чеканного серебра (гораздо реже - посеребрённой латуни). Часто из него сделаны все детали металлического прибора оружия, как мечей, так и сабель. В Китае использовали сталь, а позднее (с конца XVIII - начала XIX вв.) преимущественно латунь.

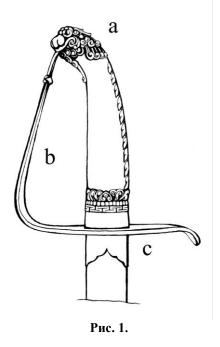
Совершенно выдающимся является использование красной меди и бронзы с её высоким содержанием - из них изготавливали черены рукоятей, гарды и ножны. Их инкрустировали серебром и латунью и патинировали в благородный коричнево-красный цвет. Особенно этими работами славились мастера провинции Бакнинь (вьет. Bắc Ninh) [Нгуен, 1982: 124]. По мнению автора, такое внимание к этим материалам может быть связано с легендарной в Индокитае тёмно-коричневой бронзой *самрит*. В древней Камбодже этот сплав входил наравне с золотом и серебром в число благородных металлов и наделялся исключительными свойствами, в частности из него рекомендовалось изготавливать посуду для производства и хранения лекарств.

Стоит обратить внимание, что во вьетнамском оружии гораздо чаще, чем в китайском использовались редкие и драгоценные материалы - черепаховый панцирь, перламутр, слоновая кость. По мнению автора, это связано с меньшей по сравнению с Китаем регламентацией вьетнамского служилого сословия. При этом такие типичные китайские приёмы как оклеивание шкурой ската и обвязка рукоятей шнуром сыкоу (кит. 丝釦) не нашли себе широкого применения.

Кроме перечисленного, во Вьетнаме применялись и уникальные местные материалы - молочные бивни слонят, поперечные спилы коренных зубов

7

слона и четыре ценные породы твёрдого дерева. На этом стоит остановиться подробнее. В процессе роста слонята меняют молочные зубы, в том числе бивни (которые являются видоизменёнными резцами) на взрослые¹. Получаются практически готовые рукояти холодного оружия - выпавшие бивни имеют длину около 300-400 мм, диаметр 20-30 мм, небольшие утолщения на основаниях, кроме того они полые внутри. Коренные зубы слона при поперечном распиле имеют очень красивую слоистую структуру, напоминающую лучшие сорта декоративных камней. В Европе, куда кроме Вьетнама они попадали из Индонезии, их иногда называли "драконовый зуб". Четыре ценные породы твёрдого дерева - это *пим* (вьет. Lim, лат. Erythrophleum fordii Olive), *чак* (вьет. Trắc, лат. Dalbergia cochinchinensis), *гу* (вьет. Gu, лат. Sindora tonkinensis) и *чай* (вьет. Chai, лат. Dipterocarpus). Работать с ними имели право только мастера, получившие специальное разрешение [Нгуен, 1982: 75]. Черены и ножны из такого дерева обычно богато инкрустировались серебром и перламутром.

Из конструктивных особенностей, присущих вьетнамскому клинковому оружию, необходимо отметить особую форму уплотнительной муфты, своим простым симметричным вырезом отличающуюся и от китайской *тунькоу* (кит. 春口), и от японской *хабаки* (яп. 鍼, はばき) (Рис. 1с). Чаще всего эта же форма выреза повторяется на металлических деталях прибора ножен, что уже в целом характерно для оружия Индокитая. Как было отмечено выше, ещё в самом начале эпохи Нгуен устройство и отделка сабель подверглись заметному

¹ Сведения получены автором от кандидата биологических наук В. И. Жегалло.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

французскому влиянию. Появилась защитная дужка с характерным изгибом (Рис.1b), навершие в виде стилизованной львиной головы, в пасти которой крепился конец дужки (Рис.1a), а наконечник ножен получил гребень, оканчивающийся скрученным в шарик завитком [Rodell, 1999].

Декоративное оформление клинкового оружия Вьетнама также имеет характерные элементы, позволяющие с высокой степенью уверенности отличать его от китайских предметов.

Одним из таких излюбленных мотивов являлись побеги вьющихся растений - винограда, лианы, тыквы разных сортов. В стилизованной форме их очень часто гравировали на клинках (Рис.2), более натуралистично, с цветами, листьями, плодами, изображали на ножнах. Причина популярности вьющихся растений в том, что цепкие, настойчиво тянущиеся к свету побеги были символом активной мужской энергии, упорной борьбы за место под солнцем, а гроздья винограда и наполненные семенами плоды тыквы би (вьет. bí) - символом многочисленного мужского потомства, продолжателей рода [Волшебный мир узоров, 2003: 51; Нгуен, 1982: 120].

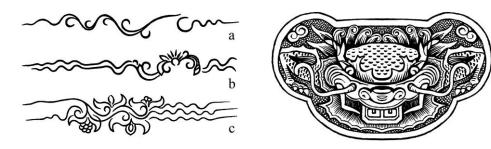

Рис. 2. Рис. 3.

Среди элементов декора часто можно встретить изображения *тинь* (вьет. tứ *linh*, 四靈) и *бат бао* (вьет. bát båo, 八寶). Четыре священные существа *ты линь* - это дракон, единорог, черепаха и феникс. Помимо символа нравственного совершенства, которыми его наделяли, дракон *лонг* (вьет. long, являлся мифическим предком и покровителем вьетнамского народа. Характерным является изображение с картушем со стилизованным иероглифом во рту (одной из многочисленных разновидностей иероглифа 壽 шоу - кит. долголетие, бессмертие) (Рис.3). С усилением французского влияния связывают один из стилей изображения дракона - превращение его зооморфной

формы в растительный орнамент. Приём, популярный в европейском искусстве начиная с эпохи позднего Возрождения, вполне мог быть передан вьетнамским ученикам в Школе прикладного искусства, открытой французами в Ханое в 1920 г. [Нгуен, 1982: 78]. Единорог ки лан (вьет. kì lân, 麒麟) являлся символом мира, спокойствия и успешной карьеры. В последнем случае он изображался со связкой книг и свитков на спине. Черепаха куи (вьет. quy, 4) олицетворяла собой долголетие. Кроме того, в мифологии вьетнамцев она тесно связана с защитой Отечества - в самой популярной версии легенды о Ле Лое (вьет. Lê Lợi, 黎利) именно ей был дан будущему императору священный меч, которым он изгнал китайских захватчиков. Изображения черепахи с мечом или с мечом и связкой книг нередки на оружии. Феникс фыонг (вьет. phương, 鳳), так же как и единорог, символизировал мир и благополучие. Феникс со свитком в клюве служил образом утончённого знатока искусства. Набор из восьми драгоценностей бат бао, олицетворявший разные стороны образованности и благополучия, существовал в нескольких вариантах, наиболее известный из которых включал тыкву-горлянку δay (вьет. bâu), кисть для письма, веер из листьев, флейту, корзину цветов, меч, гонг в форме полумесяца и метёлку из перьев [Нгуен, 1982: 116-118, 120-121]. Очень характерным, исключительно вьетнамским является сочетание меча и связки книг - символ отважного и стойкого учёного (Рис.4). В некоторых случаях предметы бат бао изображались перевязанными длинными развевающимися

Рис. 4.

лентами либо окружёнными расходящимися побегами вьющихся растений. Это также исключительно вьетнамский художественный приём призванный показать исходящий поток магической энергии. В китайской традиции ленты если и присутствуют, то лишены динамики.

Рамка-картуш со стилизованными знаками посреди растительного орнамента - частый и характерный элемент декора вьетнамского оружия. Любое изображение иероглифа в этой стране уважалось, вероятно, даже больше, чем

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

в Китае. Хотя такие стилизованные знаки трудно читаются, чаще всего они имеют значение "долголетие" 壽 (только вариантов этого иероглифа специалисты насчитывают около сотни) и "счастье" 福.

Таким образом, по совокупности конструктивных признаков, использованных материалов и декоративных мотивов, по мнению автора можно с высокой долей уверенности атрибутировать предметы вьетнамского клинкового оружия XIX - первой половины XX вв.

Библиографический список:

- 1. Васильева В. Я. Индо-Китай. М.: Издательство Академии наук СССР, 1947
- 2. Волшебный мир узоров. Энциклопедия орнаментальных мотивов Юго-Восточной Азии. М.: PRINT HOUSE, 2003
- 3. Нгуен Фи Хоань Искусство Вьетнама. Очерки истории изобразительного искусства. М.: Прогресс, 1982
- 4. Rodell, Scott M. Vietnamese Sword. The Asian Art Newspaper, Volume 2, Issue 7, May 1999

ВЛАДИМИР ВЕТЮКОВ

ТРАДИЦИОННОЕ КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ВЬЕТНАМА. ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ.

В статье рассматриваются проблемы, связанные с терминологическим аппаратом такой сравнительно малой изученной группы оружия как вьетнамское. Становление вьетнамской военной традиции связано с сильным китайским влиянием. Основные виды оружия, равно как и терминология для их обозначения были заимствованы из Китая, который выступал одновременно в роли культурного донора и алчного агрессора, стремившегося восстановить контроль над утраченными территориями юга. Творчески переработав китайские заимствования, а также восприняв тайско-бирманские, японские и, позже, европейские элементы, вьетнамские ремесленники постепенно создали специфический местный набор оружия. В исследовании сделана попытка определить правильную терминологию для вьетнамского клинкового оружия, выделить его основные виды, проследить историю их возникновения и распространения. Мы можем заключить, что традиционное вьетнамское клинковое оружие делится на два основных класса - дао и кием / гыом. К первому относится однолезвийное рубящее оружие с широким, как правило, изогнутым клинком. Данный класс включает малые – мадао и крупные – даочыонг разновидности, предназначенные для хвата одной и двумя руками соответственно. Последние также именуются дайдао, что объединяет их с близким по форме и назначению древковым оружием. Ко второму классу относятся как обоюдоострые прямые мечи – аналог китайских цзянь, так и однолезвийное рубяще-колющее оружие с узким клинком, аналогичное китайским яодао/люедао. В этот класс также входят сабли

японского, тайско-бирманского и французского образца, широко распространенные во Вьетнаме в XVII-XX вв. Для внесения ясности в оружиеведческую терминологию автор считает возможным предложить словосочетания: фальшон-дао, сабля-гыом и меч-кием. Кроме того, отмечается, что использование как европейских, так и азиатских терминов, принятое в оружиеведческих работах, представляется нецелесообразным - виду того, что традиционная вьетнамская письменность была иероглифической, а с 1918 г. официальным становится латинский алфавит куокнгы, логично будет давать оружейные термины не только в русской транслитерации, но также в иероглифике и современном латинском написании.

Ключевые слова: Вьетнам, терминология, дао, кием, фальшон, сабля, клинковое оружие,

Традиционное оружие Вьетнама до настоящего времени остается крайне малоизученным явлением. Такое положение вещей выглядит несправедливо на фоне огромного количества исследований по оружию соседних стран: Японии и, конечно же, Китая, чье влияние на вьетнамский комплекс вооружения и военное дело вообще трудно переоценить. Что же касается клинкового оружия, то на сегодняшний день круг специализированных работ, посвященных данному вопросу, крайне узок. Здесь можно упомянуть статьи Скотта Роделла «Вьетнамский меч» и Сергея Барчевского «Клинковое холодное оружие Вьетнама XIX - первой половины XX вв. Проблемы атрибуции». Малая изученность темы открывает, однако, широкие горизонты для исследователей. В этой перспективе немаловажной представляется выработка корректной терминологии для обозначения основных разновидностей традиционного вьетнамского клинкового оружия.

В оружиеведческих работах, посвященных восточной тематике, принято использовать как европейские, так и азиатские термины, определенным образом их сопоставляя. Такой подход нам представляется вполне целесообразным. В виду того, что традиционная вьетнамская письменность была иероглифической, а с 1918 г. официальным становится латинский алфавит ку-

окнгы, логично будет давать оружейные термины не только в русской транслитерации, но также в иероглифике и современном латинском написании. Выше уже говорилось о влиянии Срединного Государства на вооружение своего южного соседа, поэтому мы сочли уместным привести также транслитерацию некоторых китайских названий.

Вьетнамская военная традиция начала свое становление на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры. Конечно, ее корни уходят в гораздо более древние времена — в эпоху полулегендарных древне-вьетских царств Ванланг, Аулак и Намвьет (середина-вторая половина 1 тыс. до н.э.). В этот период на севере современного Вьетнама существовала знаменитая культура Донгшон, носители которой создали комплекс бронзового вооружения, включавший втульчатые топоры оригинальной формы, копья, луки и арбалеты. Клинковое оружие было представлено кинжалами (некоторые, видимо, ритуального предназначения), крайне редко - импортными китайскими обоюдоострыми мечами. Несмотря на многообразие этих находок, вряд ли приходится говорить о том, что традиционный вьетнамский комплекс вооружения непосредственно вырос из донгшонского.

Куда более важную роль в процессе становления вьетнамской военной традиции, как и культуры в целом, сыграл период Северной Зависимости (111 г. до н.э. – 938 г. н.э.), когда, будучи частью Срединной империи, вьетские земли испытали интенсивное китайское влияние практически во всех сферах. В этот период из автохтонных племен и групп, пришедших с севера, происходит формирование новой этнической общности, которая, начиная с момента обретения независимости от северного соседа в 938 г., уже может рассматриваться как вьетнамский народ². Бурная история государства Дайвьет, находившегося в XI-XV вв. под властью таких феодальных династий, как Поздние Ли (1010-1225), Чан (1225-1400), Хо (1400-1407) немало способствовала развитию военного дела. Основные виды оружия, равно как и терминология для их обозначения были заимствованы из Китая, который выступал одновременно в роли культурного донора и алчного агрессора, стре-

¹Trònh Cao Töôûng, Leâ Vaên Lan. Tr.. 294.

 $^{^{2}}$ Мнение высказано петербургским вьетнамистом Н.В. Григорьевой в личной беседе с автором.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

мившегося восстановить контроль над утраченными территориями юга. Творчески переработав китайские заимствования, а также восприняв тайско-бирманские, японские и, позже, европейские элементы, ремесленники времен Поздних Ле (1428-1789) постепенно создали специфический местный набор оружия, завершивший свое формирование уже при династии Нгуен (1802-1945). Ее основатель Нгуен Ань, правивший в 1802-1840 гг. под девизом «За Лонг»³, переименовал свое государство во Вьетнам. Таким образом, для данной эпохи понятие «традиционный вьетнамский комплекс вооружения» является уже абсолютно корректным. Традиционное оружие продолжало активно применяться в период сопротивления французскому колониальному вторжению 1858-1885 гг. и, даже, в ходе борьбы за национальное освобождение в середине XX в.⁴. В настоящее время оно продолжает свое существование как неотьемлемый элемент вьетнамских боевых искусств.

Клинковое оружие Вьетнама в том виде, как оно сложилось в течение второго тысячелетия н.э., включает два базовых вида. Наиболее распространенным и простым в изготовлении является дао (Д вьет. dao, русская транслитерация идентична для вьетнамского и китайского вариантов произношения). Можно сказать, что это целый класс клинкового оружия, включающий несколько видов и множество подвидов. Все они определяются как однолезвийное оружие с широким, в большинстве случаев - изогнутым клинком, часто обладающее высокой елманью (выраженным скосом обуха). Основная функция дао — рубящая, хотя многими видами можно также колоть. По аналогу с родственным видом средневекового европейского оружия на западе его часто обозначают термином фальшон⁵. В отличие от последнего, дао почти всегда обладает круглой или овальной защитной гардой, хотя известны отдельные образцы, имеющие гарду в форме Z-образного перекрестья, часто с навершием рукояти в виде кольца. Разновидности дао делятся на более лег-

³ В отечественном вьетнамоведении чаще встречается транслитерация «Зя Лонг», которая происходит от южно-вьетнамского произношения.

⁴ Экспозиции ханойских музеев (музей Армии, Исторический музей) содержат довольно много образцов традиционного холодного, в том числе и клинкового оружия, применявшегося в ходе освободительной войны 1946-1954 гг.

⁵ Фальшон – от фр. *Fauchon* – «нож» - европейское название клинкового оружия, отличительная особенность которого – изогнутый, расширяющийся в последней трети тяжелый клинок, часто имеющий елмань.

кие, рассчитанные на хват одной рукой, и более внушительные - двуручные. Стандартная длина *дао* - около метра, а ширина клинка, как правило, не превышает 12 см. Средний вес — от 1 до 3-х кг. ⁶. Эти показатели могут, впрочем, серьезно варьироваться. Толщина клинка у современных спортивных *дао* намного меньше, чем у их боевых исторических прототипов, массивность которых должна была компенсировать невысокое качество металла. Последнее (ввиду дешевизны производства) способствовало популярности этого вида оружия среди простого народа.

В музеях Вьетнама сохранились образцы *дао*, которыми местные повстанцы сражались с французами в 1940-е-50-е гг. Во вьетнамских и зарубежных музейных коллекциях представлены также фальшоны периодов Поздних Ле и Нгуен, датируемые XVIII-XIX вв. В археологических музейных собраниях *дао* отсутствуют. Вьетнамские исследователи, однако, не склонны говорить о позднем появлении этого оружия у себя в стране. По их мнению, местные крестьяне собирали оставшиеся на полях сражений фальшоны и перековывали их в сельскохозяйственные орудия⁷.

Согласно данным французских этнографов Уара и Дюрана, фальшон во Вьетнаме имел две основные разновидности⁸. Это «длинный дао» - даочыонг 刀長(dao trường, в китайском варианте - 長刀 чхангдао, встречается и китаизированное вьетнамское название чыонгдао) и более короткий и лёгкий «конный дао» - мадао 馬刀 (mã dao, русская транслитерация идентична для китайского и вьетнамского названий). Второй изначально был кавалерийским оружием, что видно из его названия. Французские авторы переводят его как "sabre de cavalerie" — «кавалерийская сабля» В современном китайском языке данный термин используется именно для обозначения кавалерийской сабли, в том числе, и европейской. Наглядный образец даочыонг XIX в. представлен в коллекции французского Музея Армии при Доме Инвалидов в Париже за инвентарным номером 5074 І. Под названием "Coupe-coupe du Ton-

⁶ Асмолов, 1994. Ч. 1. С. 215

⁷ Мнение высказано доктором исторических наук Нгуен Тхи Зон в личной беседе с автором.

⁸ Huard, Durand 1954. P. 118

⁹ Там же.

kin" (тонкинский тесак) он экспонировался на специальной выставке, называвшейся «Индокитай. Территории и люди. 1856-1956», проходившей в музее в 2013 г ^{10} .

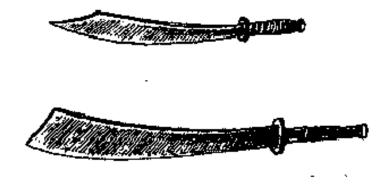

Рис. 1. Чыонгдао и мадао¹¹

Использование фальшонов солдатами вьетнамской армии времен динаконфуцианский стии Поздних Ле подтверждает видный ученыйэнциклопедист Фан Хюи Чу (1782-1840). В своем труде «Классифицированные записи по истории прошлых династий» в разделе «Записи о военном деле» он приводит текст указа короля Уй Мук-де от 1505 г. Указ предписывал содержать на караульных постах возле столичных ворот по 50 комплектов вооружения, каждый из которых включал круглый щит, лук со стрелами и один ∂ao^{12} .

Ученый упоминает и такую разновидность фальшонов как дайдао (大刀 <u>dai dao</u> китайский вариант – dadao). Он сообщает, что согласно указу государя, Ле Тхай-то от 1428 г., солдаты подразделений куан (quân) массово вооружались этим оружием ^{13} . Под названием $\partial a \ddot{u} \partial a o$ часто понимается клинок, насаженный на древко и потому относящийся к категории древкового оружия. Он имел массу вариантов, которые отличались друг от друга, в первую очередь, размерами и формой клинка. Это оружие появилось в Китае в первом тысячелетии нашей эры и распространилось затем по соседним стра-

¹⁰ "Indochine. Des territoires et des hommes, 1856-1956", P. 210

¹¹ По книге Ветюкова В.А. Меч, сокрытый в глубине вод. СПб, 2005. Худ. Р.Кашин

¹² Phan Huy Chuù. T. 4., 1961. Tr. 25

¹³ Там же.С.25

нам¹⁴. Во вьетнамских музеях представлены образцы, имеющие датировку – XIX-XX вв. Их изображения приводятся и в работах французских авторов¹⁵.

Нужно сказать, что слово *дайдао* порой используется и для обозначения больших фальшонов (вышеупомянутый *даочыонг*). Такое название не противоречит исконному смыслу термина, который означает просто «болшой *дао*». Существует мнение, что для вьетнамского языка именно данное наименование корректно. Древковый же вариант оружия должен называться siêu đao (超 刀, китайское чтение *чхаодао* — «выдающийся *дао*»), в противном случае мы имеем дело со слепым калькированием китайского термина¹⁶.

Американский исследователь Скотт Роделл в своей статье «Вьетнамский меч» термином дайдао обозначает двуручные сабли из Кохинхины (южный Вьетнам), напоминающие японское, тайское и бирманское клинковое оружие¹⁷. Такой подход к терминологии выглядит несколько странно. Рассматриваемый термин Роделл записывает не вьетнамской, а классической английской латиницей. Получается вариант dai dao, причем в конце статьи говорится, что в оригинальном описании вторая буква "d" должна быть перечеркнута и читаться как английская "z"¹⁸. Таким образом, возникает новый термин дайзао. Здесь мы имеем дело с грубой ошибкой, так как во всех диалектах вьетнамского языка перечеркнутая "d"- "d" читается как русское твердое «д», а обычная латинская "d", как-раз, читается как «з». Слово же «dao» – зао во вьетнамском языке обозначает обычный нож.

Справедливости ради следует отметить, что в Китае все вообще сабли принято относить к классу дао. К числу исконно китайских разновидностей относятся и те, что отличаются от фальшона отсутствием елмани и расширения клинка к острию. Это оружие было легче и, несомненно, требовало для своего изготовления более качественного металла. Оно снискало себе определенную популярность среди вьетнамской элиты. Скотт Роделл выводит происхождение местных сабель данного типа от китайских люедао (柳葉刀 –

¹⁴ Асмолов, 1994.Ч. 2 С. 13

¹⁵ Huard, Durand, 1954., P. 119

¹⁶ https://vi.wikipedia.org/wiki/M%C3%A3 t%E1%BA%A5u

¹⁷ Rodell Scott M. 1999

¹⁸ Там же.

«дао-ивовый лист») времен династии Мин (1368-1644)¹⁹. Согласно изобразительным источникам (храмовые статуи вьетнамских полководцев.), это оружие существовало уже в средневековом государстве Дайвьет. Поздние образцы таких сабель можно видеть в экспозициях ряда вьетнамских музеев. В собрании парижского Музея Армии при Доме Инвалидов хранится прекрасный экземпляр за инвентарным номером 5240 І. Он экспонировался на выставке «Индокитай. Территории и люди. 1856-1956» под названием "Sabre du Tonkin" - тонкинская сабля.²⁰

Еще одно китайское название этого вида оружия - *яодао* (腰刀, - «дао, который носят на поясе»), видимо, подчеркивает его отличие от тяжелых фальшонов, которые носили, положив на плечо или на перевязи за спиной.

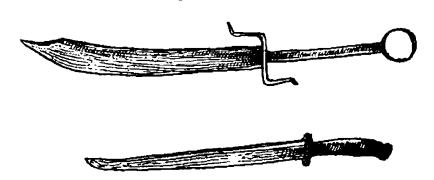

Рис. 2. Чыонгдао с Z-образцовой гардой и сабля-кием (иеудао) из Музея Истории Вьетнама, г. Ханой ^{21}

Хотя во вьетнамском языке и существует местное чтение данного наименования - *ueyдao* (<u>yêu đao</u>), оно практически никогда не встречается. Вместо него используют термин *кием* (kiếm) или *гыом* (gươm), и это редкий пример существенного расхождения с исконной китайской терминологией. Оба вьетнамских названия записываются одним и тем же иероглифом **М**(китайское чтение – *цзянь*), изначально обозначающим прямой обоюдоострый меч. Данное расхождение, видимо, объясняется тем, что во вьетнамском языковом сознании на первый план в данном случае выходят не конструк-

¹⁹ Rodell Scott M. 1999

²⁰ Indochine. Des territoires et des hommes, 1856-1956", P. 210

²¹ По книге Ветюкова В.А. «Меч, сокрытый в глубине вод» СПб, 2005. Худ. Р.Кашин.

тивные, а функциональные особенности предмета. Колющая функция обоюдоострого меча, видимо, делает его похожим в глазах вьетнамцев на однолезвийное оружие со слабоизогнутым узким клинком, имеющим выраженное острие, вполне пригодное для укола. Видимо, поэтому термином кием во вьетнамском языке обозначается также японская катана, которую китайцы обозначают иероглифом $\mathcal{I}$ - ∂ao , как и практически все разновидности однолезвийного оружия.

Надо сказать, что японские клинки, благодаря своему высокому качеству, пользовались во Вьетнаме большой популярностью уже в период Поздних Ле. Согласно данным французских исследователей, в XVI-XVII вв. Япония была основным поставщиком холодного оружия во Вьетнам и другие страны Индокитая²². Экземпляры оригинального японского клинкового оружия (катана, вакидзаси, одати) и их местные вариации встречаются в экспозициях ханойских музеев (Музей Истории Вьетнама и Музей Армии).

В ходе раскопок арсенала военной академии, обнаруженного на дне ханойского озера Зангво и датированного периодом Поздних Ле (1428-1789), был описан интересный артефакт. Это полоса однолезвийного клинкового оружия за номером 84 NK164. Она имеет в длину 44,3 см. (31,4 см.- клинок, 13,9 см. – хвостовик), в ширину – порядка 3 см., весит около 500 гр. Спинка клинка прямая. Основными пропорциями, формой режущей кромки, ее плавным изгибом к острию, экземпляр сильно напоминает полосы японских «малых мечей» танто. От последних он отличается только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика, который довольно узок и не имеет отверстия для штырька только формой хвостовика только формой хвостовика только толь

О том, что вьетнамские кузнецы изготовляли сабли в подражание японским образцам, либо же использовали полосы японских клинков, помещая их в местную оправу, пишет и Роделл. Он также обращает внимание на тот факт,

²² Huard, Durand, 1954. P. 117

²³ Nguyeãn Thò Dôn, 2001. (*Luaän aùn*) Tr..58. Также набор иллюстраций к диссертации. С.17.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

что сабли Южного Вьетнама (регион Кохинхина) несут на себе следы тайскобирманского влияния²⁴. При атрибуции подобного рода образцов требуется, однако, осторожность. Исследователь может ошибочно принять за местные клинки трофейное оружие, добытое в ходе отражения сиамской агрессии в 1784-1785 гг. В Историческом музее г. Хошимин есть целая витрина тайских сабель, захваченных тогда воинами армии Тэйшонов²⁵.

Возвращаясь к специфике вьетнамских терминов «кием» и «гыом», нужно добавить, что они употребляются и для обозначения практически всех разновидностей европейских сабель и даже казачьих шашек, а также местных (часто церемониальных) сабель, имеющих гарду французского образца в форме латинской литеры "D". Последние широко представлены как в самом Вьетнаме, так и за его пределами в музейных и частных коллекциях. В парижском Музее Армии хранится наглядный экземпляр за инвентарным номером 5206 I²⁶. Немало таких сабель и во вьетнамских музеях. Наиболее ранние образцы датированы еще концом XVIII в., когда европейское проникновение во Вьетнам уже имело место. С установлением в 1802 г. династии Нгуен, пришедшей к власти во многом благодаря французской экономической поддержке (в частности, - оружием), такие сабли стали широко распространены. Их стилизованные рукояти нередко несут явный отпечаток наполеоновской эпохи и модного тогда стиля ампир (особенно, характерные навершия в виде львиной головы). О церемониальных вариантах этого оружия и их художественном оформлении подробно пишет в своей статье отечественный исследователь С.Барчевский²⁷. Скотт Роделл также говорит о саблях французского образца и настойчиво именует их термином ∂ao , видимо, следуя китайской традиции. Французские авторы называют их словом *гыом*²⁸.

²⁴ Rodell, Scott M.

 $^{^{25}}$ Изначально Тэйшоны — название повстанческого движения, начавшегося в центральных районах страны в 1771 г., вождь которого Нгуен Хюэ, завоевав контроль почти над всей страной, был коронован в конце 1788 г. После его смерти в 1792 г. войска тэйшонов потерпели поражение от клана Нгуен, установившего затем новую династию в 1802 г.

²⁶ "Indochine. Des territoires et des hommes, 1856-1956", P.210

²⁷ Барчевский С. С.107-110.

²⁸ Huard, Durand, 1954. P. 118

Кроме функциональных особенностей (хорошие колющие свойства), о которых речь шла выше, все описанные типы вьетнамских сабель и оказавшие на них влияние иностранные прототипы роднит конструктивное сходство в части малой ширины и не очень большого изгиба клинка. Таким образом, представляется корректным использовать словосочетание «саблягьюм»²⁹ для трех описанных выше разновидностей вьетнамского клинкового оружия.

При всем своеобразии традиционной вьетнамской терминологии, нужно сказать, что для нее термином кием (kiếm) или гыом (gươm) в первую очередь обозначается, все же, обоюдоострый прямой меч - аналог китайского изянь. Он обладает достаточно длинным и широким клинком, гардой в виде фигурного перекрестья и рукоятью, рассчитанной на хват одной, гораздо реже – двумя руками.

В упомянутом выше арсенале ханойской военной академии времени Поздних Ле из Зангво, был обнаружен образец такого меча³⁰. Он получил инвентарный номер 84 NK2. Находка представляет собой полосу обоюдоострого клинка с почти полностью утраченным хвостовиком. Длина предмета − 61 см., максимальная ширина − 6,5 см., вес − 1340 гр.³¹ Вместе с рукоятью, включавшей хвостовик, металлический эфес, навершие и деревянную среднюю часть, меч, видимо, весил около полутора килограммов при общей длине − 70 см. Археолог Нгуен Тхи Зон атрибутирует это оружие как *чыонгкием* (trường kiếm - «длинный меч»). Таким образом, находка сопоставлена с упоминавшимся выше однолезвийным «коротким мечом» №84 NK164 из того же собрания. Исследовательница объясняет столь большую массу «длинного меча» тем, что перед нами учебно-экзаменационное оружие, предназначенное для тренировок и проверки мускульной силы учеников академии

²⁹ Сочетание «сабля-кием» в виду синонимичности обоих слов во вьетнамском языке теоретически приемлемо, однако, может вызвать путаницу в европейской терминологии. Поэтому, термин кием автор предлагает использовать для прямых обоюдоострых мечей.

³⁰ Nguyeãn Thò Dôn, 2001. (Toùm taét luaän) Tr. 9.

³¹ Nguyeãn Thò Dôn, 2001. (Luaän aùn) Tr. 58.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

- кандидатов на офицерскую степень³². Фан Хюи Чу также сообщает, что во второй половине эпохи Ле (период *Чунг-хынг* 1533-1789 гг.) государство вручало меч *кием* новоиспеченным офицерам, только что прошедшим экзамены на должность³³. Эти экзамены включали силовые упражнения и поединки с использованием клинкового оружия.

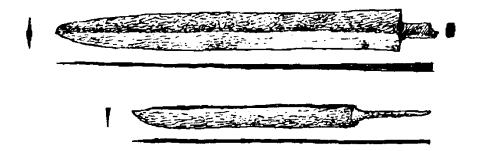

Рис. 3. Прорисовка клинков из собрания Зангво³⁴

В экспозициях Исторического музея г. Хошимин и Музея армии г. Ханой, посвященных богатой военными действиями эпохе Тэйшонов (последняя четверть XVIII в.) представлены образцы обоюдоострых мечей, очень похожие на канонические китайские прототипы. Не исключено, опять-таки, что это трофеи, добытые в ходе операции по освобождению вьетнамской столицы Тханглонг (Ханой) от цинских войск в начале 1789 г. Мечи такого рода в Китае имели словесную приставку бао — «драгоценный». Клинок ковался с особым тщанием. Зачастую на него наносились священные символы — семь звёзд Большой Медведицы, изображение Синего Дракона, иероглифические надписи³⁵. Богато украшались и вьетнамские церемониальные экземпляры этого оружия³⁶.

Меч-кием (в его облегченном спортивном варианте) и по сей день остаётся, пожалуй, самым чтимым видом оружия вьетнамских боевых искусств воткуат. В сознании вьетнамцев он связан с личностью Ле Лоя (1385-1433), военачальника, изгнавшего из страны войска китайской империи Мин. Раз-

22015

 $^{^{32}}$ Сведения получены автором в личной беседе с доктором исторических наук Нгуен Тхи Зон.

³³Phan Huy Chuù. T. 4., 1961. Tr. 25

³⁴ По книге Ветюкова В.А. «Меч, сокрытый в глубине вод» СПб, 2005 Худ. Р. Кашин.

³⁵ Асмолов К.В. 1994, Ч.1. С. 207

³⁶ Барчевский С. С.107-110

громив врага и освободив г. Тханглонг, он взошел на престол в 1428 г., став основателем династии Поздних Ле. Легенда гласит, что государь Ле Тхай-то добился победы благодаря волшебному мечу, полученному им от духов. Интересно, что завоевав трон, полководец возвратил свое оружие в потусторонний мир, швырнув его огромной черепахе, обитавшей в водах озера, расположенного у главных ворот столицы. С тех пор оно именуется Озером Возвращенного меча — Хохоанкием, или же просто — Озером Меча — Хогыом. Изображение прямого обоюдоострого киема (часто в пасти черепахи) является распространенным декоративным символом в прикладном искусстве Вьетнама. Нередко такими символами украшены ножны и рукояти церемониальных сабель ³⁷.

Итак, в настоящей статье нами была сделана попытка определить правильную терминологию для вьетнамского клинкового оружия, выделить его основные виды, проследить историю их возникновения и распространения. Мы можем заключить, что традиционное вьетнамское клинковое оружие делится на два основных класса - дао и кием / гыом. К первому относится однолезвийное рубящее оружие с широким, как правило, изогнутым клинком. Данный класс включает малые – мадао и крупные – даочыонг разновидности, предназначенные для хвата одной и двумя руками соответственно. Последние также именуются дайдао, что объединяет их с близким по форме и назначению древковым оружием. Ко второму классу относятся как обоюдоострые прямые мечи – аналог китайских цзянь, так и однолезвийное рубящеколющее оружие с узким клинком, аналогичное китайским подао/люедао. В этот класс также входят сабли японского, тайско-бирманского и французского образца, широко распространенные во Вьетнаме в XVII-XX вв. Для внесения ясности в оружиеведческую терминологию автор считает возможным предложить словосочетания: фальшон-дао, сабля-гыом и меч-кием.

³⁷ Там же. С.109

Источники и литература:

Источники:

1. Phan Huy Chuù. Lòch trieàu hieán chöông loaïi chí. Taäp IV. Haø Noãi, NXB Söû hoïc, 1961. Binh cheá chí. Ngöôøi hieäu ñính – Ñaøo Duy Anh, ngöôøi dòch: Phaïm Huy Giu, Trònh Ñình Rö, Cao Huy Giu. (Фан Хюи Чу. Классифицированные записи по истории прошлых династий. Том IV. Ханой, изд-во Историческая наука, 1961. Записи о военном деле. Редактор – Дао Зуи Ань, переводчики: Фам Хюи Зю, Чинь Динь Зы, Као Хюи Зю).

Литература:

На русском языке:

- **1.** *Асмолов К. В.* История холодного оружия (Восток и Запад). Ч 1. М., 1993
- **2.** *Асмолов К.В.* История холодного оружия (Восток и Запад). Ч 2. М., 1994
- **3.** *Барчевский С.* Клинковое холодное оружие Вьетнама XIX первой половины XX вв. Проблемы атрибуции. Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научнопрактической конференции. 13-15 мая 2015 года. Часть І. СПб, ВИ-МАИВиВС 2015 С.106-110
- **4.** Ветноков В.А. Традиционный вьетнамский комплекс вооружения (позднее средневековье). Попытка изучения на базе находок из арсенала Военной Академии эпохи Ле (XV -XVIIIвв.).// Страницы военной истории стран Восточной и Юго-Восточной Азии. СПб, издательство Санкт-Петербургского Университета, 2004, с. 6-18.
- **5.** *Ветноков В.А.* Меч, сокрытый в глубине вод (военная традиция средневекового Вьетнама). СПб., «Петербургское востоковедение», 2005.

На вьетнамском языке:

- 6. Trònh Cao Töôûng, Leâ Vaên Lan. Tìm hieåu veà vuõ khí vaø suy nghó veà moät vaøi vaán ñeà quaân söï thôøi döïng nöôùc vaø giöõ nöôùc ñaàu tieân.// Ниøng Vöông döïng nöôùc. Таäр 4. Наø Noäi, 1974. Тг. 292-299. (Чинь Као Тыонг, Ле Ван Лан. Исследование оружия и размышление о роли военного начала в эпоху создания государства и первых оборонительных войн.// Создание государства королями Хунг. Т.4. Ханой, 1973. С.292-299).
- 7. Nguyeãn Thò Dôn. Söu taäp vuố khí thôøi Leâ ôû Ngoïc Khaùnh (Haø Noäi). Chuyeân ngaønh: Khaûo coå hoïc. Maố soá; 5 03 08. Luaän aùn Tieán só lòch söû. Haø Noäi, 2001 (Нгуен Тхи Зон. Собрание оружия эпохи Ле из Нгоккхань (Ханой). Специальность: Археология. Шифр: 5 03 08. Диссертация на соискание степени доктора исторических наук. Ханой, 2001.)
- 8. Nguyeãn Thò Dôn. Söu taäp vuỗ khí thôøi Leâ ôû Ngoïc Khaùnh (Наø Noäi). Chuyeân ngaønh: Khaûo coå hoïc. Mað soá; 5 03 08. Toùm taét luaän aùn Tieán só lòch söû. Наø Noäi, 2001. (Нгуен Тхи Зон. Собрание оружия эпохи Ле из Нгоккхань (Ханой). Специальность: Археология. Шифр: 5 03 08. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. Ханой, 2001.) Также с использован набор иллюстраций-прорисовок к оригинальному тексту диссертации, любезно предоставленный автором.
- **9.** Mã tấu. https://vi.wikipedia.org/wiki/M%C3%A3_t%E1%BA%A5u Статья из Свободной энциклопедии.

На французском языке:

- **10.** *Huard P., Durand M.* Connaissance du Viet Nam. Paris Hanoi, 1954 (*Уар П., Дюран М.* Знакомство с Вьетнамом. Париж Ханой, 1954).
- **11.** Indochine. Des territoires et des hommes, 1856-1956. Gallimard, Musée de l'Armée, 2013. (Индокитай. Территории и люди, 1856-1956. Галлимар, Музей Армии, 2013.). Каталог выставки.

историческое оружиеведение

На английском языке:

12. Rodell Scott M. Vietnamese Sword, The Asian Art Newspaper, Volume 2, Issue 7. May 1999. (Роделл Скотт М. Вьетнамский меч, Вестник азиатского искусства, Том 2, Выпуск 7. Май 1999.)

ВАДИМ ГОРБУНОВ

ДЛИННОКЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ТЮРКСКОЙ КОННИЦЫ¹

В статье рассматривается длинноклинковое оружие тюркской конницы – кылыч, которое, по мнению автора, служило для обозначения как мечей, так и сабель. В основе исследования лежит анализ археологических материалов, происходящие с территории Центральной и Средней Азии, где изучены памятники тюркской культуры. Несмотря на то, что серия длинноклинкового оружия тюркской культуры невелика, она охватывает все этапы существования данной общности. Ее анализ позволяет наметить основные тенденции развития данного оружия у тюркской конницы. В период становления тюркского этноса (460–552 гг.) использовались однолезвийные мечи с прямой рукоятью и крюковым навершием, некоторые из которых снабжались прямоугольным перекрестием. Во время существования первых Тюркских каганатов (552–657 гг.) применялись однолезвийные и двухлезвийные мечи с прямой рукоятью, без перекрестия или с ромбовидношестиугольным перекрестием. На период II Восточно-Тюркского (682–744 гг.) и Тюргешского каганатов (699–756 гг.) приходится появление сабли с полуторалезвийным клинком и прямой рукоятью без перекрестия. После установления в степях Центральной Азии господства Уйгурского каганата (745-840 гг.), тюркский набор клинкового оружия включал полуторалезвийные мечи и сабли с прямоугольным перекрестием. В период «великодержавия» Кыргызского каганата (840–950 гг.) у тюрок наблюдается изменение сабель за

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научноисследовательского проекта «Этнокультурные процессы на юге Западной Сибири в раннем средневековье», №14-01-00463а

счет наклона рукояти, появления обоймы с язычком на основании клинка и крестообразного перекрестия. На заключительном этапе существования тюркской культуры (950–1100 гг.) каких-либо новых изменений в длинноклинковом оружии не наблюдается. В целом развитие тюркских мечей и сабель шло по пути увеличения длины клинка (от 60 до 80 см), перехода от прямой к наклонной рукояти и оснащения перекрестиями, у которых также наблюдается рост длины (от 6–7 до 10–11 см). Их эволюция была направлена на создание конструкций оптимальных для использования в кавалерийском бою. Отсюда вытекали основные требования к такому оружию: не слишком тяжелый вес, достаточная длина и акцент на рубящий удар для меча и рубяще-режущий удар для сабли. Колющая функция при всей своей важности, для конного воина оставалась дополнительной.

Ключевые слова: сабля, меч, тюрки, клинок, рукоять, лезвие, каганат, конница.

Длинноклинковое оружие (мечи и сабли) было обязательным средством ведения ближнего боя у тюркских всадников. О его наличии среди тюркской паноплии, наряду с луками и стрелами, панцирями и копьями, сообщают китайские династийные хроники Чжоу-шу и Суй-шу [1]. О применении мечей (сабель) в кавалерийской схватке пишут и собственно тюркские источники – эпитафии знаменитым полководцам II Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.). Так, на стеле памятника Кюль-Тегина есть следующие строки: «сев на белого (коня) Азмана, бросился в атаку, шесть мужей он заколол, в свалке он порубил мечом седьмого» [2] или в другом переводе «сев на белого [коня] Азмана, бросив клич, пошел в атаку и сразил шестерых воинов. Седьмого воина он поразил мечом в рукопашной схватке» [3].

Тюркское слово, обозначающее длинноклинковое оружие для ближнего боя — кылыч, переводится лингвистами как меч[4], однако весьма вероятно, что оно обозначало также и саблю, поскольку отдельного термина для этого вида оружия в раннетюркских письменных памятниках не встречается.

Вещественное представление о тюркском длинноклинковом оружии дают археологические материалы, происходящие с территории Центральной и Средней Азии, где изучены памятники тюркской культуры. Нам удалось собрать сведения о 14 мечах и шести саблях. К первому виду — мечам мы относим изделия с прямым клинком вне зависимости от количества лезвий и положения рукояти, ко второму виду — саблям, относим изделия с изогнутым даже в незначительной степени клинком[5]. Большинство мечей и сабель найдено в погребальных объектах и лишь по одному экземпляру обнаружено в поминальном и ритуальном комплексах.

Алтай:

- 1. Кызыл-Таш, оградка № 2. В яме, в западной части оградки, найден вотивный железный меч, представляющий собой уменьшенную модель боевого образца[6]. Размеры меча: клинок длина 7,3 см, наибольшая ширина 0,9 см, максимальная толщина 0,2 см; черен длина 3 см, наибольшая ширина 0,5 см; перекрестие длина 0,8 см, наибольшая ширина 0,2 см. Клинок меча однолезвийный. В поперечном сечении его полотно имеет треугольную форму. Черен меча прямой, с раскованным в виде крюка навершием. Меч снабжен напускным перекрестием, абрис которого в продольной плоскости напоминает прямоугольник. На клинке сохранились волокна дерева, указывающие на наличие деревянных ножен (рис. 1, 1). Вместе с моделью меча в яме оградки № 2 находились вотивный наконечник копья и 10 полноразмерных панцирных пластин. По составу инвентаря объект датируется 2 пол. V 1 пол. VI вв. н.э.
- 2. Усть-Бийке-III, курган № 5. В погребении человека с конем обнаружен фрагмент железного меча. Он располагался с правой стороны умершего воина, под колчаном, вдоль локтевой кости руки[7]. Фрагмент представлял собой нижнюю часть клинка длиной 21 см, с наибольшей шириной 2,6 см, с максимальной толщиной 0,8 см. Клинок однолезвийный, в поперечном сечении треугольной формы. Окончание клинка, в 5 см от острия, слегка прогнуто со стороны спинки. Данная деталь оформления находит аналогии в оружии булан-кобинской культуры Горного Алтая[8], и, учитывая подобное сходство можно предположить, что меч из кургана № 5 имел и другие общие с ним

признаки: отсутствие перекрестия и крюковое навершие (рис. 1, 2). В пользу такой реконструкции также свидетельствует описанная выше находка модели меча из раннетюркской оградки. Набор вооружения из кургана $\mathbb{N}_2$ 5, помимо меча, включал сложносоставной лук и колчан со стрелами. По инвентарю могила датируется 2 пол. V – 1 пол. VI вв. н.э.

- 3. Кудыргэ, курган № 9. В погребении человека с конем найден фрагментированный железный меч. Изделие располагалось на некотором расстоянии слева от воина, от плеча до бедра, острием вниз[9]. Размеры меча: клинок – длина 69,5 см, наибольшая ширина 4,8 см, максимальная толщина 0,8 см; черен – длина 10 см, наибольшая ширина 3,2 см; перекрестие – длина 7 см, наибольшая ширина 1,8 см. Клинок меча двухлезвийный. В поперечном сечении его полотно имеет форму линзы. Черен расположен на одной оси с клинком (прямой) и переходит в него посредством прямых плечиков. В средней части черен имеет заметное сужение, а в верхней два отверстия, в которые вставлены железные штифты, служившие для крепления деревянной обкладки рукояти. Меч снабжен напускным перекрестием, имеющим в продольной плоскости форму ромба с обрезанными длинными окончаниями, что придает изделию вид шестиугольника. От ножен меча сохранились четыре железные обоймы, оклеенные берестой, равномерно расположенные по длине клинка (рис. 1, 3). Набор вооружения из кургана №9, наряду с мечом, включал сложносоставной лук, колчан со стрелами и кинжал. По инвентарю могила датируется 2 пол. VI - 1 пол. VII вв. н.э.
- 4. Кудыргэ, курган № 12. В погребении человека с конем обнаружен фрагмент железного меча, который лежал слева, на некотором расстоянии, от черепа воина. От ножен этого меча найден железный наконечник[10]. Фрагмент меча представлял собой черен с частью клинка. Его размеры: клинок длина 12 см, наибольшая ширина 4 см, максимальная толщина 0,8 см; черен длина 10,8 см, наибольшая ширина 3,2 см. Клинок меча однолезвийный. В поперечном сечении его полотно треугольной формы. Черен прямой с заметным сужением к навершию. На нем сохранились остатки дерева от обкладки рукояти. Наконечник ножен прямоугольного абриса с выступом по нижнему

краю (рис. 1, 4). По инвентарю могила датируется 2 пол. VI – 1 пол. VII вв. н.э.

- 5. Уландрык-I, курган №10. В погребении человека с двумя конями найден фрагмент железного меча, который лежал слева от умершего вдоль бедренной кости. Он представлял собой обломок клинка длиной 16 см с остатками деревянных ножен[11]. Сам предмет не опубликован. Набор вооружения из кургана №10, кроме меча, включал сложносоставной лук, колчан со стрелами и копье. По радиоуглеродному анализу могила датируется 2 пол. VI 1 пол. VII вв. н.э.
- 6. Кара-Коба-I, курган № 85. В погребении человека с двумя конями зафиксирован железный меч. Он лежал слева от воина, от локтя до начала берцовых костей, острием вниз[12]. Размеры меча: клинок длина 66,5 см, наибольшая ширина 4,5 см, максимальная толщина 1,2 см; черен длина 10,5 см, наибольшая ширина 4 см; перекрестие длина 7,6 см, наибольшая ширина 2 см. Клинок меча однолезвийный. В поперечном сечении его полотно имеет пятиугольную форму. Черен меча прямой с выраженным сужением к навершию. Меч снабжен железным напускным перекрестием. Абрис его в продольной плоскости близок прямоугольной фигуре. На клинке сохранились остатки деревянных ножен, окончание которых оформлено бутеролью. Ее узкая часть обернута серебряным листом, а широкая окована полоской железа (рис. 1, 5). Набор вооружения из кургана №85, помимо меча, включал сложносоставной лук и колчан со стрелами. По инвентарю могила датируется 2 пол. VII 1 пол. VIII вв. н.э.
- 7. Шибе-2, курган № 2[13]. В погребении человека с конем обнаружен железный меч, располагавшийся слева напротив черепа умершего и заходивший под плечевую кость. Размеры меча: клинок длина 59,2 см, наибольшая ширина 3,4 см, максимальная толщина 1,1 см; черен длина 8,8 см, наибольшая ширина 2,5 см. Клинок меча однолезвийный, в поперечном сечении килевидного абриса. Острие его обломано. Черен меча имеет легкий наклон в сторону лезвия, его верхний край также обломан (рис. 1, 6). По инвентарю могила датируется 2 пол. VII 1 пол. VIII вв. н.э.

- 8. Ябоган-I, курган № 1. В погребении человека с конем зафиксирован железный меч. Он находился с левой стороны воина, от уровня черепа до таза и проходил под плечевой костью, острием вверх[14]. Общая длина меча 70 см, клинок однолезвийный с остатками деревянных ножен. Сам предмет не опубликован. Набор вооружения из кургана № 1, кроме меча, включал сложносоставной лук и колчан со стрелами. По инвентарю могила датируется 2 пол. VII 1 пол. VIII вв. н.э.
- 9. Джолин-І, курган № 9. В погребении человека с двумя конями найдена железная сабля. Она располагалась с левой стороны умершего, от середины плечевой кости до начала берцовых костей, частично под локтем, острием вниз[15]. Размеры сабли: клинок – длина 74,4 см, наибольшая ширина 2,6 см, максимальная толщина 0,8 см, прогиб спинки 0,6 см; черен – длина 6 см, наибольшая ширина 2,2 см; перекрестие – длина 6,4 см, наибольшая ширина 0,8 см. Клинок сабли полуторалезвийный. Большая его часть снабжена одним лезвием с выпуклой стороны, а противоположная сторона откована в виде спинки. Нижняя же часть клинка, на расстоянии 10 см от острия, раскована на два лезвия. В поперечном сечении однолезвийное полотно клинка имеет форму пятиугольника, а его двухлезвийная часть - форму ассиметричного ромба. Черен сабли прямой с сужением к навершию, длина полной рукояти составляла 12 см. Перекрестие напускное, подпрямоугольной формы в продольной плоскости. Под ним на основании клинка имеется узкая обойма (рис. 3, 2). На клинке были зафиксированы остатки ножен из двух деревянных дощечек, обернутых берестой, железные кольца и скобы для подвешивания к поясу на портупейных ремнях. На спинке клинка сделана инкрустированная золотой проволокой согдийская надпись: «Этот меч собственность Катгуна, (сына?) К[...]та. И да не будет ему вреда» [16]. Набор вооружения из кургана №9, помимо сабли, включал сложносоставной лук, колчан со стрелами, боевой нож и топор. По инвентарю могила датируется 2 пол. VIII – 1 пол. IX вв. н.э.
- 10. Беш-Озек, курган. В разрушенной строительными работами насыпи, среди камней, обнаружена железная сабля[17]. Вероятно, данный объект представлял ритуальное сооружение. Аналогичные курганы без погребений,

но с помещенными под насыпь предметами вооружения и снаряжения верхового коня, известны на ряде тюркских памятников Горного Алтая[18]. Размеры сабли: клинок – длина 77,5 см, наибольшая ширина 2,5 см, максимальная толщина 1 см, прогиб спинки 0,7 см; черен – длина 9 см, наибольшая ширина 1,6 см; перекрестие – длина 11,5 см, наибольшая ширина 1,6 см. Клинок сабли полуторалезвийный. Нижняя часть клинка, на расстоянии 15 см от острия, раскована на два лезвия. В поперечном сечении однолезвийное полотно клинка треугольное, а его двухлезвийная часть – ассиметрично-ромбическая. Черен сабли слегка наклонен в сторону основного лезвия, с заметным сужением к навершию. В центральной части он снабжен штифтом для крепления обкладки рукояти. Перекрестие сабли напускное, в продольной плоскости крестообразной формы. В основе фигуры лежит прямоугольник с ромбовидным выступом посередине и расширенными окончаниями. Под ним на основании клинка имеется обойма с коротким язычком со стороны лезвия (рис. 3, 3). По типологическим особенностям данный экземпляр клинкового оружия можно датировать IX-XII вв. н.э., а в рамках тюркской культуры 2 пол. IX – 1 пол. Х вв. н.э. [19].

11. Балтарган, могила в скальном гроте. В погребении человека с конем найдена железная сабля[20]. Ее размеры: клинок – длина 80,5 см, наибольшая ширина 3,2 см, максимальная толщина 1 см, прогиб спинки 0,5 см; черен – длина 8,8 см, наибольшая ширина 1,6 см; перекрестие – длина 10,3 см, наибольшая ширина 2 см. Клинок сабли полуторалезвийный. Нижняя часть клинка, на расстоянии 13,5 см от острия, раскована на два лезвия. В поперечном сечении однолезвийное полотно клинка треугольное, а его двухлезвийная часть – ассиметрично-ромбическая. Черен сабли наклонен в сторону основного лезвия и сужается к навершию. В центральной части он снабжен штифтом для крепления обкладки рукояти. Перекрестие напускное, подпрямоугольной формы с немного расширяющимися окончаниями. Под ним на основании клинка имеется узкая обойма (рис. 3, 4). Набор вооружения из данного захоронения, кроме сабли, включал 20 железных наконечников стрел. По инвентарю могила датируется 2 пол. X–XI вв. н.э.

- 12. Калбак-Таш, курган № 2. В погребении человека с конем обнаружен железный меч, который располагался вдоль правой руки умершего под налучьем и колчаном, острием вниз[21]. Размеры меча: клинок длина 76 см, наибольшая ширина 4 см, максимальная толщина 1,2 см; рукоять длина 17 см, наибольшая ширина 2,8 см; перекрестие длина 9,6 см, наибольшая ширина 1,6 см. Клинок меча однолезвийный, в поперечном сечении треугольный. Рукоять наклонена в сторону лезвия. Ее венчает бронзовый позолоченный колпачок. Перекрестие, вероятно, прямоугольной формы. На клинке остатки деревянных ножен покрытых черной гофрированной кожей с бронзовой обоймой на устье. У перекрестия и середины ножен бронзовые позолоченные бляхи-скобы для подвешивания к поясу (рис. 2, 5). Набор вооружения из кургана №2, наряду с мечом, включал сложносоставной лук и колчан со стрелами. По инвентарю могила датируется 2 пол. X—XI вв, н.э.
- 13. Катанда-II, курган № 1. В погребении человека с конем зафиксирован железный меч, который лежал с левого бока умершего[22]. Сам предмет не опубликован. Набор вооружения из кургана №1, кроме меча, включал 17 железных наконечников стрел. По инвентарю могила датируется 2 пол. X–XI вв. н.э.
- 14. Катанда-II, большой курган. Во впускном погребении человека с конем (или несколькими конями) найдена железная сабля[23]. Сам предмет не опубликован. Видимо в набор вооружения вместе с саблей входило несколько железных наконечников стрел. По инвентарю могила датируется 2 пол. X—XI вв. н.э.

Тува:

15. Аймырлыг-I, группа V, курган № 5. В ограбленном погребении человека с конем зафиксированы обломки железного меча[24]. От него сохранилось окончание однолезвийного клинка и закругленное навершие. Их размеры: клинок — длина 11,6 см, наибольшая ширина 3,2 см; навершие — 5x4,5 см. Клинок в поперечном сечении треугольной формы (рис. 2, 3). Из набора вооружения в кургане №5, помимо меча, найдена пара костяных накладок на рукоять сложносоставного лука и куски берестяного колчана. По инвентарю могила датируется 2 пол. VII — 1 пол. VIII вв. н.э.

16. Даг-Аразы (Аймырлыг-3), группа V, курган № 1. В погребении человека с конем обнаружен железный меч. Он располагался вдоль левой руки воина под колчаном[25]. Размеры меча: клинок – длина 74 см, наибольшая ширина 4 см; рукоять – длина 18,6 см, наибольшая ширина 2,8 см; перекрестие – длина 8 см, наибольшая ширина 2 см. Клинок меча полуторалезвийный с остатками деревянных ножен. Рукоять слегка наклонена в сторону основного лезвия. Ее венчает выделенное закругленное навершие. Перекрестие, вероятно, напускное, прямоугольной формы в продольной плоскости (рис. 2, 4). Набор вооружения из кургана № 1, помимо меча, включал сложносоставной лук, колчан со стрелами, символический панцирь из двух железных пластин и деревянный щит. По инвентарю могила датируется VIII – 1 пол. IX вв. н.э.

Минусинская котловина:

17. Шестаково, курган № 3, могила «А». Во впускном погребении человека с конем зафиксирован фрагментированный железный меч с погнутым окончанием клинка и обломанным череном. Он располагался вдоль левой руки воина[26]. Размеры клинка: длина 78 см, наибольшая ширина 4 см. Клинок однолезвийный (рис. 2, I). Набор вооружения из данного погребения, наряду с мечом, включал сложносоставной лук, стрелы и боевой нож. По инвентарю могила датируется 2 пол. ІХ — 1 пол. Х вв. н.э.

18. Ибыргыс-Кисте, курган № 4. В погребении человека с двумя конями найден железный меч. Он лежал на правой половине скелета, от лопатки до колена, острием вниз[27]. Размеры меча: клинок — длина 76 см, наибольшая ширина 3,5 см, максимальная толщина 1 см; рукоять — длина 16 см, наибольшая ширина 3 см; перекрестие — длина 10,2 см, наибольшая ширина 1,6 см. Клинок меча однолезвийный, в сечении килевидного абриса. Рукоять слегка наклонена и заканчивается закругленным навершием сильнее смещенным в сторону лезвия. Перекрестие напусное, прямоугольного абриса в продольной плоскости с немного расширяющимися окончаниями. На клинке сохранились остатки деревянных ножен и две железные обоймы со скобами для подвешивания к поясу. Нижняя часть ножен имела обмотку из полоски бересты (рис. 2, 2). Набор вооружения из кургана № 4, помимо меча, включал колчан со

стрелами и боевой нож. По инвентарю могила датируется 2 пол. X - 1 пол. XI вв. н.э.

Тянь-Шань:

19. Беш-Таш-Короо-II, курган № 3. В погребении человека с конем обнаружена железная сабля, лежавшая с левой стороны умершего[28]. Ее размеры: клинок — длина 73 см, наибольшая ширина 4,5 см, максимальная толщина 1,2 см, прогиб спинки 1,8 см; рукоять — длина 16 см, наибольшая ширина 3,2 см. Клинок сабли полуторалезвийный. Нижняя часть клинка, на расстоянии 8,5 см от острия, раскована на два лезвия. В поперечном сечении однолезвийное полотно клинка треугольного абриса, а его двухлезвийная часть — линзовидная. Рукоять сабли прямая и ровная имела деревянную обкладку, обшитую кожей. Клинок был помещен в деревянные ножны с железным наконечником и обоймой на устье, а также кожаной петлей для подвешивания к поясу (рис. 3, 1). Набор вооружения из кургана № 3, наряду с саблей, включал сложносоставной лук и колчан со стрелами. По инвентарю могила датируется 2 пол. VII — 1 пол. VIII вв. н.э.

20. Беш-Таш-Короо-II, разграбленный курган. В данном объекте найден обломок клинка железной сабли. Сообщается, что по сечению и форме сохранившейся части он аналогичен сабле из кургана № 3[29]. Сам предмет не опубликован. Этот объект видимо также относится ко 2 пол. VII – 1 пол. VIII вв. н.э.

В рассмотренных памятниках тюркской культуры можно отметить следующую взаимовстречаемость мечей и сабель с другими видами вооружения:

- 1) С луком и стрелами 6 раз.
- 2) Со стрелами –3 раза.
- 3) С луком, стрелами, кинжалом или боевым ножом 2 раза.
- 4) С панцирем, щитом, луком и стрелами 1 раз.
- 5) С луком, стрелами, боевым ножом и топором 1 раз.
- 6) С луком, стрелами и копьем 1 раз.
- 7) С панцирем и копьем 1 раз.
- 8) Со стрелами и боевым ножом 1 раз.
- 9) Без других видов вооружения 4 раза.

Количество тюркских объектов с мечами и саблями значительно уступает захоронениям, где найдено только стрелковое оружие[30], но оно вполне сопоставимо с объектами, в которых найдены копья (16) [31] и доспехи (26) [32].

Несмотря на то, что серия длинноклинкового оружия тюркской культуры невелика, она охватывает все этапы существования данной общности. На ее примере можно наметить основные тенденции развития данного оружия у тюркской конницы.

В период становления тюркского этноса (460–552 гг.) использовались однолезвийные мечи с прямой рукоятью и крюковым навершием, некоторые из которых снабжались прямоугольным перекрестием (рис. 1, *1*–2). Они являлись наследием предыдущего периода «великого переселения народов» и практически копировали образцы характерные для мечей Южной Сибири II—V вв. н.э. [33].

Во время существования первых Тюркских каганатов (552–657 гг.) применялись однолезвийные и двухлезвийные мечи с прямой рукоятью, без перекрестия или с ромбовидно-шестиугольным перекрестием (рис. 1, 3–4).

На период II Восточно-Тюркского (682–744 гг.) и Тюргешского каганатов (699–756 гг.) приходится появление сабли. Ее первые образцы имели полуторалезвийный клинок и прямую рукоять без перекрестия (рис. 3, 1). Мечи этого времени однолезвийные. У них наблюдается переход от прямой к наклонной рукояти и выделение навершия для лучшего удержания в руке. Часть мечей снабжается прямоугольным перекрестием, но еще встречаются и мечи без перекрестия (рис. 1, 5–6; 2, 3).

После установления в степях Центральной Азии господства Уйгурского каганата (745–840 гг.), тюркский набор клинкового оружия включал полуторалезвийные мечи и сабли с прямоугольным перекрестием. Видимо второе короткое лезвие перешло к мечам от сабель. Сабли все еще имели прямую рукоять, но получили узкую обойму на основании клинка, а мечи снабжались наклонной рукоятью с выделенным навершием (рис. 2, 4; 3, 2).

В период «великодержавия» Кыргызского каганата (840–950 гг.) у тюрок наблюдается изменение сабель за счет наклона рукояти, появления обоймы с

язычком на основании клинка и крестообразного перекрестия (рис. 3, 3). Мечи однолезвийные, но отсутствие образцов хорошей сохранности не позволяет судить о других их особенностях (рис. 2, 1).

На заключительном этапе существования тюркской культуры (950–1100 гг.) каких-либо новых изменений в длинноклинковом оружии не наблюдается. Встречаются однолезвийные мечи и полуторалезвийные сабли. Они имеют наклонную рукоять и прямоугольное перекрестие (рис. 2, 2, 5; 3, 4).

В целом развитие тюркских мечей и сабель шло по пути увеличения длины клинка (от 60 до 80 см), перехода от прямой к наклонной рукояти и оснащения перекрестиями, у которых также наблюдается рост длины (от 6–7 до 10–11 см). Их эволюция была направлена на создание конструкций оптимальных для использования в кавалерийском бою. Отсюда вытекали основные требования к такому оружию: не слишком тяжелый вес, достаточная длина и акцент на рубящий удар для меча и рубяще-режущий удар для сабли. Колющая функция при всей своей важности, для конного воина оставалась дополнительной.

Тюркские мечи и сабли были повседневным оружием степного всадника незаменимым в скоротечных конных схватках, связанных с набегами и рейдами. В правильном сражении, где главная роль отводилась копью[34], мечи и сабли использовались на последней завершающей стадии боя. Они были малоэффективны против пластинчатой брони и в основном предназначались для расчленения частей доспеха и поражения незащищенных участков.

Несмотря на малое число находок, для тюрок можно констатировать широкое распространение длинноклинкового оружия, по его частому присутствию на каменных изваяниях. Только с территории российской части Алтая опубликовано 49 таких изображений[35], а с учетом других регионов данная цифра будет в несколько раз больше². Это говорит о том, что мечи и сабли были на вооружении у значительной части даже рядовых воинов.

Носились и хранились тюркские мечи и сабли в деревянных ножнах, которые обтягивались кожей или обклеивались полосами бересты. Корпус но-

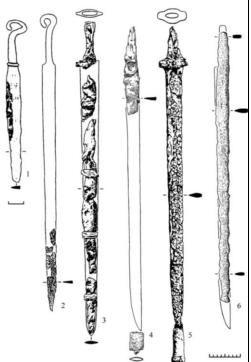
 $^{^2}$ Тема учета и анализа изображений оружия на тюркских изваяниях требует отдельной большой работы.

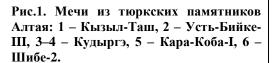
жен мог дополнительно скрепляться железными, реже бронзовыми обоймами, в количестве от одной до четырех штук (рис. 1, 3; 2, 2, 5; 3, 1). Нижняя часть ножен также могла иметь металлические детали. Встречается оковка корпуса листовым серебром, оканчивающаяся бутеролью (рис. 1, 5) или использование железных наконечников прямоугольной и сегментной формы (рис. 1, 4; 3, 1).

Подвешивание ножен к поясу производилось портупейными ремнями, закреплявшимися на ножнах при помощи обойм, скоб, колец и петель. Прослеживается способ подвешивания ножен на два портупейных ремня. При нем к торцевой стороне ножен в двух местах, ближе к устью и к середине, прикреплялись железные или бронзовые скобы (рис. 2, 2, 5). Парные скобы сегментной формы изображены у многих ножен на тюркских каменных извачиях, где также показано подвешивание мечей и сабель к поясу на двух портупейных ремнях, в наклонном положении, рукоятью вверх и вперед (рис. 4). На абсолютном большинстве изваяний мечи и сабли размещены у воинов с левой стороны. Такую же картину дают и погребальные памятники. В 11 рассмотренных могилах мечи и сабли расположены с левой стороны человека, и лишь в трех захоронениях наблюдается правое положение этого оружия³. Последние исключения, вероятно, связаны с тем, что воины были левшами.

Между редкими вещественными находками мечей и сабель в тюркских памятниках и их частыми изображениями на каменных изваяниях наблюдается существенная диспропорция. Это можно объяснить тем, что у тюрок не было обязательной традиции помещать в погребения воинов основные виды оружия ближнего боя. Видимо мечи и сабли полагались умершим только в особых случаях, например, при отсутствии наследника, в случае именного подарка или воинам, совершившим подвиг на поле боя.

³ Для четырех могил такая информация отсутствует. Они либо сильно разграблены, либо не квалифицированно раскопаны.

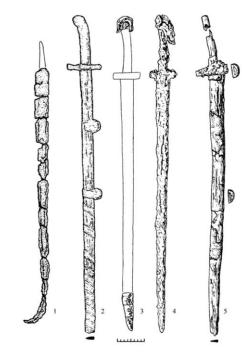

Рис.2. Мечи из тюркских памятников Минусинской котловины (1–2), Тувы (3–4) и Алтая (5): 1 – Шестаково, 2 – Ибыргыс-Кисте, 3 – Аймырлыг-I, 4 – Даг-Аразы-V, 5 – Калбак-Таш..

22015

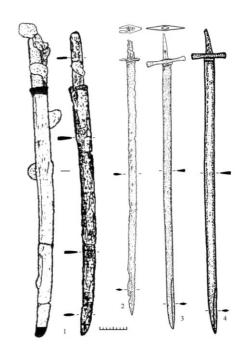

Рис.3. Сабли из тюркских из памятников Тянь-Шаня (1) и Алтая (2–4): 1 – Беш-Таш-Короо-II, 2 – Джолин-I, 3 – Беш-Озек, 4 – Балтарган.

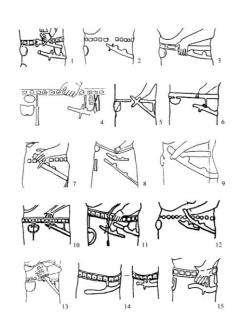

Рис.4. Изображения мечей (1–13) и сабель (14–15) на тюркских каменных изваяниях с Алтая. 1 – Ак-Товурак, 2 – Актру, 3 – Ардун-Тебе, 4 – Белый Ануй, 5 – Беш-Озек, 6 – Ело, 7 – Каман-Тон, 8–9 – Кыпчыл, 10 – Макажан, 11 – Торгон, 12 – Тая, 13 – Малталу, 14 – Тото, 15 – Согонолу.

Библиографический список

- 1. Лю Маоцай Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М, 2002. Прил. 1. С. 19–20.
- 2. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 42.
- 3. Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. М., 2008. С. 47.
- 4. Древнетюркский словарь. Л., 1969. C. 442–443.
- 5. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 57.

- 6. Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. Новосибирск, 1996. №3. С. 117, рис. 3.-1.
- 7. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. С. 62, рис. 23.
- 8. Горбунов В.В. Указ соч. С. 59, рис. 48.-2.
- 9. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., Л., 1965. С. 24, табл. XV.-А.
- 10. Там же С. 25, табл. ХХ.-А.
- 11. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. С. 366, табл. 2.
- 12. Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 199, рис.2.
- 13. Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Аварийные археологические раскопки у с. Шибе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. II. С. 203–205, рис. 1.
- 14. Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 71–74, рис. 2.
- 15. Кубарев Г.В. Указ. соч. С. 372, табл. 59.
- 16. Там же С. 100, табл. 63.-1.
- 17. Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Палаш из Беш-Озека // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. II. С. 239, рис. 1.
- 18. Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 117–119, рис. 1; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 117, рис. 6.-24–25.
- 19. Горбунов В.В. Указ. соч. С. 71.

- 20. Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гумаритарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. 1996. №3. С. 46–47, рис. 1.-1.
- 21. Кубарев Г.В. Указ.соч. С. 380, табл.115.
- 22. Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. І. С. 100.
- 23. Там же С. 81.
- 24. Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М., 2004. С. 96–98, рис. 8.-7; Ее же. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. С. 80, рис. 38.-15.
- 25. Там же С. 80, рис. 15.-1; Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. 1982. №3. С. 212, 216, рис. 1.-3.
- 26. Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. С. 37, puc. 34.-1.
- 27. Там же С. 34-35, рис. 31.
- 28. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996. Рис. 9–10; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. С. 117.
- 29. Там же С. 117.
- 30. Горбунов В.В. Военное искусство алтайских тюрок в раннем средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 86.
- 31. Горбунов В.В. Оружие таранного удара тюркской конницы // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 120.
- 32. Горбунов В.В. Пластины тюркского ламеллярного доспеха // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2013. С. 22–24.
- 33. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая... С. 64.

историческое оружиеведение

- 34. Горбунов В.В. Оружие таранного удара тюркской конницы. С. 123.
- 35. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. Табл. I–L; Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. Табл. IV.

СЕРГЕЙ ДОБРИДЕНЬ, СЕРГЕЙ БАРЧЕВСКИЙ

УНИКАЛЬНЫЙ БРОНЗОВЫЙ КИНЖАЛ ИЗ ПРИМОРЬЯ.

Олегу Сергеевичу Галактионову посвящается...

В статье описан бронзовый кинжал антенновидного типа недавно найденный в Приморье. Подробно даны его размеры и вес, декоративная отделка, указаны следы бытования. Авторами проведено исследование других находок бронзовых кинжалов на российском Дальнем Востоке и на территории соседних государств, на основании которого предмет был ими датирован рубежом эр. В статье особо отмечено сочетание элементов скифосибирского стиля и орнаментальных мотивов пришедших с Корейского полуострова и имеющих аналоги в Юго-Восточной Азии, а также сделано предположение о длительном существовании локальной оружейной традиции. Ключевые слова: бронзовый кинжал корейского типа, антенновидный кин-

ключевые слови: оронзовый кинжал корейского типа, антенновионый кинжал, кинжал с противостоящими грифонами, скифо-сибирский звериный стиль.

В сентябре 2015 года на Форуме исследователей исторического и культурного наследия народов Сибири и Дальнего Востока «Amurklad» [Амурклад, 2015] были продемонстрированы фотографии четырёх фрагментов бронзового кинжала (рис. 1). Как удалось выяснить авторам, артефакт был обнаружен в окрестностях села Николаевка Михайловского района Приморского края.

Части имеют следующие размеры и вес:

- фрагмент клинка с остриём: длина 62 мм, максимальная ширина –
   19 мм, максимальная толщина 5 мм, вес 15 г;
- второй фрагмент клинка комплементарный предыдущему: длина 79 мм, максимальная ширина 22 мм, максимальная толщина 9 мм, вес 45 г;
- фрагмент рукояти с гардой: вес − 250 г;
- фрагмент навершия комплементарный рукояти: вес 110 г;
- размеры рукояти показаны на рис. 2, максимальные ширина и толщина клинка по месту излома у рукояти составляют 29 мм и 12 мм соответственно.

Рис. 1.

Кинжал выполнен из светлой бронзы, и покрыт толстым однородным слоем так называемой «стеклянной» патины, которая, тем не менее, не скрывает мельчайшие детали декора рукояти. Фрагмент клинка ромбический в сечении с четырьмя развитыми долами. Место излома клинка у рукояти позволяет сделать вывод, что у пяты клинок имел так же ромбическое сечение с четырьмя развитыми долами. Рукоять покрыта геометрическим орнаментом двух типов: на гарде три пояса из почти равнобедренных треугольников, разделенных тонкими линиями на 6-7 частей параллельно одной из сторон, и

чередующиеся ряды - выпуклые и вдавленные - из узких вытянутых треугольников на остальной части рукояти. Прорезь в сечении — вытянутый усечённый ромб, имеет острые грани, внутри остатки облоя. Следы истирания и притирки отсутствуют — можно сделать вывод, что она не служила для крепления ремня или каких-либо иных деталей. Орнамент на отроге навершия и на гарде имеет заметные следы потёртости в результате длительного бытования. Кинжал вероятнее всего был сломан в ритуальных целях при погребении. Металл на изломах зернистый с крупными раковинами.

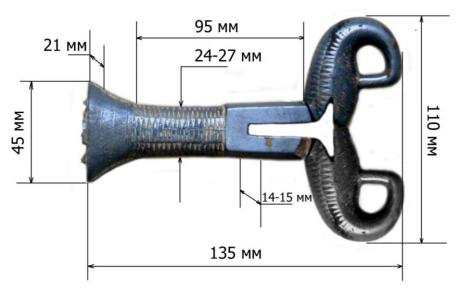

Рис. 2.

Фрагменты клинка обладают всеми типичными признаками нижней половины узких бронзовых кинжалов (англ. «slender dagger») или иначе — бронзовых кинжалов корейского типа (в данной работе применяется второй термин, который, по глубокому убеждению авторов, имеет исчерпывающее значение, легко запоминается, исключает неверную трактовку и существенно облегчает автоматизированный поиск). Рукоять кинжала относится к так называемому антенновидному типу — кинжалам с навершием в виде противостоящих голов грифонов, птиц или животных. Появление таких рукоятей связывается с влиянием скифо-сибирского звериного стиля на территории китайской провинции Ляонин и Корейского полуострова [Кан, 2011]. Ещё одним атрибутирующим признаком артефакта является орнаментальный декор рукояти — идентичный декору на бронзовых зеркалах, часто обнаруживаемых

в одних комплексах с кинжалами (например, пара кинжалов с зеркалом из Национального музея Кореи - National Museum of Korea, Accession Number: Sinsu 2958). Присутствие зеркал так же является датирующим признаком [Lee, 1996: 22-25]. Вышеперечисленное позволяет уверенно отнести данный клинок к кинжалам корейского типа.

В конце 50-х годов XX века в Шкотовском районе Приморья, у Известковой сопки при строительстве дороги рабочими было обнаружено погребение. В каменном ящике находились два кинжала корейского типа, бронзовое зеркало с тонким геометрическим орнаментом, бронзовый наконечник копья, несколько бронзовых и каменных предметов, предназначение которых, за исключением каменного тесла, неизвестно, а также костные останки [Окладников, 1960]. До настоящего времени науке не было известно о других артефактах подобного рода, обнаруженных на территории России.

Рис. 3.

Авторами выполнена реконструкция предполагаемого вида кинжала. (рис. 3) Длина его, если следовать пропорциям кинжалов с Известковой сопки, составляла 400-420 мм, вес – 650-700 грамм. Характер потёртости рукояти позволяет предположить, что кинжал носился в глубоких ножнах, из которых торчала только антенновидная часть рукояти — значительное истирание внешних поверхностей навершия, а также потёртость рисунка на гарде в самом широком месте, при совершенно нетронутых остальных частях рукояти, которая могла образоваться при трении о ножны. Необходимо отметить очень тщательную проработку граней клинка и рисунка рукояти, а так же то, что размеры рукояти хорошо соответствуют кисти современного человека.

Рассматриваемый кинжал объединяет в себе утилитарное – клинок, и сакральное – орнаментированную рукоять сложной формы. Большая масса рукояти по отношению к массе клинка делала баланс неудачным, а функциональность оружия весьма сомнительной. Если добавить к этому значительное количество затраченной бронзы, обуславливавшее чрезвычайно высокую стоимость изделия в железном веке, то можно сделать заключение, что ритуальная функция предмета превалировала над практической. О такой трансформации назначения оружия корейской бронзовой культуры упоминается российскими авторами [Худяков, 2008: 18].

Для окончательной датировки предмета необходимо рассмотреть его особенности в привязке к известной истории региона. Согласно работам [Kah, 2011: 89; Kang, 2001: 320] кинжалы с навершием в виде грифонов датируются III веком до н.э. – рубежом эр. Причём они известны как для бронзовых кинжалов корейского типа, так и для их предшественников - скрипковидных кинжалов (кинжалов ляодунского типа). В работе Lee C.K. [Lee, 1996: 17-19, 22-25] культура бронзовых кинжалов ляодунского и корейского типов разделена на пять периодов. Пятый период датируется не ранее ІІ века до н.э. и характеризуется кинжалами корейского типа в комплексе с бронзовыми зеркалами с тонким геометрическим орнаментом на обороте и с полукруглым сечением внешнего обода, бронзовыми копьями и другими изделиями из бронзы, таким образом, погребение с Известковой сопки является его типичным представителем. В это же время корейская бронзовая культура достигла Японии [Lee, 1996: 25]. В работе [Lee, 2004: 180] со ссылкой на Lee С.К. (публикация на корейском языке) уточняется, что корейские бронзовые зеркала бытовали в Японии во ІІ-І веках до н.э. Это позволяет предполагать, что южных районов Приморья данная культура достигла никак не позднее І века до н.э. С учётом времени, необходимого на выработку столь оригинальной комбинации – бронзового кинжала корейского типа с рукоятью в зверином стиле украшенной тонким геометрическим орнаментом, вероятно, наиболее корректным будет датирование артефакта рубежом эр. Такое заключение не противоречит датировке Бродянского Д. Л. [Бродянский, 1996: 139, 140], относящего погребение на Известковой сопке к кроуновской культуре (470 г. до н.э. - 180 н.э.), которая им отождествляется с племенем воцзюй (кит. 沃沮, кор. 옥저- окчо). В свою очередь Кан Ин Ук [Кан, 2011] аргументировано доказывает, что проникновение звериного стиля не связано с

миграцией населения и диффузией, а происходило в результате адаптации элементов культур сопредельных территорий к местным условиям. Великолепным образчиком такой адаптации является рассматриваемый артефакт. При первоначальном заимствовании антенновидные навершия в точности повторяли образцы скифо-сибирского стиля – изображали пару грифонов или крупных птиц. Но по мере продвижения с запада на восток зооморфный образ подвергался всё большей и большей стилизации, пока не приобрёл вид пары замкнутых абстрактных дуг. Навстречу скифо-сибирскому воздействию с юга шло влияние культур, имеющих корни в Юго-Восточной Азии, особенно в её островной части. Авторам не удалось отыскать элементы декора, родственные орнаментам кинжала из Николаевки, в Сибири и на Великой Китайской равнине, но их легко можно проследить на Японских островах, Индонезии и далее на юго-запад вплоть до знаменитой донгшонской бронзы Вьетнама. Ещё более удивительно, что часть этой локальной оружейной культуры дожила практически до наших дней – в 1902 году Лауфер зафиксировал идентичный орнамент на нанайском ноже, причём он был нанесён на то же самое место на рукояти [Laufer, 1902].

Кинжал из Николаевки несомненно займёт важное место в изучении истории оружейной культуры Приморья и всего российского Дальнего Востока в целом. В более широком плане данная находка является заметным звеном в цепи фактов, демонстрирующих процессы взаимодействия и взаимопроникновения культур в Северо-Восточной Азии.

Библиографический список:

- 1. Амурклад, 2015 http://www.amurklad.org/index.php?/topic/2616бронзовый-кинжал-приморский-край/, сообщение от 8.09.2015.
- Бродянский, 1996 Бродянский, Д. Л. Илоу и воцзюй: новый взгляд на старую загадку // Известия Восточного института. 1996. № 3. С. 134— 143.
- 3. Кан, 2011 Кан, И. У. Распространение звериного стиля в I тыс. до н.э. на территории провинции Ляонин (КНР) и Корейского полуострова в

С. ДОБРИДЕНЬ, С. БАРЧЕВСКИЙ

- связи с культурой бронзовых скрипковидных кинжалов // Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск, 2011. C.82–96.
- 4. Окладников, 1960 Окладников, А. П., Шавкунов, Э. В. Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ (Приморье) // Советская археология. 1960. Т. 3. С. 282–288.
- 5. Худяков, 2008 Худяков, Ю. С., Костылев, А. В., Комиссаров, С. А. Бронзовые копья железного века (Классификация бронзовых наконечников копий раннего железного века на территории Маньчжурии и Кореи) // Вестник НГУ. 2008. Серия: История, филология. Т. 7. Вып. 4: Востоковедение. С. 12–18.
- 6. Kang, 2001 Kang, Inuk. An iron dagger of skytho-siberian type from the mohe culture settlements and discussion about the influence of the skythian material to the Far East region // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию государства Бохай. Владивосток, 2001. С. 319–324.
- Laufer, 1902 Laufer, Berthold. The Decorative Art of Amur Tribes //
  Memoirs of the American Museum of Natural History. Volume VII. Publications of the Jesup North Pacific Expedition. 1902, NY. Plate III, pp. 12-13.
- 8. Lee, 1996 Lee, C. K. The Bronze Dagger Culture of Liaoning Province and the Korean Peninsula // Korea Journal. 1996. Vol. 36. No. 4. pp. 17–27.
- 9. Lee, 2004 Lee, Jaehoon, "The Relatedness between the Origin of Japanese and Korean Ethnicity" (2004). Electronic Theses, Treatises and Dissertations. Paper 3200.

ИГОРЬ ЗАВОРОТЬКО

О ПРОИЗВОДСТВЕ САБЕЛЬ И ШАШЕК В ПАВЛОВСКОМ СТАЛЕСЛЕСАРНОМ РАЙОНЕ

В статье анализируются сведения о производстве белого оружия (сабельных и шашечных клинков) в Павловском сталеслесарном районе, входившем в Горбатовский уезд Нижегородской губернии и Муромский уезд Владимирской губернии во второй половине 19 в. Производство клинков было развернуто на базе кустарных ножевых производств. Систематизируются сведения об основных производителях и видах их изделий, относящихся к боевому оружию: Варыпаеве, Завьялове, Корытцеве, Коробкове, Буслаеве, Беляеве, Цветове, Кондратьеве. Приводятся интересные документы об организации изготовления клинков, технологии их производства и проверки в период вторая половина XIX века — первая четверть XX века. Анализ позволяет говорить о том, что во второй половине XIX века — первой четверти XX века в Павловском сталеслесарном районе существовало организованное кустарное и фабричное производство сабель и шашек.

Ключевые слова: Павловский сталеслесарный район, клинок, сабля, шашка, кустарное производство.

Исторически Павловский сталеслесарный район, находившийся в границах Горбатовского уезда Нижегородской губернии и Муромского уезда Владимирской губернии, специализировался на изготовлении ножевых изделий – столовых, хлеборезных, складных и т. п. ножах, вместе с тем, из лите-

ратурных источников известны факты, свидетельствующие о производстве в районе и некоторых видов белого оружия, например, сабель и шашек.

Часть обнаруженных сведений о таком производстве относится ко второй половине XIX века.

Так, в опубликованных в 1868 году «Записках Русского технического общества и своде привилегий, выдаваемых по департаменту торговли и мануфактур» содержится сообщение инженера Н.Ф.Лабзина «О ножевом производстве в Нижегородской и Владимирской губерниях», в котором имеется следующее утверждение: «Бритвы, хирургические инструменты, сабельные клинки и другие ножевые товары тоже изготовляются в Горбатовском уезде, но сравнительно в небольшом количестве» (беседа по 2-му отделу, 21-го января 1867 года, под председательством И.А.Вышнеградского).

Необходимо отметить, что сведения, составившие основу сообщения Н.Ф.Лабзина, были собраны в ходе его исследования, о котором нижегородскому губернатору сообщалось в письме из министерства внутренних дел (18 июня 1866 г., исх. № 11278): «По распоряжению Господина Министра Финансов механик Мануфактурного Совета инженер-технолог Лабзин откомандирован в Нижегородскую губернию для подробного исследования положения заведений стальных изделий.

Вследствие сего и в видах облегчения г. Лабзину возможности к успешному достижению предположенной им цели, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство предписать городским и уездным полициям вверенной Вам губернии об оказании механику Лабзину всякого законного содействия к выполнению данного ему поручения» (ЦАНО, ф. 2, оп. 5, д. 154. л. 1).

В дальнейшем, уже в отдельной работе, ставшей на многие годы важным источником сведений о ножевом производстве в России, «Исследование промышленности ножевой, замочной и других металлических изделий в Горбатовском уезде — Нижегородской и в Муромском уезде Владимирской губерний» (1870), Н.Ф.Лабзин сообщает более подробные сведения о производстве сабельных клинков:

«Кроме того, Ф.Варыпаевым делаются по заказу плотничьи и столяр-

ные инструменты, и сабельные клинки, но не в большом количестве» (стр. 65);

«На фабрике бр. Завьяловых, кроме перочинного ножа, разного вида складного, столового и ножниц, составляющих специальное занятие фабрики, готовятся, но сравнительно в меньшем количестве, бритвы, дорожные и охотничьи кинжалы, хирургические инструменты, столярные, плотничьи и слесарные инструменты, а также принимаются заказы на сабельные клинки» (стр. 105);

«Кроме перочинного ножа, [Иван Михайлович] Корытцев делает также кинжалы, сабельные клинки и всякий дорожный нож» (стр. 117).

И наконец, еще одно упоминание этого же периода о производстве в селе Павлове Горбатовского уезда Нижегородской губернии клинкового оружия – следующая цитата из цикла публикаций в газете «Московские ведомости»: «Варыпаев имел счастье изготовлять палаши, шашки и сабли по заказам Государя Императора, Государя Наследника, Великих Князей и его величества короля Датского».

Другим источником, содержащим сведения о производстве в Павловском сталеслесарном районе холодного оружия, являются различные каталоги международных, всероссийских, губернских и прочих промышленных выставок, участие в которых принимали в том числе и крестьяне указанного района. Согласно «Положению о выставках изделий мануфактур, фабрик и заводов в С.Петербурге, Москве и Варшаве» («Журнал мануфактур и торговли», 1848), вместе с изделиями, предназначенными для экспонирования, на выставки должны были представляться и подробные сведения о «фабрикантах».

Всего были изучены материалы 41 подобной выставки периода 1829-1914 гг., в результате чего выявлены следующие мастера, указавшие в сведениях о своем производстве в качестве приготовляемых изделий сабли, либо непосредственно предъявившие такие изделия на выставки:

Варыпаевы Федор Михайлович и Иван Алексеевич, с. Павлово: клинок сабельный -2 р. 50 к., клинок палашный -2 р. Фабрика стальных изделий основана в 1813 г. Ежегодно выделывается до 10 т. дюж. ножей и ножниц на сумму до 47 т. р. Рабочих до 30 человек («Указатель русского отдела Париж-

ской всемирной выставки 1867 г.»);

Коробков Илья Осипович, Владимирская губерния, Муромский уезд, с. Вача и по реке Сереж в Горбатовском уезде Нижегородской губернии: ножи поварские, сахарные, сапожные, садовые и др.; резаки, кинжалы, палаши. Фабрика ножевых изделий в с. Ваче основана в 1820 г., шлифовальня на реке Сереж в 1866 г. Выделывается стальных изделий до 17 тыс. штук в год на 14 тыс. рублей. Рабочих на фабрике 40 чел. и вне ее 30 чел. В шлифовальном заведении 32 чел., на фабрике имеются 23 верстака и кузница на 2 горна («Указатель Всероссийской мануфактурной выставки 1870 г. в Санкт-Петербурге»);

Буслаев Василий Васильевич, с. Павлово: сабля («Официальный каталог русского отдела Парижской всемирной выставки 1889 г.»), кроме того, в «Справочном указателе кустарных производств и кустарных мастеров» (1899 г.) названы следующие приготовляемые Буслаевым изделия: бритвы и сабли;

Буслаев Василий Васильевич, с. Павлово: за отличную выделку бритв и высокое качество сабель награжден серебряной медалью по отделу «Кустарные промыслы». Годовое производство бритв на сумму до 3500 руб. Материал местный. Изделия сбываются на месте. Получил бронзовую медаль на Нижегородской выставке 1885 г. и два почетных отзыва: на Казанской выставке 1885 г. и на всемирной Парижской выставке 1889 г. («Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Кустарные промыслы», Москва, 1896);

Беляев Василий Иванович, с. Павлово: сабли, замки плоские, молотки и циркули. Годовое производство до 400 р. Работает сам с помощью одной женщины из своей семьи. Материал приобретает на местном рынке. Изделия сбываются скупщикам и торговцам на том же рынке. Имеет бронзовые медали: за Нижегородскую Всероссийскую выставку 1896 г. и Киевскую 1887 г. («Указатель Всероссийской Кустарно-Промышленной выставки, состоящей под августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, 1902 года», С.-Петербург).

Необходимо отметить, что перечисленные сведения отражают сугубо кустарное производство оружия (несмотря на упоминавшиеся «фабрики»),

способное дать скорее отдельные образцы изделий, нежели сколь-нибудь масштабные его выпуски. Вместе с тем, из архивных материалов известна попытка (на государственном уровне) организовать производство драгунских шашек в селе Павлове. Так, в фондах Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО, ф. 2, оп. 6, д. 2169, л. 7-9) выявлено письмо вицегубернатора Нижегородской губернии Родионова земскому начальнику 3 участка Горбатовского уезда (28 февраля 1896 года, исх. № 1101), в котором и содержится информация об организации такого производства.

Вот содержание письма: «По ходатайству Господина Начальника губернии Господин Военный Министр разрешил с целью определения свойств и пригодности для боя холодного оружия кустарного производства, в последнее время, заказать кустарям с. Павлова Цветову и Варыпаеву пять экземпляров драгунских шашек нового образца с медными гайками для штыка, выслав им установленный образец такой шашки, вместе с техническими условиями для их приема, и затем приготовленное Павловскими кустарями оружие отправить в Трубочно-Инструментальный завод для обмера и производства установленных проб. По получении же результатов испытания шашек приступить к дальнейшему обсуждению вопроса о предоставлении Павловским кустарям каких-либо заказов оружия для военного ведомства. Вследствие этого, препровождая при сем полученную из Петербургского Окружного Артиллерийского склада одну драгунскую шашку образца 1881 года с гайками для помещения штыка с изменениями в медном приборе ножны, объявленными в приказе по военному ведомству 1888 года за № 88 и с резиновой ножной образца, установленного приказом по военному ведомству 1891 года за № 238, и прилагая выписку из инструкции для приема холодного оружия образца 1881 года, прошу Вас доставить означенную драгунскую шашку, а равно и выписку из приведенной инструкции в с. Павлово для руководства при изготовлении по образцу этой шашки местными кустарями Цветовым и Варыпаевым только пяти драгунских клинков с рукоятками для испытания их в Инструментальном Отделе Трубочно-Инструментального завода. Что же касается деревянных ножен к означенным пяти клинкам с рукоятками, покрытыми резиновою массою, то к этим ножнам Павловские кустари должны

изготовить только медный прибор установленного образца, а самые ножны, покрытые резиною, кустари могут приобрести за деньги непосредственно от комиссионера Златоустовских заводов в С.-Петербурге, горного инженера Износкова, которому по особому условию, заключенному с ним Златоустовскою оружейною фабрикой, предоставлено исключительное право заготовлять резиновые ножны и для шашек, приготовляемых этою фабрикою по ежегодным нарядам артиллерийского ведомства, и, кроме того, согласно циркуляра Главного Штаба 1895 года № 79, им же, Износковым, отпускается по частным заказам войск за деньги холодное оружие и отдельные его части, а в том числе и деревянные ножны, покрытые резиновою массою.

К сему присовокупляю: 1, что те пять клинков с рукоятками к драгунской шашке образца 1881 года, которые изготовлены будут Павловскими кустарями, а равно и резиновые ножны к этим шашкам с гайками для штыка и с медным прибором установленного образца должны быть доставлены по изготовлении в Канцелярию Губернатора для отсылки в Петербургский оружейный артиллерийский склад вместе с прилагаемой шашкой для обмера и пробы означенных пяти клинков с рукоятками в Инструментальном Отделе Трубочно-Инструментального завода, причем необходимо доставить сведения о стоимости изготовления кустарями села Павлова как этих пяти клинков с рукоятками, так и медного прибора к ножнам, стоимость же самих ножен, покрытых резиною по той цене, по которой они будут приобретены кустарями от горного инженера Износкова, должна быть показана в этих сведениях отдельно от клинков с рукоятками и медного прибора и 2, что изготовление на Златоустовской оружейной фабрике одной драгунской шашки образца 1881 года с резиновой ножной и с гайками для штыка обходится в настоящее время в 6 руб. 95 коп.».

Несмотря на то, что, кроме фамилий павловских кустарей, в письме нет других сведений, позволяющих идентифицировать мастеров более точно, можно предположить, что речь в нем шла об уже упоминавшемся Ф.М. Варыпаеве и С.П. Цветове. О последнем из «Официального каталога русского отдела Парижской всемирной выставки 1889 г.» известно, что его производ-

ство пик расположено в селе Павлове и существует с 1875 г., «производит ежегодно 2500 штук на 1500 рублей. Три сына помогают отцу в работе».

К письму прилагалась «Выписка из инструкции для приема холодного оружия образца 1881 года»: «Кроме установленных размеров, клинки должны удовлетворять пробам на качество металла, а именно: на гиб, на хрупкость и на твердость. Первая проба заключается в том, что клинок, подвергаясь давлению груза в 50 фунт., не должен давать стрелы прогиба более 5-ти дюйм. Вторая проба производится ударами плашмя, обухом и лезвием с полным размахом по толстой березовой доске (плашмя) и по деревянному чурбаку (обухом и лезвием). От одного удара по доске, от одного удара обухом и от двух ударов лезвием клинок не должен садиться и не получать изгиба. Третья проба на твердость лезвия для определения способности рубить производится несколькими ударами боевой половиной клинка в разных местах по пластинке из кованной отожженной стали, имеющей сечение, одинаковое сечением лезвия клинка. Для пробы на твердость оконечника клинок опускается с высоты 28 дм на лежащую железную пластину толщиною 0,075 дм, которая должна быть пробита».

Также имеются сведения о производстве шашек в годы Первой мировой и гражданской войн в с. Ваче Муромского уезда Владимирской губернии: «Основное ножевое производство стало отходить на второй план, заменяясь предметами вооружения, снаряжения и снабжения армии. Появилось производство ножниц для резки проволочных заграждений, шашечных клинков, кортиков, шанцевого инструмента (топоров, лопат), разного рода инженерного имущества, инструментов, стремян, шпор и многое другое» (Ветров, 1923).

В начале 1920-х годов шашки производились на вачской фабрике № 1 (бывшей фабрике наследников Д.Д.Кондратова и будущем заводе «Труд») — об этом сообщается в статье «Вачский район» (газета «Луч», № 5, 15 января 1921 г.): «Отделение стальных изделий № 1-го, что при д. Лобкове Муром. у. В цехе, где личат и шлифуют шашки, имеется одна общая вентиляция и, конечно, она недостаточно вытягивает пыль. На некоторых черках работают вместо ремней веревками, которые очень часто рвутся» (черки или чарки — шлифовальные колеса, на которых производилась обработка изделий, при

этом шлифовка (личка), особенно, сухая – один из наиболее вредных этапов производства). Очевидно, что производство шашек на фабрике в Ваче – налаженный технологический процесс, реализованный на фабрике в прежние годы. Так, в 1923 году газета «Павловская жизнь» (№ 69, 12 октября 1923 г.) освещала проходившую в Москве первую всесоюзную сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку. В статье «Впечатления с выставки. Наш Прумп на выставке» сообщалось, что знатоки ищут «Кондратовские» и «Теребинские» топоры, а «на рынке мы видим плохонькие кустарные топоры». И далее – «вот Вача старые, Кондратовской выработки и клейма, рекламные ножи, да офицерские шашки выставила. Целыми дюжинами на всей стене наляпали...»

Еще одно подтверждение того, что на фабрике в Ваче производили шашки: «Еще раньше, в годы гражданской войны, кроме традиционных изделий — ножей, вилок, топоров и т.д. — для Красной Армии выпускались шашечные клинки, шпоры, саперные топоры, 8-12 вершковые гвозди для астраханских барж» (Воробьев, 1990).

И, в завершение статьи, о стали Путиловского завода, использовавшейся для изготовления шашек, сообщается во вступительном разделе «Оптового иллюстрированного прейскуранта изделий фабрик и заводов Муромского металлотреста, 15 августа 1924 года»: «Специально для наших фабрик варились и катались следующие сорта стали, получившие в заводской номенклатуре и соответственные марки», при этом сталь марки «Илья Муромец» «шла ... для шашечных клинков и ремесленных ножей».

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о существовании во второй половине XIX века – первой четверти XX века кустарного и фабричного производства сабель и шашек в Павловском сталеслесарном районе, при этом получение количественных сведений, относящихся к данному производству, является вопросом будущих исследований.

Библиографический список

- 1. Беседа по 2-му отделу, 21-го января 1867¹ года, под председательством И. А. Вышнеградского: сообщение г. Лабзина, «О ножевом производстве в Нижегородской и Владимирской губерниях», «Записки Русского технического общества и свод привилегий, выдаваемых по департаменту торговли и мануфактур», выпуск 3, 1868.
- 2. ЦАНО, ф. 2, оп. 5, д. 154, л. 1.
- 3. Лабзин Н.Ф., Исследование промышленности ножевой, замочной и других металлических изделий в Горбатовском уезде Нижегородской и в Муромском уезде Владимирской губерний. Санкт-Петербург, 1870.
- Село Павлово. Московские ведомости, №№ 180-201, 17 июля-10 августа 1872 г.
- 5. Журнал мануфактур и торговли. Часть 2, 1848, стр. 110.
- 6. Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки 1867 г. С.-Петербург, 1867.
- 7. Указатель Всероссийской мануфактурной выставки 1870 г. в Санкт-Петербурге. С.-Петербург, 1870.
- 8. Официальный каталог русского отдела Парижской всемирной выставки 1889 г. Париж, 1889.
- 9. Справочный указатель кустарных производств и кустарных мастеров. Выпуск 3, С.-Петербург, 1899.
- Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Кустарные промыслы. Москва, 1896.
- 11. Указатель Всероссийской Кустарно-Промышленной выставки, состоящей под августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, 1902 года. С.-Петербург.

¹ В оригинальном тексте в заголовке статьи 1867 год вручную чернилами исправлен на 1868 (примечание И. Заворотько).

и. заворотько

- 12. ЦАНО, ф. 2, оп. 6, д. 2169, л. 7-9.
- 13. Ветров С.А. Двадцать лет рабочей организации. Муром, Кулебаки, Выкса, 1923.
- 14. Вачский район. Луч». № 5, 15 января 1921 г.
- 15. Впечатления с выставки. Наш Прумп на выставке. Павловская жизнь, № 69, 12 октября 1923 г.
- 16. Воробьев В.А. Вачские металлисты. Нижний Новгород, 1990, стр. 11.
- **17**. Оптовый иллюстрированный прейскурант изделий фабрик и заводов Муромского металлотреста, 15 августа 1924 года.

ВАХТАНГ КИЗИРИА

О ВОЗМОЖНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МИНГРЕЛЬСКОГО КИНЖАЛА В СВЕТЕ АНАЛИЗА ЗАФИКСИРО-ВАННЫХ ПРЕЦЕНДЕНТОВ КИНЖАЛЬНЫХ СХВАТОК¹

В статье на основе анализа имеющихся исторических свидетельств предпринимается попытка выделить тип мингрельского колющего кинжала на основе анализа исторических свидетельств о специфических обстоятельствах применения удара и укола в кавказских обществах. Исторически укол и удар разделялся - в поединках внутри социума укол, как более смертоносный прием, был запрещен, разрешались только рубящие удары. Вместе с тем, как показывают источники, табу не действовало в условиях боя с внешним противником или при защите жизни. На основании анализа имеющейся информации мингрельский колющий кинжал атрибутируется как принадлежавший преимущественно к группе тех представителей мингрельского общества начала 19 века, которые были вовлечены в конокрадство. Специфика их рода занятий, связанного с возможными схватками с врагом, и обусловила выделение и существование преимущественно колющего кинжала.

Ключевые слова: кинжал, Мингрелия, сатевари, укол, удар, хевсуры, рубка, клинок.

¹ Автор благодарит за сотрудничество и предоставленные материалы дирекцию Грузинского Национального Музея, куратора Золотого и Оружейного фонда Капианидзе М. Особенная благодарность Н. Абазадзе, коллеге и другу, автору этнограф. зарисовок.

Опережение в первом ударе играло не просто важную роль в схватке на безгардовых видах оружия, но было основополагающим залогом успешной атаки. Опережение определяло исход боя чаще, чем маневр уклоном или парри сбивом. Опережение могло достигаться, как за счет превосходной реакции и моторики, так и приемами создававшими противнику препятствия для исполнений первичной атаки. В случае длинноклинкового оружия дистанция не позволяла блокировки противника в начале боя. Поэтому бой на шашках не смог заимствовать этого метода от кинжального боя, сделав акценты на других маневрах, используемых в действии безгардовым оружием. Кинжал же имел то преимущество, которое давала ему короткая дистанция боя. Именно короткая дистанция делала естественным использование элементов борьбы. Автор предлагает рассмотреть способ противодействия оппоненту в кинжальной схватке, выделенный из материалов различных лет. Рассматриваемые способы блокировки движения, увеличивающие шанс на успешный опережающий удар, нам интересны тем, что применялись в независимости от типа кинжала или характера столкновения. В то же время тип кинжала и характер столкновения диктовали метод применения клинка и соответственно исход боя. Рассмотрим первый пример.

1. Рассказчик Нестор Маисаиа. Записано Б.И.Кизириа. Зугдиди.1949год. Тема конспекта: уход за лошадью, "заговоры" лошади, подготовка и тренинг лошади для мкердаоба² [18]

Из рассказов Н.Маисая нам интересен только эпизод внезапного столкновения конокрада и хозяина. Скоротечная борьба за обнажение кинжала закончилась смертью хозяина лошади. Прием был продемонстрирован Н.Маисаиа с малым кинжалом мингрельского типа.

Схватка произошла во время попытки угона лошади между конокрадом и владельцем лошади, физически более сильным человеком. Оба противника были из враждующих фамилий (фамилии опущены автором), и попытка увести любимого коня была частью нанесения морального урона и оскорбления.

² Случай рассказанный наездником и знатоком лошадей Н.Маисая связан с конокрадством, еще сильно распространенным в 80-х годах 19 столетия. По словам Н.Маисая, он учился от участника описываемых событий мастерству управления лошадью в мкредаоба и др., а также спец. уходом за лошадью.

В момент обнаружения хозяин произвел выстрел в упор из ружья, но, то
дало осечку и оба автоматически
ухватились за кинжалы и одновременно попытались обнажить их.
Находясь на расстоянии вытянутой
руки оба по совпадению попытались
применить одинаковое блокирующее
действие. Действие заключалось в
захвате запястья вооруженной руки
противника чтобы заблокировать обнажение клинка. При данном захвате
простейшим противодействием является извлечение кинжала за счет фи-

зической силы. Конокрад, почувствовав, что проигрывает более сильному физически противнику, применил следующее действие. Нырком под удерживающую руку противника, он провел свое левое плечо и голову под левое предплечье противника, взяв его на излом точкой у основания своей шеи со

своей правой стороны, и изломом привел к разрыву захвата и обнажению своего кинжала. После этого конокрад нанес удар приведший к смерти³.

2. Записано Н.Абазадзе. Хевсуретия. 1995 год. [17]

Эпизоды из жизни известного в 50-х-60-х годах в Хевсурети кузнеца, оружейника и признанного фехтовальщика Надиры Ликокели из Аче, были впервые зафиксированы в Хевсурской экспедиции группы Н.Абазадзе в 1995 году. Сохранились показания нескольких живых свидетелей конфликта, про-изошедшего между Н.Ликокели и местным хахматцем (фамилия опущена автором), во время покоса на територии Хахмати. Территориальный диспут в группе хевсуров привел к перебранке. Надира вступаясь за обиженного выз-

вал на себя гнев обидчика и произошла короткая схватка кинжалами, быстро остановленная присутствующими хевсурами. В самом начале схватки Надира захватом запястья вооруженной руки противника остановил поступательное движение кинжала, одновременно

обнажив свой кинжал. До того как дерущихся разняли, Надира нанес пару легких ударов и пустил кровь оппоненту, продолжая блокировать противника. По свидетельству Миндиа Арабули из Рошка, и Давида Ликокели из Аче, а также других хевсуров хорошо знавших Надиру Ликокели и бывших в тот день свидетелями столкновения, схватка была напряженной, так как соперник Надиры был вне себя и если бы ему удалось высвободить кинжал, Надире пришлось бы нанести ему более серьезную рану. Хевсуры единогласно отмечают, что Н. Ликокели будучи сильным фехтовальщиком, практически всегда контролировал ситуацию боя, и более того часто избегал боя в кон-

22015 66

_

³ Следует отметить, что действие кинжалом в эпизоде с конокрадом было сделано обратным хватом, который не может производиться кинжалами других видов - Лаз-Гурийского (Аджарского) и обще грузинского сатевари. По крайней мере это весьма нецелесообразно. К такому выводу пришла исследовательская группа Н.Абзадзе, установившая неудобство действия обратным хватом кинжалами вышеуказанного типа. Из чего можно предположить, что применение обратного хвата с рассматриваемым кинжалом мингрельского типа не случайно.

фликтных ситуациях, тем самым проявляя благородство своей натуры, но в данной ситуациии был очень рассержен поведением обидчика, что и привело к данному конфликту.

В данном эпизоде зафиксировано то же блокировочное действие, однако характер столкновения совершенно другой. Это типично хевсурская драка, протекающая в рамках ограничений на колющий удар. В подобных же случаях наносились легкие рубящие удары в волосяную часть головы. Задействованные кинжалы - обще грузинского универсального типа сатевари.

3. Рассказчики Узман Дая, Р. Заза. Записано В.Кизириа, по маршруту село Кашикчи Ардануч, село Аладжик, Сев.Турция, Лазистан 2007

Записаны методы блокировки руки оппонента, обнажающего кинжал из положения подвеса на поясе кавказского типа *камари*, и из положения заткнутого в складки тканевого пояса, оборачиваемого вокруг талии наподобие кушака.

Действия кинжалом Лаз-Аджаро-Гурийского типа, как на войне, так и в бытовых ситуациях диктовались его формой. Отсутствие выраженного острия у кинжала исключает колющий удар. Это, несомненно, кинжал пре-имущественно рубящего действия. Местное старое название такого кинжала – сакапави (гур.) сакапави кхами (Лаз), что в переводе означает "для рубки".

Среди бытовавших в Самегрело (Мингрелии) кинжалов, тип кинжала использованный в первом описанном эпизоде разительно отличается параметрами и формой клинка. У клинков этого типа полностью отсутствует такой важный элемент как долы.

Самые ранние из экземпляров рассматриваемого типа кинжалов датированы концом 18 - началом 19-го века, поздние - началом 20 века.

На сегодняшний день мы разделяем три вида по форме сечения клинка. 1- ромбического сечения с выраженным центральным ребром.

- 2- выраженного шестигранного сечения от основания эфеса и вниз к острию на 6-7 см, ниже до самого острия ромбического сечения, также с выраженным центральным ребром.
- 3- шестигранного сечения, плавно избавляющийся от граней в секции острия.

Все перечисленные клинки зауженной по размеру формы, в основном не шире 4 см в самой широкой части у основания эфеса. Наконечники этих клинков отличаются выраженным острием, образующимся плавным сужением от середины клинка к кончику острия или от точки на расстоянии 1/3 длинны клинка от эфеса и далее к кончику острия.

По поводу происхождения клинков данного типа, и влияний на стиль кинжальных приборов до сих пор идет полемика в кругах музейных специалистов и коллекционеров любителей. В данной статье этот вопрос не будет затронут. Также на будущее отложен разбор технологий производства, сборки, типов клейм, а также установление возможных мастеров и владельцев по надписям на примере отдельных экземпляров.

Как отражение социальных и технологических особенностей той культуры и эпохи, в среде которых он был создан или применялся, каждый вид холодного оружия является сосредоточением многосторонней информации. Помимо технологии изготовления, украшения и принадлежности, немаловажным и не менее интересным остается изучение функциональных и правовых аспектов применения клинкового оружия. Хотя на Кавказе не было создано аналогов военных трактатов, которые мы находим на Мусульманском Востоке, по аналогии с выраженной в них концепцией холодного оружия мы можем подчеркнуть, что каждый вид Кавказского холодного оружия подразумевался для применения в определенных случаях боя. Помимо того, каждый вид клинкового оружия в большинстве случаев диктовал манеру и метод применения.

Рукоять кавказского кинжала позволяет как прямой так и обратный хват. Длинна и форма клинка, как верно замечает Н. Абазадзе, будет определять целесообразность обратного хвата, при котором главным ударом является колющий, так как обратный хват исключает рубящие действия.

Клинки Мингрельского колющего кинжала по длине можно разбить на две группы. Первая с клинками менее длинны от локтя до середины ладони, и вторая с клинками равными и более длинны от локтя до середины ладони. Первая группа более приспособлена для нанесения колющего удара обрат-

ным хватом. Вторая группа более приспособлена для нанесения удара прямым хватом.

Автор предлагает рассмотреть возможную принадлежность данного типа кинжалов к группе тех представителей мингрельского общества начала 19 века, которые были вовлечены в конокрадство. Автор попробует показать, что выделение и существование преимущественно колющего кинжала было вполне закономерно и ожидаемо.

В военной брошюре о народных видах спорта в Грузии, подробно описаны все западно-грузинские кинжалобы⁴ от игровой мингрельской хинткириа до дуэльной абхазской "дгжигитки". Колющий удар был полностью исключен из всех видов народных развлечений. Однако в рассмотрении методов хвата читаем следующее.

"…обратный хват кинжала, жестко фиксируя клинок под прямым углом к предплечью, лишает поединщика всего арсенала рубящих ударов⁵. … не применялся ни в играх, ни в спортивных дуэлях, ни в танцевальных кинжалобах. …Из любого положения, следующего сразу после извлечения клинка из ножен или первичного защитного действия, наносимый колющий удар в корпус грозит опасным ранением, чаще всего, приводящим к летальному исходу…" [8]

Эксперименты, проведенные при участии автора ученической группой Н.Абазадзе, по выявлению рубяще-режущих характеристик разных видов Кавказских кинжалов, показали крайне эффективные пробивные и колющие возможности мингрельского типа кинжала в сравнении с заниженными рубящего характера.

В сравнении с более архаичным обще-грузинским типом кинжала *сатевари* или гурийско-лазским кинжалом из соседнего региона Западной Грузии, клинок мингрельского колющего кинжала при той же длине отличается слегка меньшим весом клинка, смещенным к рукояти центром тяжести, что в купе с ромбовидным сечением узкого клинка и занижает его рубяще-режущие

⁴ Кинжалоба искаженное ханджлоба (груз.)

⁵ Примечание: Если быть точным, то обратный хват не фиксирует кинжал жестко под прямым углом, но позволяет менять угол приблизительно до 60 градусов к предплечью, что в комбинации с пронацией и супинацией лучезапястного сустава, работой корпусом и предплечьем позволяет проводить целый набор защитных действий.

качества. Однако надо заметить, что за счет своего ромбовидного или шестигранного сечения, мингрельский клинок обладает почти такой же структурной крепостью, как и выше указанные широкие, более тяжелые кинжалы, где крепость достигается за счет ребер жесткости, создаваемых долами различных размеров.

Вопреки сложившемуся в среде любителей оружия мнению, колющие действия кинжалом на Кавказе были полноправной частью "арсенала" действий. Заблуждение по этому поводу происходит из-за обилия отображенных в работах Кавказоведов прошлого и нынешнего века, запрещений и ограничений на колющие действия кинжалом во внутриобщинных, так называемых регулируемых сводом правил конфликтов.

Ограничивающие правила *адатов* и *рджули*, касавшиеся порядка проведения и урегулирований внутриобщинных конфликтов и диспутов, были сфокусированы на сбережении жизни враждующих сторон во избежание возникновения новой кровной мести. Любые внутриобщинные конфликты, разрешаемые с помощью оружия, строго контролировались рядом ограничений и требований, важнейшим из которых было запрещение колоть противника мечом или кинжалом. В воспитательных целях община выражала презрительное отношение к колющему действию определяя его "недостойным" благородного рыцаря *раинди*, *джигита*.

Однако в пространстве Кавказского общества, регламентируемого установками *адата* могли возникнуть ситуации, где один и тот же человек, избегал определенного действия в одном случае, и прибегал к нему в другом. Эпизод из книги К. Гамсахурдиа, как нельзя лучше отображает бытовавшее в Мингрелии отношение к колющему действию в зависимости от ситуации. Воспитатель Кац Звамбаиа, обучающий воспитанников действовать кинжалами в фехтовальной игре *хинткириа*, строго предупреждает тех о недопустимости колющего действия, подчеркивая, что "колоть - метод воришек". Тот же Кац Звамбаиа и воспитанник его Тараш не колеблются применить смертельные удары, защищая от кровников собственную жизнь и жизнь больного сына Каца - Арзакана.

"... Тараш с молниеносной быстротой обмотал руку полой чохи и вырвал у него кинжал...Джамлет еще раз ринулся на противника но, пронзенный свом же кинжалом, взревел, как раненый медведь и рухнул у постели Арзакана. Его товарищ швырнув Дзабули на ворох кукурузных листьев устремился к Арзакану. Но тут подскочил к нему Кац Звамбая, вонзил ему в живот кинжал и дважды повернул..."[1]

Общественное мнение и свод правил устанавливали ограничения прежде всего для того чтобы избежать случайной смертности в дуэлях, которая была бы несоизмеримо выше при использовании колющего метода. Почти стопроцентная фатальность последствий колющего кинжала была хорошо известна. Именно поэтому в экстраординарных случаях намеренного убийства из мести, или в условиях борьбы за жизнь на войне, колющий удар выходил на первое место. Вот всего несколько примеров из этнографической литературы, мемуаров периода Кавказской войны, зафиксировавших применение колющего удара, как на Восточном, так и Западном Кавказе во время военных действий.

Западный Кавказ

"...убых выхватил кинжал и пырнул солдата в живот. По счастью, кинжал скользнул по медной бляхе и толстому поясному ремню. Бедному же горцу, ослепленному безумной злобой, пришлось лечь рядом со своим товарищем, а с ним и многим другим...[3]

Восточный Кавказ

"...люди двигались в совершенном порядке, офицер- пешком, не более 10-15 шагов впереди. Вдруг раздается стон, офицер падает, передние солдаты подбегают и находят его плавающим в крови, проколотым кинжалом в живот..." [4]

В дополнение автор советует обратиться к работе Д.Шереметьева "Колоть или рубить", где собран и проанализирован целый ряд подобных инцидентов.[20] Приведенные здесь и в работах других авторов примеры нападений с использованием кинжалов, можно условно отнести к двум видам, борьбе за честь и борьбе за жизнь, или удовлетворению самолюбия и жажде уничтожения.

Кавказские регулируемые поединки, это всегда бой по установленным правилам и под наблюдением членов общества. Цель таких дуэлей - восстановление чести или удовлетворения самолюбия через безопасное для жизни пролитие крови. К этому типу можно отнести и описанный хевсурский эпизод № 2.

Второй тип конфронтации - это смертельная схватка двух непримиримых врагов, воспринимающих оппонента как зверя, которого надо непременно убить. Это кстати очень точно подметил автор работы "колоть или рубить" рассмотрев психологию смертельной дуэли в параллели с териомахией - поединком со зверем⁶

Именно этот мотив уловил Л.Н.Толстой в отношении чеченцев к солдатам, разоряющим их аулы. В повести "Хаджи-Мурат" мы находим описание этого чувства, "...желание истребления их, как волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения..." [19]

Можно предположить, что чеченец, которому *адат* запрещал колоть соотечественника, применил бы этот прием к своему врагу на войне. И действительно, подтверждение находим в одном из воспоминаний офицера-"кавказца":

" ...Но со мной, господа, вот уже другой раз случается самое необыкновенное приключение, за которое я непременно отслужу благодарственный молебен, — начал рассказывать офицер нашего полка, П... — Однажды, еще в Чечне, на меня бросился чеченец, и как я был в бурке, то он, схватив меня, повалил на землю и три раза пырнул меня кинжалом!.. Солдаты его закололи и хотели меня поднять уже как мертвого; но как они удивились, когда я подпрыгнул на ноги, цел и невредим. Признаюсь, я и теперь еще удивляюсь, как Бог спас меня. Я был в бурке, и все три удара кинжала попадали между ле-

⁶ К параллелям с теромахией можно добавить и борьбу с мифическими существами, порождениями темных сил- это очокочи, девы и гвелешапы, существовавшие в пространстве Грузинских сказаний и эпосов. Герои сказок уничтожают врага колющим ударом кинжала или короткого меча дашна. В некоторых сказках и преданиях прямо говорится, что все эти существа страшатся силы заключенной в острие кинжала. Бербух вонзает кинжал в глаз Деву, Амирани вонзает то кинжал то дашну короткий меч между глаз деву, Джвиба отпугивает очокочи острием кинжала и т.д. [13-16]

вым боком и рукой; но каково было три раза испытать над собою кинжал..."[10]

Таким образом, острие кинжала конечно не декоративный элемент клинка. Возможности острия и колющего действия отчетливо осознавались.

Не случайно на основании опыта накопленного в эпизодах Кавказской Войны, на вооружении в Российской Императорской Армии появляется кинжал Кавказского типа. В инструкции к его применению, лаконично описаны простые, доступные к быстрому изучению, наиболее эффективные методы действия кинжалом в бою - это два колющих удара. Практически идентичную инструкцию находим для иррегулярных частей армии - казаков. Разница лишь в типе кинжала: в первой - кинжал типа бебут, во второй типа сатевари. (см Рис. 5-8)

И так в Западной Грузии параллельно бытовали два типа кинжала. Один явно колющего характера и другой - универсальный сатевари, позволявший производить как эффективную рубку, так и уколы. Описание убийства князя Гагарина в Зугдиди князем Дадешкелиани, дает нам представление о возможностях такого кинжала и последствиях колющего удара. Подробности событий были установлены показаниями выжившего слуги князя и самого князя Гагарина, скончавшегося от раны спустя 5 дней после ранения.

" ...Тут князь Константин, взбешенный отказом, не помня уже себя, в тупом отчаянии, с глазами, налитыми кровью, выхватил кинжал и вонзил его князю Гагарину в живот...Дадишкилиани, видя, что жертва его еще на ногах, хотел нанести ему вторичный удар. В эту минуту Ильин, стоявший позади, схватил его за плечи. Почувствовав, что его держат, обезумевший убийца рванулся и, одним размахом кинжала снял противнику своему часть черепа,... Тархан Ардишвили услышав крик князя налетел из залы с шашкою в руке на Дадешкилиани, но тот парировал наносимый ему удар и кинжалом направленным в сердце покончил с Ардишвили..."[2,11]

В описанном эпизоде князь Констянтин дважды наносит колющий удар, и оба приводят к смерти.

Сразу после кровавой расправы князь Константин пытался бежать в Сванетию, но был тяжело ранен в перестрелке. Вскоре после ареста он был

осужден и приговорен к расстрелу, который вскоре и был приведен в исполнение. Опуская непростую предысторию этого дела, и причины побудившие Константина Дадешкелиани к преступлению, приведем однако слова самого княз, сказанные им незадолго до исполнения приговора. Князь выразил сожаление о том, что в порыве гнева убил князя Гагарина, добавив, что собирался убить не его, но Услара и Бартоломея, людей "вредных". О смерти Ильина и Ардишвили он также сожалел, "скорбил и молился за души их", но вины своей не видел, оправдываясь тем, что "те сами на него нападали и если бы одолели, то убили бы, потому он и защищался".[2]

Из всех приведенных здесь эпизодов уже можно вывести принцип, по которому формировалось отношение к противнику, снимавшее или воздвигавшее запреты на колющий удар. Прежде всего противники не должны были быть родственниками или членами одной общины, иначе смерть грозила изгнанием виновнику и тяжелейшими повинностями членам его семьи. Итак, если смерть противника не могла повлечь групповой ответственности, то далее метод борьбы с ним определялись следующими факторами - темпераментом нападающего, желанием не биться с врагом на равных, но уничтожить его, ограничение во времени, т.е необходимость уничтожить врага быстро, и конечно необходимости защитить свою жизнь в неравных условиях.

В результате противник подвергался атаке колющим ударом - кратчайшим методом достижения поставленной цели. И так, что же кроется в поучении воспитателя о том, что "колоть кинжалом - ремесло воришек"?

Важно пояснить, что слова Каца Звамбаиа подразумевают конокрадов, так как воровство в Мингрелии прежде всего означало кражу коня, а не имущества. Воровство имущества в Грузии не было распространено, что отмечено рядом автором. Как отмечал Ламберти "воровали только людей и лошадей"[9]

Конокрадство в Мингрелии и Абхазии долго оставалось прибыльным и одновременно опасным занятием. Конокрада могли не только захватить и жестоко избить, но затравить собаками [7], зарезать или застрелить на месте в случае вооруженного сопротивления [7] Зачастую попытка увода лошади

приводила к противоборству, которое заканчивалось смертью и конокрада и хозяина.

Отношение общества к воровству лошадей было двояким. Успехи своих, то есть односельчан, родственников, считались молодечеством, а удачи чужаков –преступлением. Лошадей, ворованных в Мингрелии, перегоняли в Абхазию и вицэ вэрса.

"воровство лошадей было всегда племенным пороком мингрельцев... все классы от крестьян до детей князя принимали участие в этом промысле...местами целые деревни ничем другим не занимались. Можно было видеть селение щеголявшее одеждою обшитою галунами и блестящим оружием, а в селении этом нельзя было найти ни малейшего признака земледелия..."[2] "Но есть пороки, более непростительные и которые, несмотря на все ста-

рания правительства, никак не могут вывестись. К ним принадлежат: контрабанда в Гурии и конокрадство в Мингрелии. Оба эти промысла считаются туземцами молодечеством и нимало не преследуются общественным мнением. В Мингрелии, например, кражею лошадей занимаются даже некоторые из дворян.." [6]

"..В те времена воровство лошадей поощрялось как удаль и никакой моральной проблемы в себе не содержало... Но рискующий своей головой за голову лошади считался более удалым и даже зрелым человеком, чем тот, кто, тоже отчасти рискуя своей головой, убивал лиходея. Такое убийство с некоторой натяжкой горестно признавалось здравым поступком, но никакой славы не приносило..." [5]

"...Считая за стыд заняться какой-нибудь работой, тавад и амыста посвящали все свое время грабежу и воровству" [9]

Итак, конокрад загодя ставит себя в положение зверя, которого можно убить и соответственно защищается как зверь. В поединке с владельцем лошади вор защищает не честь, но борется за собственную жизнь. Поэтому описанный Н.Маисаиа поединок и исход его вполне закономерны.

К сожалению, нет других аргументов в пользу принадлежности данного типа кинжала группе населения, занимавшегося грабежом и конокрадством, помимо нескольких зафиксированных прецедентов, логических выкладок и

факта, что мингрельский кинжал колющего типа будучи достаточно широко распространен в областях Мингрелии, Самурзакано и частично в Абхазии, бытовал параллельно с универсальным *сатевари*.

Автор, планирует продолжить исследовательскую работу в этом направлении.

Образцы кинжалов

Кинжалы из коллекции ГНМ/Тбилиси/кур. Капианидзе М.

Кинжалы из коллекции ГНМ/Тбилиси/кур. Капианидзе М.

Кинжалы из коллекции ГНМ/Тбилиси/кур. Капианидзе М

Частная коллекция/Тбилиси/ Басишвили 3.

Частная коллекция/Тбилиси/ Кизириа Б

Библиографический список

- 1. Гамсахурдиа К. Похищение Луны. Тбилиси,1989
- 2. Бороздин К.А. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. С.Пб 1885

- 3. Бороздин К, Омер Паша в Мингрелии. Из воспоминаний о войне 1853-56. С.Пб 1873
- 4. Зиссерман А. 25 лет на Кавказе 1842-1867, С.Петербург ,1879
- 5. Искандер Ф. А. Ласточкино гнездо. Проза. Публицистика. М., 1999
- 6. Окольничий Н. Русский вестник, № 4. 1857
- 7. Руслан Капба. Хухут Бгажба. Жизнь и творчество. Сухуми, 2010
- Смирнов А., Кряжин Г. Теории и практика физ.и военно-прикладных упражнении, пособия для командного состава РККА и частей НКВД. М. Военгиз 1929- 1936
- 9. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми. 1957
- Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. С.Пб, 1851
- 11. Колюбакин А. А. Воспоминания. Исторический вестник, 1894 г. т. LVIII,
- 12. Рукевич, А. Ф. Из воспоминаний старого эриванца (1832 1839 гг.). Истор. Вестник, т. CXXXVIII
- 13. А.Матвеенко Сванские сказки. 1935
- 14. Сказание о Бадри, Усипи и *Амирани* записано Т. *Разикашвили* в Пшави; газ. «Иверия» 1889
- 15. Мингрельское предание селения Джвари. Сборник для описания местн. племен Кавказа вып. 5 1886;
- Чиковани М.Я. Грузинские сказания и легенды Тбилиси: Заря Востока, 1963
- 17. Материалы этн. экспедиции в Хевсурети 1995 года (рук. Н. Абазадзе)
- 18. Материалы семейного архива профессора Д. Кизириа
- 19. Толстой Л.Н. Хаджи Мурат.
- Шереметьев Д. Колоть или рубить. Применение кинжала у народов Кавказа в 19 веке. Историческое оружиеведение №1/2015

АЛЕКСЕЙ КУРОЧКИН

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ КИНЖАЛА «ДЖАМДХАР» В ОРУЖЕЙНОМ КОМПЛЕКСЕ МОГОЛОВ¹

Во второй половине XVI века моголы упрочили свою власть в Северной Индии. Политика религиозной и культурной терпимости, проводимая Акбаром, сблизила могольские и индийские элиты, хотя до конца XVIII века ведущее положение продолжали занимать моголы, тюрки и афганцы. В этой связи для исследователя оружия данного региона представляет интерес вопрос смешения или заимствований в комплексе вооружения между победителями и побежденными. Как известно завоеватели приносят свой культурный, в том числе воинский, комплекс, который имеет высокий, элитарный статус. Воинский комплекс побеждённых априори обладает низким статусом, и, как правило, остается невостребованным новыми элитами. Это обстоятельство очень хорошо подчеркнуто в воспоминаниях Бабура и выражено в его пренебрежительном отношении к окружавшей его хиндустанской действительности. Однако культура побеждённых не может быть проигнорирована полностью, поскольку является фундаментом общества и тесно связана с местным образом жизни и природной средой, вследствие чего она неминуемо будет искать свое место в новых условиях. И действительно, ко времени правления Акбара интерес правящей аристократии к культуре завоеванной страны становится сильнее. Это проявляется в интересе самого Акба-

¹ Автор выражает искреннюю благодарность Д.А.Шереметьеву, научному сотруднику высшей категории, хранителю Оружейной кладовой Российского этнографического музея за помощь в проведении данного исследования и написании статьи.

ра и запечатлено в Аин-и-Акбари — книге, написанной специально для него и являющейся по сути энциклопедией-справочником, разъясняющим Акбару, где он, собственно, находится и чем он правит. Тем не менее, культуре побеждённых продолжает предписываться низшее положение - она в целом может существовать только в качестве культуры «простонародья». И лишь в тех случаях, когда престижные формы местной культуры не находят себе конкурентных форм в привнесённой культуре завоевателей, они имеют шанс быть принятыми элитой. Представляется интересным рассмотреть возможность такого заимствования на примере, наверное, самого знакового индийского оружия — кинжала-джамдхар, в результате которого индийский по происхождению предмет стал одним из важнейших атрибутов правящей могольской элиты. Рассмотрению пути этого становления и будет посвяшена данная статья.

Ключевые слова: Индия, моголы, оружейный комплекс, кинжал, джамдхар.

Индийский кинжал тычкового типа с H-образной рукояткой джамдхар широко известен и вызывает любопытство как формой своей конструкции, так и способами своего применения. В соответствии с устоявшимся мнением считается, что основным предназначением данного вида оружия являлось пробивание доспехов. Оставив за рамками данного исследования вопрос о распространении доспехов в Индии² отметим только, что развитый комплекс

² Клод Гюго, бывший в Индии во второй половине XVIII века и ведший наблюдения за военной организацией индийцев, участник майсуро-мараттских войн, замечает, как о редком явлении: «я видел всадников, одетых в железную броню; хотя такая защита и полезна, поскольку в Азии сражаются чаще холодным оружием, но она крайне неудобна из-за страшной жары и огромных расстояний, которые приходится преодолевать кавалерии» (Гюго, Клод. Записки об Индии. Москва, 1977, стр. 73). В этот же период и позднее самой распространенной защитой индийских воинов стала набитая хлопком стеганка, жесткой формы, плотно облегавшая тело. Это доспех был настолько плотный, что британские драгунские сабли не могли его ни разрубить (как, впрочем, и тюрбаны на головах индийцев), ни проткнуть (Blacker, Valentine, Memoirs of the operations of the British Army in India during the Mahratta war of 1817, 1818 and 1819. Black, Kingsbury, London, Parbury, andAllen, 1821, pp. 302-303). Безусловно, для пробивания подобного доспеха джамдхар является наиболее удобным видом корот-

вооружения моголов, в том числе тюрков и афганцев, только при Бабуре проведших до вторжения моголов в Индию больше четверти века в непрерывных сражениях, не вызвал к жизни необходимости наличия специального кинжала или устройства для «пробивания доспеха».

Является признанным фактом, что к концу XVI века кинжалы-джамдхар уже были широко распространены как в Южной, так и Северной Индии и имели полностью сформированную форму [Nordlunde, 2013]. Распространение кинжалов-джамдхар в Южной Индии не вызывает вопросов. Непонятным является факт, каким образом это оружие появилось у завоевателей Северной Индии – моголов.

Для начала вернемся к конструктивным особенностям кинжала. Сторонники версии, по которой конструкция кинжала и способ его удержания идеально подходят для сильного пробивающего удара, упускают из виду дополнительный эффект, также достигаемый благодаря такой конструкции рукояти — возможность выдержать нагрузку на кисть и руку, когда условная жертва сама набрасывается на защищающегося, и масса этой жертвы превышает массу защищающегося. Действительно, рука, удерживающая классический кинжал или нож в положении замаха для удара, не обладает таким эффектом. Так что же могло быть причиной, требовавшей применения оружия с усиленным бронебойным и одновременно «останавливающим» действием?

Ответ лежит в известном в Индии втором названии этого кинжала: тигриный кинжал.

Конструктивно джамдхар является исключительно удобным оружием для защиты от атаки крупного хищника. В 1883 году военный врач Томас X. Хэндли писал: «...приспособленный для тычкового удара, причиняющий широкие и опасные раны, которые дополнительно увеличиваются при извлечении кинжала из-за двух очень острых лезвий. Некоторые кинжалы открываются как ножницы, другие снабжены двумя небольшими пистолетами, третья разновидность при раскрытии двух лезвий-ножниц обнажает еще одно острие внутри. Все эти устройства предназначены сделать рану более опас-

коклинкового оружия, чем, вероятно, и вызвано столь широкое распространение и бытование до середины XIX века этого вида оружия не только среди элиты.

ной, и, поскольку в схватке с тигром или другим диким животным, является важным произвести сильный воздействующий эффект, именно поэтому этот кинжал так часто используется на охоте»³. Джамдхар также предоставляет гораздо больше удобств для нанесения ударов сверху вниз в том случае, если хищник атакует охотника, сидящего на коне или слоне или же всадник сам атакует животное.

Интересно обратить внимание на одну деталь в оформлении североиндийский кинжалов. Значительная часть существующих в музейных и частных коллекциях предметов декорирована охотничьими сценами. В качестве сравнительного примера можно привести хорошо известные и изученные охотничьи сабли «шамшир шикаргарх» или «тальвар шикаргарх», чье предназначение для охоты не вызывает сомнений и которые украшены в аналогичной стилистике. С другой стороны, достаточно трудно найти образцы обычных кинжалов (не джамдхар), оформленных аналогичным образом. Кинжалы-джамдхар с изображением батальных сцен практически не встречаются.

Здесь необходимо остановиться на конструкции ранних южноиндийских кинжалов, также называемых в литературе джамдхар или катар. Речь идет о предметах с длинным узким клинком, часто европейского происхождения. Такая конструкция, скорее соотносится с ранними формами меча с защитной рукавицей, и самыми ранними формами таких предметов следует признать формы, в которых клинок и защитная пластина располагаются на одной оси на внешней стороне запястья; клинок при этом является как бы продолжением внешней стороны запястья; рукоять же расположена под ними аналогично устройству рукояти щита и вся конструкция гораздо ближе к конструкции щита с клинком, чем тычкового кинжала [Pant, 1980: 62]. Другая известная форма южноиндийских кинжалов уже аналогична по своей конструкции североиндийским кинжалам-джамдхар. И неудивительно, что кинжалы этого вида также использовались для териомахии (Рис. 1).

³ Hendley, Th. H. Memorials of the Jaypore Exhibition, 1883. Цитировано по Nordlunde, Jens. How old is katar? The Journal of The Royal Armoury in Leeds, Arms &Armour, vol. 10, no 1. 2013

Естественно, основным оружием для охоты на тигров и львов были лук и стрелы, а позднее огнестрельное оружие. Но при этом, описаны неоднократные случаи, когда раненное животное бросалось на пешего, всадника или охотника на слоне. В таком случае в ход шли сабли, посохи и даже приклады ружей-торадар – все что было под рукой, но в любом случае, оружие мало пригодное для борьбы в объятиях хищника [Jahangir, 1999: 117-118]. Под градом ударов, которым осыпали животное подоспевшие воины, иногда погибал и сам охотник, на которого набросился хищник [Абу-л Фазл Аллами, 2009: 328-329]. Крепость черепа, шкуры, а самое главное – мощных скелетных мышц, особенно груди, оставляло мало возможностей для поражения такого противника. Тем не менее, алгоритм наиболее адекватных действий был найден: небольшой круглый щит или обмотанная плотной тканью левая рука, которые отдавались на растерзание в пасть хищнику, давая тому почувствовать, что жертва уже схвачена и нет смысла искать новой цели для своих клыков, и кинжал джамдхар в правой руке. Судя по иконографии, существовали специально подготовленные помощники на охоте, готовые принять на себя удар разъяренного животного, в случае промаха первого лица.

Анализ одной из сцен охоты на тигров из Акбарнама⁴ показывает, что

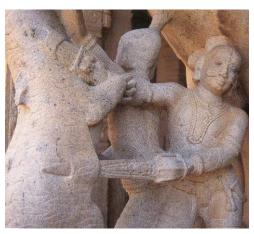

Рис. 1. Шрирангам, Храм Шри Ранганатха Свами, Тамил Наду, Южная Индия, XVI век.

Рис. 2. Акбар-нама. 1586-1589. Victoria and Albert Museum, IS.2:17-1896

⁴ Victoria and Albert Museum, IS.2:17-1896

охотник-лучник, на которого набросился один из тигров, не готовился к ближнему бою с ним. Бросив лук, он пытается защищаться обычным кинжалом, с тоской смотря в сторону и нанося бесполезные удары в крепкий череп животного. Охотник, вступивший в поединок с другим хищником, явно был подготовлен специально для такого боя. Он не имеет стрелкового оружия, его левая рука обмотана тканью, и он целенаправленно наносит удар под левую лопатку животного. В руке у этого охотника – джамдхар (Рис. 2).

Южноиндийское по происхождению изображение со сценой охоты демонстрирует сцену, где в качестве защиты от животного используется щит особой выгнутой формы, который и предоставляется на растерзание в пасть хищнику. Очевидно, что в данном случае такая форма щита является более удобной по сравнению с привычной плоской «боевой». В правой руке охотник также держит джамдхар⁵.

Установить по изобразительным источникам время появления кинжаловджамдхар у моголов невозможно. Они появляются на изображениях одновременно вместе с появлением самой могольской живописи. При этом изображения кинжалов-джамдхар в предшествующий период до вторжения моголов в Индию на территории Мавераннахра неизвестны. Из описаний Бабура следует, что единственной необходимостью, при которой воины использовали кинжал, являлось отрезание голов сбитых с коней всадников. Очевидно, что для данных целей джамдхар был мало пригоден. Видами охоты, практиковавшейся моголами и тюрками, были исключительно соколиная и облавные охоты на среднюю дичь с использованием лука и стрел или огнестрельного оружия. Следовательно, можно проследить отсутствие целей и задач, для которых было бы необходимо использование кинжала тычкового типа. Относительно упоминаний кинжала-джамдхар в письменных источниках, следует отметить, что после победы над Ибрагимом Лоди, в личном дворце побежденного султана в Агре, Бабур занялся раздачей подарков своим приближенным и нукерам. Естественно, что делилась добыча, а не привезенное с собою из Кабула имущество. Среди прочих ценных и богато украшенных

⁵ Национальный музей, Нью-Дели. № 72.466.

предметов Бабур упоминает названия кинжалов: канджар, китарех (катари), кард и джамдхар [Babur, 1921: 252; Babur, 1922: 528]. Это первое и единственное упоминание Бабуром этого вида кинжалов, очевидно местного происхождения и добытых в качестве трофея.

Своего первого крупного хищника (по крайней мере, о котором он упоминает) Бабур встретил уже на территории Хиндустана. И это было случайная встреча, а не охота. Своего первого тигра Акбар зарубил саблей в 1561 г., а к 1570 г. стал уже опытным охотником. Примерно в это же время появляются изображения кинжалов-джамдхар в могольской миниатюре. Для наследника Акбара - Джахангира, охота на тигров и львов стала уже обыденным занятием.

Вполне вероятно, что кинжал-джамдхар являлся элитарным атрибутом, подчеркивающим статус владельца как охотника на тигров и львов. Борьба со зверем, териомахия, издревле была частью царских ритуалов, своеобразным испытанием претендента на власть и, одновременно, процедурой, подтверждающей право на осуществление власти [Кинжалов, 2009: 25-28]. Не случайно одним из славословий в адрес Акбара было «охотник на тигров».

Количество охот, в которых участвовали аристократы в Индии, даже в 16-18 вв. на порядок превышало количество битв, в которых они принимали участие. Естественно предположить, что кинжал, вошедший в комплекс вооружения могольского аристократа первоначально как предмет, традиционный в покоренном Хиндустане для использования на охоте, впоследствии стал использоваться также для ношения в повседневной жизни и в баталиях. В связи с этим стоит обратить внимание на частый мотив в декорировании кинжалов-джамдхар, когда запечатлены не сцены охоты людей на животных, а сцены нападения хищника на добычу (Рис. 3, 4). Вероятно, имела место аллюзия на то, что воин, побеждавший ранее тигра, сам становится подобным тигру, а его противники - подобны жертве и добыче. Возможно, что подобные сцены являлись аналогом батальных сцен, чем и объясняется отсутствие последних в декорировании кинжалов-джамдхар. Предмет со столь богатым набором культурных ассоциаций, пусть даже относящийся к культуре побеждённых, имел все шансы занять достойное место в культуре победителей.

Рис. 3. Джамдхар. Фотография автора

Рис. 4. Джамдхар. Фотография автора

Тесная связь с престижной охотой, несомненно, стала одной из причин утверждения кинжала-джамдхар в роли властной инсигнии и обеспечила ему почетное место в комплексе вооружения моголов.

Библиографический список:

- 1. Абу-л Фазл Аллами, 2009 Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Книга четвертая. Самара.
- Кинжалов, 2009 Кинжалов Р.В. Териомахия как одна из инсигний царствования. Азиатский бестиарий. Санк-Петербург. С. 25-28.
- 3. Babur, 1921 Babur, Zehir-ed-din Muhammed, Memoirs, tr. J.Leyden, W.Erskine, vol. 2, Oxford University Press.
- 4. Babur, 1922 Babur, Zahiru'd-din Muhammad, Babur-nama, (Memoirs of Babur), tr. A.S. Beverdge, vol. 2, London.
- Jahangir, 1999 Jahangir. Jahangirnama, Memoirs of Jahangir, Emperor of India. Freer Gallery of Art and the Arthur M. Sackler Gallery, Smithsonian Institution.
- 6. Nordlunde, 2013 Nordlunde, Jens. How old is katar? The Journal of The Royal Armoury in Leeds, Arms & Armour, vol. 10, no 1.
- 7. Pant, 1980 Pant, G. Indian Arms and Armour, vol. 2. Army Educational Stores.

ДМИТРИЙ МИЛОСЕРДОВ

К ВОПРОСУ О ПРАВОМОЧНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТЕРМИНА «КАРУД»

В связи с тем, что среди специалистов, интересующихся восточным историческим холодным оружием, время от времени возникают дискуссии, связанные с терминологией, касающейся коротко-клинкового холодного оружия, относящегося к Центральной Азии, в статье исследуется вопрос об использовании терминов «каруд» и «пешкабз» при опреелении короткоклинкового оружия Центральной Азии. На основании исследования широкого круга как хорошо, так и сравнительно мало известных источников прослеживается генезис этих терминов, и, в связи с сопутствующими описаниями, выделяются характерные признаки каруда и пешкабза. Отмечается, что к настоящему времени существуют два основных мнения по поводу использования терминов, обозначающих это оружие: 1) каруд — это просто разновидность пешкабза; 2) каруд и пешкабз — два самостоятельных вида оружия, которые отличаются формой клинка. На основании выделенных признаков и анализа источников, предпринимается попытка дать собственное описание этого короткоклинкового оружия и обосновать вывод о том, «каруд» и «пешкабз» - два разных образца оружия, каждый из которых имел своё название. Более того, если когда-то в каком-то из регионов, пешкабз и каруд называли одинаково, это не повод продолжать их так называть.

Ключевые слова: каруд, пешкабз, Афганистан, Персия, Центральная Азия, короткоклинковое оружие.

Среди людей, интересующихся восточным историческим холодным оружием, время от времени возникают дискуссии, связанные с терминологией, касающейся коротко-клинкового холодного оружия, относящегося к Центральной Азии. Конкретнее, речь идёт о пешкабзе (pesh-kabz) (Рис. 1) и каруде (karud) (Рис. 2). В данной статье мы попытались разобраться с этим вопросом.

Изучив зарубежные и отечественные источники, удалось выяснить, что на сегодняшний день в оружиеведческой литературе не существует единого мнения, являются ли пешкабз и каруд одним и тем же оружием, которое в зависимости от региона просто называется по-разному или это самостоятельные формы.

Рис. 1. Рис. 2.

Первое упоминание этого оружия мы встречаем у Эгертона. В своём каталоге он приводит изображения и описания ножей, которые он называет пешкабз: «381. Кинжал или нож, «пешкабз», прямой клинок с односторонней заточкой. Стальная полая рукоять...» (1), «484. Кинжал, «пеш-кабз». Клинок с двойным изгибом...» (2), «617. Кинжал, «пешкабз». Изогнутый рельефный клинок, утолщённый у острия...», «621. Кинжал, «пешкабз». Клинок с односторонней заточкой, широкая прямая спинка...», «623. Кинжал, «пешкабз». Изогнутый клинок с широкой спинкой...»(3), «718. Кинжал, «пешкабз». Прямой клинок...»(4). Как мы видим, Эгертон называл «пешкабзом» коротко-клинковое оружие и с изогнутыми, и с прямыми клинками. Термин «каруд» им вообще не упоминается.

Стоун в своём Глоссарии Оружия и доспехов упоминает оба этих термина. Говоря о пешкабзе, он пишет, что «Пешкабз – форма кинжала, применявшегося в Персии и Северной Индии. Клинок имеет Т-образное сечение и до-

статочно широк у эфеса, ниже резко сужается и затем продолжает сужаться до очень тонкого острия. Как правило, клинок прямой, но нередко имеет выраженный изгиб...» На рисунке 551 Стоун приводит изображения четырёх предметов, которые он называет «пеш-кабз», два из которых с прямым клинком, один с сильным и один с незначительным изгибом (5). Однако он выделяет и «каруд», описывая его достаточно коротко: «Персия, пешкабз с прямым лезвием», ссылаясь на более раннюю работу Мозера (6), которую нам удалось найти. Это прижизненный каталог коллекции Генри Мозера, опубликованный в 1912 году и представляющий из себя папку с листами гравюр коллекции. На листе, описывающем вкладку XII, приводится предмет под номером 256 (на вкладке этот предмет изображён и видно, что спинка у него прямая, без изгиба), который назван «каруд» (karoud) (7). Описывает это оружие в своей работе «Армия моголов» и Ирвайн, который пишет, что «пешкабз» — это кинжал с утолщённой (Т-образной?) прямой спинкой, отмечая при этом, что время от времени встречаются образцы с искривлённым или даже дважды изогнутыми клинками (8). Термин «пешкабз» можно встретить в каталоге Буттина под номерами 699, 700, 701 (9). Рассмотрев иллюстрацию XII, легко убедиться, что предмет под номером 699 — практически прямой, а под номерами 700-701 — изогнутый. (10). Тем не менее, Буттин объединяет их общим термином, как и Эгертон. Но у него тоже отмечается термин «каруд» (11), который он, правда, рассматривает как синоним слова «кард», описывая экспонаты, изображённые на иллюстрации XII.

Следующая работа, в которой упомянуты и «пешкабз», и «каруд» — каталог коллекции Мозера, составленный по его описаниям в 1955 году Зеллером. В этой работе достаточно чётко разграничиваются эти два термина. Рассматривая четыре основных вида персидского коротко-клинкового оружия (Рис. 3), автор даёт определение пешкабза как «обладающего клинком с двойным изгибом» (12). О каруде достаточно подробно написано в разделе, посвящённом афганскому оружию. В описании сказано, что каруд обладает прямым однолезвийным клинком и уточняется, что «каруд» соответствует персидскому «кард» (13). Однако уже на следующей странице приводится прорисовка сечения клинков карудов разных типов (14), которая позволяет

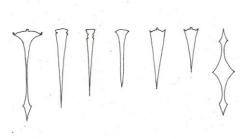

Рис. 3. Рис. 4.

убедиться, что в отличие от карда они обладают более или менее выраженной Т-образной спинкой (Рис. 4). Приводится там и прорисовка разных форм клинков карудов, в том числе и с незначительным изгибом (Рис. 5). Торбен Флиндт в своей статье о Бухарском оружии, опубликованной в книге «Исламское оружие и защитное снаряжение» под редакцией Роберта Элгуда, неоднократно упоминает о термине «каруд» (15). В примечании им отмечено, что ни автор, ни редактор не смогли обнаружить этимологический след происхождения этого слова. Флиндт гипотетически предполагает, в отсутствии альтернативного объяснения, что «каруд» — это искажённое произношение (возможно диалект) слова «кард», фактически соглашаясь в этом с Буттином и Зеллером. Тем не менее, в отличие от Буттина, он отмечает явное отличие формы карда от каруда и проводит различие между «кардом» и «карудом». Кард — с плоским вытянутым прямым клинком (Рис. 5а), а прямой клинок ка руда отличается от карда наличием выраженного Т-образного обуха (16). Ярослав Лебединский в своей книге «Восточное оружие» использует термин «пешкабз» для предметов и с прямым, и с изогнутым клинком (17). При этом в тексте термин «каруд» им не используется. В конце книги, в Лексиконе, Лебединский упоминает, что афганский «каруд» является аналогом «пешкабза» (18). В каталоге «Персидское и Индо-Персидское оружие и доспехи 16-19 века в польских коллекциях» приводятся фотографии рассматриваемых в нашей статье предметов как с прямым (19), так и с изогнутым (20) клинком. Подписи ко всем фотографиям одинаковы: «Персидский кинжал — пешкабз». В этом каталоге есть также прорисовки персидского короткоклинкового оружия, где среди прочего этикетку с названием «пешкабз» име-

Puc. 5. Puc. 5a

ют предметы с прямой и изогнутой спинкой (21). Однако если обратиться к описаниям фотографий, опубликованных в каталоге, то читая о предмете под номером 177 (с прямой спинкой), заявленному как «кинжал персидский — пешкабз, выполненный в Афганистане, мы обнаружим в конце текста упоминание, что в каталоге коллекции Мозера, такие афганские кинжалы (ножи) называются «каруд» (22).

Авторы более современных работ чаще всего разделяют позиции, изложенные выше. Например, Кэпвел пишет следующее: «Пешкабз легко узнать по постепенно сужающемуся прямому или изогнутому вверх клинку...» (23) и упоминает существование Т-образного обуха. То есть фактически пересказывает Стоуна. Затем автор приводит иллюстрации, подписанные им, как «пешкабз», два из которых с прямым обухом, а один — с изогнутым (24)

Из немногочисленных отечественных авторов, которые писали о восточном оружии, одни придерживаются позиции Стоуна, как, например, Носов, который, вообще не упоминая термин «каруд», пишет: «У большинства образцов (*пешкабзов*) клинок прямой, но некоторые образцы имеют слегка изогнутые клинки, порой с двойным изгибом» (25). Другие всё же разделяют

пешкабз и каруд. Напротив, чёткое разграничение мы можем увидеть в книге Марии Анисимовой «Оружие Востока». Она даёт следующие определения: «Пешкабз — боевой нож... Его особенностью является массивный клинок с двойным изгибом, Т-образным обухом... (26). «У каруда был однолезвийный, прямой узкий, резко расширяющийся у основания клинок с тонким, как игла, остриём и массивная рукоять.» (27).

Итак, на сегодняшний день существуют два мнения: 1) каруд — это просто разновидность пешкабза; 2) каруд и пешкабз — два самостоятельных вида оружия, которые отличаются формой клинка. Мы попробовали разобраться в этом вопросе. И начали с того, что решили дать описания «классических» пешкабза и каруда. Безусловно, необходимо отметить, что существуют незначительные отклонения от «классики», но как любые исключения, они только подтверждают «правило».

Пешкабз (pesh-kabz) — боевой нож, который был распространён в Средней Азии, Иране, Северной Индии. В Афганистане встречался, но, судя по изученным иллюстративным источникам, музейным и частным коллекциям, крайне редко. Клинок пешкабза чаще всего с Т-образным обухом, очень узким остриём, иногда обладающий полуторной заточкой. Часто встречаются клинки с линзовидным кончиком острия. Лезвие под острым углом к обуху расширяется к рукояти и у самой рукояти резко расширяется по дуге (выражен двойной изгиб). Рукоять из двух накладных щёчек, чаще всего из кости, реже из нефрита или рога. Бывает сильно вогнута под пальцы, чтобы её удобно было удерживать при сильном ударе. Предположительно пешкабз, предназначался для пробивания доспехов. Ножны повторяли форму клинка, рукоять выступает из них целиком. Подвеса на ножнах не было. Пешкабз в ножнах носили за поясом. Размер — 35-50 см (Рис. 6).

Каруд (*karud*) — боевой нож, распространённый в Северной Индии, Афганистане и реже в Средней Азии. Клинок прямой (хотя может быть с очень незначительным изгибом), Т-образный в сечении. Обух прямой, иногда изящно украшен резьбой (Рис. 7). Длинный, массивный и толстый клинок, плавно сбегающий к рукояти, в паре сантиметров от неё резко расширяющийся. Рукоять — часто очень массивная из двух щёчек, в «афганском» ва-

Рис. 6. Рис. 7.

рианте в основном роговых с насечками (Рис. 8, 9). Рукоять по головку «садится» в ножны (Рис. 10). Ножны деревянные, обтянутые кожей или бархатом (в северо-индийском варианте), чаще всего, с металлическим наконечником (рис. 11). Устье встречается у северо-индийских образцов (Рис. 12). У афганских карудов его часто заменяет кожаная муфта с плечевой портупеей (Рис. 13) или поясным подвесом, аналогичным подвесам европейских штыков (Рис. 14). Размер – 35-50 см.

Рис. 8.

Рис. 10.

Рис. 9.

Рис. 11.

Puc. 12. Puc. 13. Puc. 14.

Не сложно увидеть, что регионы бытования рассматриваемых ножей перекрываются. То, что в Афганистане пешкабзы не получили широкого распространения, вероятнее всего, объясняется тем, что это было дорогостоящее оружие (Рис. 15). Достаточно вспомнить, что у подавляющего большинства известных нам образцов пешкабзов клинки изготовлены из булата, богато декорированы в разных техниках, а щёчки рукояти изготовлены из моржовой кости (клыка) (28, 29, 30), которая ценилась

Рис. 15.

на Востоке даже больше слоновой (бивня) (31, 32).

Более того, безусловно, между образцами, рассматриваемыми в статье, есть много общего: достаточно мощная рукоять (чаще всего из накладных щёчек) (Рис. 16), Т-образный обух клинка (Рис. 17). Но, не может не бросаться в глаза — резкое отличие формы клинка. Как уже отмечалось выше, у «кла

Рис. 16. Рис. 17

ссического» пешкабза клинок сильно изогнут, а у каруда он прямой. Казалось бы, что уже этого достаточно для того, чтобы разделить два этих образца (и мы придерживаемся этого мнения). Ведь никто не сомневается, что «бебут» (кинжал с изогнутым клинком) и кама (кинжал с прямым клинком) отличаются друг от друга. Тем не менее, дискуссии продолжаются, и как упоминалось уже в этой статье, основной причиной продолжения этих дискуссий, является отсутствие этимологии слова «каруд» (karud). Но в процессе изучения литературных источников по теме данной статьи, нам удалось найти интересную информацию, имеющую, на наш взгляд, непосредственное отношение к термину «каруд». Термин «Karud» (каруд) встречается в «Сборнике языков Индии», изданном в 1820 году, где рассматривается, как один из вариантов названий ножа (knife) (33). Кроме того, термин «karud» (каруд) удалось обнаружить в англо-урду словаре 1841 года. Автор приводит в нём следующие трактовки на урду слова «cutler» («ножовщик, торговец ножевыми изделиями») – «lohar, syyaf, karud» (34). Так мы вновь столкнулись со словом «каруд» в связи с ножом. Путешественник, исследователь и разведчик Александр Бернс в своей книге «Кабул: личные впечатления о путешествии и

проживании в этом городе в 1830-е годы» много пишет об афганцах. В том числе, описывая их характер, приводит любопытную поговорку: «Нетерпеливость афганцев вошла в поговорку. У них есть общепринятое выражение «не спорить на нож» (shurt i karud), то есть не пытаться разрезать дыню до того, как она была куплена (аналогично русскому выражению: не нужно делить шкуру неубитого медведя)». (35). Бернс, к счастью для нас, привёл местное звучание поговорки «shurt i karud», так что нет никаких сомнений, что речь идёт о ноже. То есть, мы можем быть уверены, что афганцы называли, как минимум, некоторые ножи – «karud» (каруд).

Подводя итог данной статьи, нужно отметить, что, по нашему мнению, изначально базировавшемуся на различиях формы клинков пешкабаза и каруда, а также недавно открывшихся данных по этимологии слова «каруд», мы имеем дело с двумя разными образцами оружия, каждый из которых имел своё название. Более того, если когда-то в каком-то из регионов, пешкабз и каруд называли одинаково, это не повод продолжать их так называть. В качестве примера приведу «шамшир». В современной литературе, посвящённой историческому оружию, и в оружиеведческом сообществе, данный термин обозначает абсолютно конкретный тип восточной сабли. В то же в время в Афганистане словом «шамшир» называли и называют любую саблю, в том числе и европейские уставные сабли. Даже если этимология слова каруд прочно связана со словом кард (как считают некоторые вышеупомянутые авторы), очевидное различие между этими предметами, а также исторически сложившая классификация говорят в пользу раздельного употребления этих терминов.

Ссылки.

- 1. Egerton, Lord of Tatton. Indian and Oriental Armour. Dover Publications, 2002 (first publishead 1880), p. 108
- 2. Там же. р. 116
- 3. Там же. р. 130
- 4. Там же. р. 138

д. МИЛОСЕРДОВ

- 5. Стоун Д. К. Оружие и доспехи всех времён и народов. Москва, ACT: Астрель, 2008, стр. 486-487
- 6. Там же, стр. 244
- 7. Moser collection. Oriental Arms and Armour. Leipzig: Karl W. Hierseman, 1912, p.11.
- 8. W. Irvine, The army of the Indian Moghuls: its organization and administration, London, 1903, P.88
- C. Buttin, Catalogue de la Collection d'Armes Anciennes, Europeennes et Orientates, Rumilly (France) 1933, p. 170
- 10. Там же. р. 308
- 11. Там же. рр. 160-161
- Rudolf Zeller und Ernst F. Rohrer, Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschriebender Katalog der Waffensammlung, Bern, 1955 p. 131
- 13. Там же. р. 383
- 14. Там же. р. 384
- Robert Elgood , Islamic Arms and Armour, Ed. London Scholar Press,
   1979/T. Flindt, Nineteenth-century Arms from Bukhara, pp. 24-25
- 16. Там же. р. 29
- 17. Lebedynsky J. Les Armes Orientales" Éditions du Portail, Paris, 1992, pp. 87-89
- 18. Там же. р. 189
- ed. A.R. Chodyński, Persian Arms and Armour / Oręż Perski, Malbork, 2000, p. 326
- 20. Там же. р. 327
- 21. Там же. р. 120
- 22. Там же. р. 174
- Т. Кэпвелл, Энциклопедия холодного оружия, Белгород, 2010, р.
   83
- 24. Там же. р. 230
- 25. К. Носов Традиционное оружие Индии, Эксмо, Москва, 2011, стр. 227

- 26. М. Анисимова, Оружие Востока, Санкт-Петербург, Атлант, 2013, стр. 152
- 27. Там же. стр. 250
- 28. Arms and armors from private collection. «Стрелец» ИП Щёкотов A.B., 2011, стр. 162-163
- 29. Robert Hales, Islamic and Oriental Arms and Armour: A Lifetime's Passion, England, 2013, p. 12
- 30. Manouchehr Moshtagh Khorasani, Arms and Armor from Iran: The Bronze Age to the End of the Qajar Period, Legat Verlag, 2008, pp. 619-622
- 31. Курц Б. Г., Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. С. 112. (Сборник Студенческого историко-этнографического кружка при Университете святого Владимира / Под руководством проф. М. В. Довнар-Запольского. Вып. 6).
- 32. Витсен Н., Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. II / Редакция и научное руководство Н. П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 1160. (Перевод с голл. Языка В. Г. Трисман).
- 33. Gilchrist John Borthwick. The strangers infallible East-Indian Guide of Hindoostanee multum in parvo as a grammatical compendium of the grand popular and military language of India. London, 1820, p. 351
- 34. Joseph T. Thompson An English and Oordoo school dictionary, in Roman characters: with the accentuation of the Oordoo words calculated to facilitate their pronunciation by Europeans. Calcutta, 1841 p. 65
- 35. Burnes Alexander Sir, Cabool: a personal narrative of a journey to, and residence in that city in the years 1836, 7, and 8 Philadelphia: Carey and Hart, 1843 pp.274-275

Библиографический список.

- Borthwick Gilchrist John, The strangers infallible East-Indian Guide of Hindoostanee multum in parvo as a grammatical compendium of the grand popular and military language of India. London, 1820
- 2. Burnes Alexander Sir, Cabool: a personal narrative of a journey to, and residence in that city in the years 1836, 7, and 8 Philadelphia: Carey and Hart, 1843
- 3. Buttin C., Catalogue de la Collection d'Armes Anciennes, Europeennes et Orientates, Rumilly (France) 1933
- 4. Chodyński A.R. (ed.), Persian Arms and Armour / Oręż Perski, Malbork, 2000
- Egerton, Lord of Tatton. Indian and Oriental Armour. Dover Publications, 2002 (first publishead 1880)
- 6. Elgood Robert, Islamic Arms and Armour, Ed. London Scholar Press, 1979/T. Flindt, Nineteenth-century Arms from Bukhara
- 7. Hales Robert, *Islamic and Oriental Arms and Armour: A Lifetime's Passion, England, 2013*
- 8. Irvine W., The army of the Indian Moghuls: its organization and administration, London, 1903
- Khorasani Manouchehr Moshtagh, Arms and Armor from Iran: The Bronze Age to the End of the Qajar Period, Legat Verlag, 2008
- Lebedynsky J. Les Armes Orientales" Éditions du Portail, Paris,
   1992
- Moser collection. Oriental Arms and Armour. Leipzig: Karl W. Hierseman, 1912
- 12. Thompson Joseph T., An English and Oordoo school dictionary, in Roman characters: with the accentuation of the Oordoo words calculated to facilitate their pronunciation by Europeans. Calcutta, 1841

- 13. Zeller Rudolf und Rohrer Ernst F., Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschriebender Katalog der Waffensammlung, Bern, 1955
- 14. Анисимова М., Оружие Востока, Санкт-Петербург, Атлант, 2013
- 15. Витсен Н., Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. II / Редакция и научное руководство Н. П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 1160. (Перевод с голл. Языка В. Г. Трисман).
- 16. Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. С. 112. (Сборник Студенческого историко-этнографического кружка при Университете святого Владимира / Под руководством проф. М. В. Довнар-Запольского. Вып. 6).
- 17. Кэпвелл Т., Энциклопедия холодного оружия, Белгород, 2010
- 18. Носов К., Традиционное оружие Индии, Эксмо, Москва, 2011
- 19. Стоун Д. К., Оружие и доспехи всех времён и народов. Москва, АСТ: Астрель, 2008

СЕРГЕЙ САМГИН

НЕСТАНДАРТНЫЕ СОВЕТСКИЕ ШАШКИ ОБРАЗЦА 1927 г.

Советская кавалерийская шашка обр. 1927 г. выпускалась 18 лет (с 1928 по 1946 гг), преимущественно на заводе в г. Златоуст. За этот период конструкция шашки не претерпела серьезных изменений, и сегодня основные отличия касаются используемых для изготовления шашки материалов (металлов), декоративного оформления головки рукояти и клейм завода-изготовителя. Однако златоустовский завод выпускал и «нестандартные» шашки обр. 1927 г. — сравнительно небольшими партиями по специальному заказу. Кроме того, к группе «нестандартных» шашек можно отнести и шашки, выпускавшиеся в годы Великой Отечественной войны на других предприятиях Советского Союза. Эти шашки и рассматриваются в данной статье. В исследовании обращается внимание на особенностях конструкции, декоративного оформления и клеймения этих шашек.

Ключевые слова: шашка, суррогатная арматура, Витис, Литва, Златоуст, Орджоникидзевский вагоноремонтный завод, Тамбовский вагоноремонтный завод.

Советская кавалерийская шашка, состоявшая на индивидуальном вооружении рядового и начальствующего состава РККА, была принята на вооружение в ноябре 1927 г. Приказом Реввоенсовета Республики № 583 и выпускалась с 1928 по 1946 г.г. преимущественно на заводе в городе Златоуст.

За 18 лет конструкция шашки не претерпела серьезных изменений. Только в 1931 г. стали изготовлять шашки с удлиненной (с 4 до 4,5 дюймов) рукоятью, что повысило эффективность ее хвата, а в 1941 г. был изменен выход дола у пяты клинка, что обуславливалось изменениями в технологии его проката и никак не повлияло на боевые качества оружия.

Основные изменения касались используемых для изготовления шашки материалов (металлов), декоративного оформления головки рукояти и клейм завода-изготовителя.

Так, в 1932 г. в войска стали поставлять шашки с суррогатной арматурой из ковкого чугуна или железа с покрытием никелем или латунью, которые в настоящее время известны под ошибочным названием «шашка НКВД». С началом войны выпуск этих шашек увеличился, некоторые детали шашки стали делать из стали (устье, наконечник ножны) и воронить.

Декоративное оформление головки рукоятки развивалось по пути упрощения, последовательно пройдя от сложного орнамента, получаемого при литье головки, к орнаменту, получаемому резьбой штихелем, далее – к тому же резному орнаменту, но упрощенного вида, и до простой звездочки, наносимой ударным способом с помощью штампа.

Рис. 1. Эфес и пята шашек обр. 1927 г., выпуска 1930 - 1942 г.г.

Этим же путем шли и клейма, наносившиеся на детали оружия. Златоустовский завод — основной производитель шашек образца 1927 года — за этот период прошел ряд реорганизаций, следствием которых стало изменение его названия и, соответственно, изменение клейма завода-изготовителя,

наносившегося на пяту клинка. Менялись и технологические клейма, использовавшиеся при изготовлении деталей шашки и испытании готовых изделий, которые постепенно редуцировались до единственной, периодически менявшейся буквы.

Однако златоустовский завод выпускал и «нестандартные» шашки обр. 1927 г., впрочем, следует отметить, что их «нестандартность» связана с декоративной отделкой и клеймением.

Так 5 августа 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) специальным решением разрешило продажу военного имущества Литве. В списке поставок были и 3000 шашек образца 1927 г. «Литовские» шашки были идентичны шашкам, изготовлявшимся для РККА, за исключением орнамента на головке рукоятки (на ней был вырезан Вити́с (*Vytís – Пого́ня*), символ Литвы) и клейма на пятке клинка.

Рис. 2. Шашка обр. 1927 г., изготовленная для Литвы.

Перед войной златоустовский комбинат производил и шашки, носящие в кругах коллекционеров название «монгольские», что обуславливается предположением об их поставках в Монгольскую Народную Республику в 1937 г. Факт поставок шашек в Монголию подтверждается документально: «Сообщаем, что только что принятый вашим заводом спецзаказ, на изготовление экспортных шашек для Литвы и Монголии, стал достоянием всего Златоуста, что явно характеризует преступное отношение руководства завода к выполнению военных заказов»¹. Основными отличиями этой шашки от «стандарт-

¹ ЗАО Ф.Р-180 Оп.1 Д.707 Л.40

ной» являются «точечный» узор на головке рукояти и отсутствие клейм завода-изготовителя. Вместе с тем, можно предполагать, что эти шашки были и на вооружении красных кавалеристов — в 2012 г. в ходе раскопок в местах боев по зиме 1941-1942 г.г. в Подмосковье были найдены остатки этой шашки.

Рис. 3. Шашка обр. 1927 г. с «точечным» узором на головке.

Рис. 4. Шашка с суррогатной арматурой без советской символики.

Однако изготовление неизвестных шашек златоустовский завод начал несколько раньше: в книге Ю. Окунцова «Златоустовская оружейная фабрика» есть информация о том, что в 1933 г. для неизвестного заказчика было изготовлено 10 000 шашек с гнездами и 1000 шашек без гнезд для штыка. При изготовлении использовалась суррогатная арматура без советской символики².

А в уже цитировавшемся выше документе, обвинявшем руководство завода в преступном отношении к государственной тайне, говорится и о том, что «в ближайшее время будет преступлено к выполнению особого наряда на

² Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. М.: Вече, 2012. -256 с. С.

2000 шашек... Выделено специальное изолированное помещение, допуск только отдельным лицам»³.

Группу «нестандартных» шашек образца 1927 г. дополняют шашки, произведенные в начальный период Великой Отечественной войны на других предприятиях Советского Союза. В это время целый ряд заводов провел подготовительную работу по организации производства кавалерийской шашки образца 1927 г. В их число вошли Орджоникидзевский вагоноремонтный завод им. С.М. Кирова (ОВРЗ), краснодарские завод «Пожарпром», заводы им. Седина, Калинина, трест «Майкопнефтекомбинат»⁴, Тамбовский вагоноремонтный завод, завод промкооперации «Красный металлист» в г. Гуляйполе (Украина), Зыряновский свинцовый комбинат (Казахстан) и некоторые другие.

В частности, на Тамбовском вагоноремонтном заводе к началу 1942 г. была выпущена опытная партия шашек (по разным оценкам от 150 до 500 клинков). Отличительной особенностью этой шашки стали суррогатная арматура, немного нехарактерный наклон рукояти в сторону лезвия и клеймо в виде цифры между «ушами» головки рукояти. Эта шашка была забракована испытательной комиссией, в серию не пошла, а пробная партия была уничтожена уже в 90-е г.г. XX в. Несколько экземпляров находятся на хранении в Тамбовском краеведческом музее и музее Тамбовского вагоноремонтного завода.

Шашке, изготовленной Орджоникидзевским вагоноремонтным заводом им. С.М. Кирова, повезло больше — она была одобрена комиссией и пошла в серию. Постановлениями ГКО заводу спускали планы по выпуску шашек с октября 1941 по июнь 1942 г.г. Всего за этот период было выпущено 69 тысяч шашек⁵. Шашки с клеймом ОВРЗ выпускались и на Орджоникидзевском заводе «Стеклотара» и в ремесленном и железнодорожном училищах, что может объяснить некоторое различие как внешнего вида, так и клеймения шашек.

³ ЗАО Ф.Р-180 Оп.1 Д.707 Л.40

 $^{^4}$ Фролов Б.Е. Холодное оружие кубанских казаков. Краснодар: Диапазон-В, 2009. - 320 с. С. 128.

⁵ Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне. Владикавказ, 1992. -319 с. С. 2.

Рис. 4. Шашка обр. 1927 г. Тамбовского вагоноремонтного завода.

Рис. 5. Шашка обр. 1927 г. Орджоникидзевского вагоноремонтного завода.

Известен и украшенный вариант этой шашки, изготовленный для наркома НКВД, члена Орджоникидзевского (Владикавказского) Комитета обороны А.С. Заделавы и подаренный ему коллективом ОВРЗ 15 марта 1942 г.

В современных коллекциях имеются и другие шашки образца 1927 г., которые, судя по внешним признакам, выпускались на промышленных предприятиях в годы войны. К сожалению, сведения и о самих шашках, и об их производителях крайне скупы, что затрудняет атрибуцию предметов. Это порождает массу достаточно устойчивых среди коллекционеров слухов о существовании т.н. «предательских» шашек, которые якобы производились на территории, оккупированной фашистскими войсками для коллаборационистов, воевавших в их рядах, шашек, производившихся для стран «социалистического лагеря» и т.п. Однако имеющиеся данные позволяют говорить о том, что эти предположения лишены оснований.

Советская кавалерийская шашка образца 1927 г. являлась одной из последних моделей боевого длинноклинкового оружия, разделив это место с польской саблей обр. 1934 г. и советской же шашкой строевого начальствующего состава обр. 1940 г. Однако ее славная история, которая отнюдь не ограничивалась только городом Златоуст и только Рабоче-крестьянской Красной Армией еще только ждет исследователей.

Рис. 6. Клейма неатрибутированных шашек обр. 1927 г.

Библиографический список:

- 1. Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. М.: Вече, 2012. 256 с.
- 2. Фролов Б.Е. Холодное оружие кубанских казаков. Краснодар: Диапазон-В, 2009. -320 с.
- 3. Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне. Владикавказ, 1992. -319 с.

денис тоичкин

ДВЕ САБЛИ БАЛКАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ XVIII В. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПОЛТАВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье рассматриваются две сабли балканского происхождения 18 века, которые по ряду признаков могут быть атрибутированы как принадлежавшие украинской казачьей старшине. Основная сложность осуществления атрибуции заключается в отсутствии надежных критериев выделения собственно казачьих старшинских сабель. Ведь в отличие от произведений других отраслей декоративно-прикладного искусства, украинская сабля не демонстрирует ни ярких национальных художественных традиций, ни самобытных ювелирных или кузнечных технологий. Поставленное историческими реалиями в царство западных и восточных влияний, украинское клинковое оружие Нового времени осталось отлично замаскированным восточноевропейским «середняком», приправленным изрядной порцией восточного колорита. Таким образом, для выделения казачьих предметов к которым приложили руку украинские мастера, необходимо рассматривать целый комплекс характеристик. Они и принимались во внимание при атрибутировании двух описываемых в статье сабель - старшины Гадяцкого полка П. Ф. Неженца и полтавского бурмистра Павла Руденко.

Ключевые слова: сабля, карабела, клинок, Украина, старшина, клинковая эпиграфика, изобразительный источник.

В последнее время в исследованиях в области истории холодного оружия украинского казачества значительное внимание уделяется сабле. Эта разновидность клинкового оружия, окончательно утвердившаяся на землях Речи Посполитой в XVI в., использовалась не только как средство вооруженной борьбы, но и признак определенного социального статуса. Сабля была частью военного и выходного костюма, символом родового и собственного достоинства, маркером значительного материального состояния, наконец, предметом роскоши и выгодной денежной инвестиции. Придя на смену мечу, именно сабля, неоднократно воспетая в народных песнях и поэзии, на протяжении нескольких столетий оставалась любимым «рыцарским» оружием защитников родной земли и православной веры.

В этой связи особое значение приобретает прояснение вопроса, какие же разновидности сабли были наиболее популярны в среде казачьей старшины. В научной историографии данная проблематика начала подниматься еще в первой половине XX в. Однако только новейшие исследования дают возможность хотя бы частично разрешить данную проблему¹. Основная сложность заключается в отсутствии надежных критериев выделения собственно казачьих старшинских сабель. Ведь в отличие от произведений других отраслей декоративно-прикладного искусства, украинская сабля не демонстрирует ни ярких национальных художественных традиций, ни самобытных ювелирных или кузнечных технологий. Поставленное историческими реалиями в царство западных и восточных влияний, украинское клинковое оружие Нового времени осталось отлично замаскированным восточноевропейским «середняком», приправленным изрядной порцией восточного колорита. Таким образом, для выделения казачьих предметов к которым приложили руку украинские мастера, необходимо рассматривать целый комплекс характеристик. Тут изображения геральдических фигур и клинковая эпиграфика, символика и орнаментика, ремесленные техники, наконец, морфологические характеристики.

¹ См. напр.: Тоїчкін Д. В. Клинкова зброя козацької старшини XVI — першої половини XIX ст.: проблеми атрибуції та класифікації. / Денис Тоїчкін; Інститут історії України НАН України. – К.: Інститут історії України НАНУ, 464 с.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

Пожалуй, одним из наиболее надежных признаков следует считать клинковую эпиграфику. До наших дней сохранились считанные единицы предметов с надписями, свидетельствующими о принадлежности оружия украинским шляхтичам. Один такой экспонат хранится в экспозиции Полтавского областного краеведческого музея (г. Полтава, Украина). Речь идет о наградной сабле старшины Гадяцкого полка П. Ф. Неженца, пожалованной ему императрицей Елизаветой Петровной (годы правления 1741–1761).

Рис. 1. Наградная сабля старшины Гадяцкого полка П. Ф. Неженца.

Карабела, Османская империя (Балканы – Призрен?) – изделие, Российская империя – насечка, конец XVII в. – середина XVIII в. Полтавский областной краеведческий музей, инв. №36-82. Материалы: сталь, золото 585° и 999° (позолота), ювелирное серебро, серебряная нить, слоновая кость, дерево, кожа (хоз). Техники: ковка, литье, чеканка, гравировка, рифление, насечки, золочение.

Уже в 1736 г. Павел Федорович Неженец (родился 1723) был известным селитряным заводчиком. В 1745 г. он также начал военную карьеру. В 1748 г. императрица оценила заслуги П. Неженца в развитии селитроварной промышленности, пожаловав ему ценный подарок – наградную саблю с золотой насечкой. В наградной практике того времени поднесение сабли за гражданские заслуги было довольно-таки редким случаем. После этого пошла в гору и военная карьера Неженца – 1749 г. видим его в чине полкового комиссара, 1758 г. он – военный товарищ Гадяцкого полка, позднее – абшитованый бунчуковый товарищ (1788–1790)².

Представленный образец наградного оружия является одним из давнейших приобретений Полтавского музея, попав в него в 1906 г. в составе коллекции древностей мецената, издателя и общественного деятеля К. М. Скаржинской (г. ж. 1854–1932). Хотя изображение и описание этого предмета не-

² Кривошея В. В. Неурядова старшина Гетьманщини / Кривошея В. В., Кривошея І. І., Кривошея О. В.; НАНУ; Ін-т політ і етнонац. Досліджень ім. І. Ф. Кураса; Музей гетьманства. – К.: Стилос, 2009. – С. 264.

сколько раз публиковали в различных изданиях³, до сих пор он остается практически не изученным.

Кожа на ножнах скреплена толстым швом со смешанной серебряной нитью. Центры производства таких нитей находились на территории Османской империи, в частности в Стамбуле. Для их изготовления на двойную шелковую нить наносили серебро, после чего волочили ее между двумя полированными валиками⁴. Существую также сведения о производстве таких нитей на Украине⁵.

Рис. 2. Серебряные нити шва на ножнах: A) фрагмент; Б) с увеличением под микроскопом.

Параметры оружия: общая длина ~ 990 мм, длина клинка ~900, ширина клинка у пяты 34 мм. Поскольку клинок обломан в нижней части, установить общую длину можно лишь приблизительно. Приняв во внимание размеры и кривизну ножен, отметим, что сабля имела значительную кривизну и вес, в целом ее параметры типичны для кавалерийского оружия первой половины XVIII в.

Эфес открытого типа. Серебряная гарда в виде крестовины с перекрестием состоит из двух симметричных частей. Она покрыта гравированным орнаментом и слоем позолоты. Короткие широкие кильоны приплюснуты и расширены к концам, где скреплены заклепками. Накладные щечки рукояти из слоновой кости скреплены трема латунными заклепками с серебряными позолоченными фигурными головками в виде солярных розеток. Между ще-

³ См. напр.: Пам'ятки козацької слави у зібранні Полтавського краєзн. музею: каталог виставки / [уклад. Мокляк В. О., Супруненко О. Б.]. — Полтава: Полтавський краєзн. музей, 1991. — С. 10; Україна — козацька держава: Ілюстр. історія укр. козацтва у 5175 фотосвітлинах / [авт.-упор. Володимир Недяк]. — К.: Емма, 2005. — С. 641.
⁴ История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1: История Османского государства и общества / [под ред. Э. Ихсаноглу; Исслед центр исламской истории, искусства и культуры; пер. с турецк.]. — М.: Вост. лит., 2006. — С. 509–510.
⁵ Спаський І. Г. Дукати і дукачі України / І. Г. Спаський. — К.: Наук. думка, 1970. — С. 48.

чками расположена серебряная позолоченная гиверса. Навершие являющееся продолжением щечек выполнено в виде стилизованной головы орла. Рукоять расширяется книзу.

Ножны деревянные, обтянуты черной кожей (хозом). Металлическая оправа выполнена из высокопробного позолоченного серебра состоит из устья, обоймицы и наконечника, покрытых чеканным орнаментом.

На внешней стороне клинка золотой насечкой в 4 ряда размещена надпись, которую можно интерпретировать следующим образом:

Рис. 3. Эфес наградной сабли П. Ф. Неженца.

«По указу ее Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны Самодержицы Всероссийской пра... / саблею малороссийского гадяцкого полку старшине селитерного кампанейщика Павла Федорова сына Неженц... / В пользу государственную в немалом размножении селитерных заводов радение в Санкт-Петербурге / 1748 году».

Рис. 4. Надпись на внешней стороне клинка.

Перед надписью при пяте размещена орнаментальная композиция и двухголовый орел в обрамлении перекрещенных ветвей.

Отдельно следует сказать об орнаментике, использованной в декоре сабли.

Орнаменты демонстрируют преимущественно геометрические мотивы – жгуты, ветви, варианты традиционных спиралей, или так называемых «бара-

ньих рогов». Гарда и металлическая оправа ножен покрыта растительногеометрическим орнаментом, выполненным в техниках чеканки и гравировки на разработанном рифлением фоне. Наиболее выразительной особенностью орнаментальной композиции является ее центрально-симметричное построение. В центре композиции гарды размещена восьмилепестковая розетка в окружении акантовых листьев. Центральный элемент помещен в крупный сегмент, состоящий из сегментированных арок и фигур в стиле китайских «облачков-чи», образующих ярусные пирамиды с округлым верхом. И все же основным мотивом всей композиции являются уже упомянутые спиральные закрученные «бараньи рога», стилизованные под арабесковые дву- и трилистники. Больше всего их появляется в оформлении ножен, где спирали приобретают разнообразные формы. Видим тут и новые элементы – шести лепестковые розетки, стилизованные раковины и узлы, причем на устье раковина не только является центральным элементом композиции, но и играет роль традиционного в османском оружейном деле медальона, которым, обычно заканчивается паз для нижнего шипа перекрестья. Сама композиция имеет более геометрический характер, четкая симметрия приобретает своеобразную иерархию – каждый элемент занимает точно отведенное ему место.

Рис. 5. Орнаментальная композиция на ножнах: А) устье и обоймица; Б) наконечник.

Все это построение, большое количество геометрических спиральных элементов, способ изображения раковины и прочее характерны в первую очередь для стиля Людовика XIV (так называемого «класицирующего барокко») второй половины XVII в. Искусствоведы предполагают, что орнамент все же следует датировать концом XVII в., даже началом XVIII в.⁶.

Атрибуция образца как балканского изделия основана на характере орнаментики и морфологии навершия. Для карабел, изготовленных в ремесленных центрах Балканского полуострова, обычно характерно волнистое навершие в виде своеобразного гребня. Именно такой видим на рассматриваемой

⁶ Из персональной консультации с кандидатом искусствоведения Д. Е. Горбачовым.

сабле. Еще более красноречивой является отделка оправы. Хотя особенности орнаментального оформления вызывают ассоциации как с центрально- и западнокавказским, так и балканским стилями, собственно данная разновидность встречается нечасто. Подобные композиции – с удлиненными стилизованными волютами, спиралями, узлами, ветвями, согнутыми под прямым углом и т. д. встречаются в оформлении оружия, изготовленного в г. Призрене (Сербия) XVIII в.

Оружейные центры Призрена известны производством высоко-качественного огнестрельного оружия и сабель из узорчатой стали еще с XVII в. Особенно знамениты были так называемые призренские «златки» (дорого отделанные пистолеты), которые во второй половине XVIII в. продавались по всей Османской империи⁷.

Рис. 6. Фрагмент отделки пистолета, принадлежавшего сербскому воеводе Луке Лазаревичу (г. ж. 1774–1852), руководителю первого антитурецкого восстания 1804–1813 гг. Исторический музей Сербии, Белград, инв. № W43/2056.

На одном из таких пистолетов можем видеть декоративные мотивы, аналогичные сабле Павла Неженца⁸. Таким образом, оформление сабли могло быть выполнено на несколько десятилетий позже начала XVIII в., недаром специалисты подчеркивают консервативность балканских мастеров, которые могли придерживаться принятой когда-то декоративной схемы почти столетие⁹. Именно поэтому не можем датировать изделие точнее концом XVII – серединой XVIII вв. (до 1748 р., когда была выполнена насечка на клинке).

Отметим, что рассмотренный нами случай – далеко не единственный, когда образец балканской сабли оказывался в руках украинской, в частности, полтавской шляхты.

В исследовательской практике чрезвычайно редки случаи, когда морфологические характеристики и отдельные особенности исполнения образца,

⁷ Elgood R. The Arms of Greece and Her Balkan Neighbors in the Ottoman Era / Robert Elgood. — N.Y.: Thames & Hudson, 2009. — P. 186–188.

⁸ Ibid. — P. 219, 329.

⁹ Ibid. — P. 236, 238.

тем более его персональную принадлежность можно непосредственно верифицировать с помощью изобразительного источника.

К такому уникальному случаю относится еще один образец сабли из собрания Скаржинской, который с 1906 г. хранится в коллекции Полтавского областного краеведческого музея.

Сабля представляет из себя карабелу, датируется серединой XVIII в. (Полтавский областной краеведческий музей, инв. № 36-83 (ПКМ 3343)). Параметры оружия: общая длинна -810 мм; длинна клинка -690 мм; ширина клинка при пяте -32 мм; вес -730 г; вес в ножнах -1050г.

Рис. 7. Карабела из коллекции Полтавского областного краеведческого музея, инв. № 36-83 (ПКМ 3343).

В процессе работы работники музея обнаружили, что эфес этой уникальной находки практически идентичен с изображенным на портрете полтавского бурмистра Павла Руденко, работы В. Боровиковского (1778). Сегодня это полотно хранится в Днепропетровском художественном музее.

Рис. 8. В. Боровиковский. Портрет полтавского бурмистра Павла Руденко. 1778, Днепропетровский художественный музей.

Сабля балканского (возможно стамбульского) происхождения XVIII в. изготовлена и оформлена под сильным европейским влиянием. Металлические части эфеса выполнены из ювелирного серебра и покрыты чрезвычайно тонким слоем позолоты. Гарда открытого типа в виде крестовины с перекрестьем, загнутые вниз кильоны завершаются завитками в форме волют. Накла-

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

дные щечки выполнены из эффектного полупрозрачного оникса, скреплены на хвостовике тремя серебряными заклепками, украшенными солярными розетками.

Лишенный украшений сильно искривленный клинок также представляет определенный интерес, особенно в области оружейных технологий. Хотя его морфология наследует традиции XVII в., однако, судя по результатам ряда тестов может быть продуктом более позднего времени, вероятно середины либо конца XVIII в. Материалом полосы является рафинированная сварная сталь с низким уровнем очистки и высокой неравномерностью распределения микротвердости по телу клинка (22–68 HRC). Вместе с тем в конструкции установлено наварное лезвие с высокой микротвердостью, которая варьируется от 53–57 (в центре удара) до 70 HRC на острие и в центре тяжести. Наиболее высокие показатели связаны с опасностью выкрашивания лезвия. Высокая твердость при пяте привела к тому, что сабля сломалась у рукояти и полосу пришлось заново приваривать к хвостовику. В целом количество стабильно высоких показателей микротвердости этого клинка значительно превышает обычные для XVII в. значения.

Хотя орнаментика оправы и выполнена в европейском стиле позднего барокко с характерной формой волют, высокой рельефностью рисунка и схематическим изображений цветов, однако кое-где отмечаем начальные черты рококо, в частности в форме роз на гарде. Таким образом, орнамент следует датировать от первой четверти XVIII в.

Рис. 9. Карабела из коллекции Полтавского областного краеведческого музея, инв. № 36-83 (ПКМ 3343). Эфес и детали ножен.

В общем стиле с эфесом выполнены деревянные ножны, покрытые кожей зеленого цвета с характерным продольным проволочным швом в турецком стиле. Металлическая оправа ножен состоит из серебряных, покрытых глубокой чеканкой, устья, обоймицы и наконечника.

В очередной раз сталкиваемся с универсальной оправой, выполненной в «ориентально-европейском» стиле, однако, характер орнаментики и морфологии рукояти подтверждает предположение про монтировку и оправу образца в одном из оружейных центров Балканского полуострова. Высококвалифицированная ювелирная работа и подгонка ониксовых щечек красноречиво свидетельствует о греческой либо армянской работе.

В заключение отметим, что балканские сабли являются лишь небольшой частью обширного массива казацкого оружия, куда входило, пожалуй, абсолютное большинство типов сабель, популярных в это время в Восточной Европе и России. Тем не менее, именно рассмотренные образцы представляют собой раритетные экспонаты с установленными владельцами и хорошо исследованной историей, которые являются надежными источниками для изучения длинноклинкового оружия украинской казацкой старшины.

Библиографический список.

- 1. История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1: История Османского государства и общества / [под ред. Э. Ихсаноглу; Исслед центр исламской истории, искусства и культуры; пер. с турецк.]. М.: Вост. лит., 2006.
- 2. Кривошея В. В. Неурядова старшина Гетьманщини / Кривошея В. В., Кривошея І. І., Кривошея О. В.; НАНУ; Ін-т політ і етнонац. Досліджень ім. І. Ф. Кураса; Музей гетьманства. К.: Стилос, 2009.
- 3. Пам'ятки козацької слави у зібранні Полтавського краєзн. музею: каталог виставки / [уклад. Мокляк В. О., Супруненко О. Б.]. Полтава: Полтавський краєзн. музей, 1991.
- 4. Спаський І. Г. Дукати і дукачі України / І. Г. Спаський. К.: Наук. думка, 1970.

историческое оружиеведение

- 5. Україна козацька держава: Ілюстр. історія укр. козацтва у 5175 фотосвітлинах / [авт.-упор. Володимир Недяк]. К.: Емма, 2005.
- 6. Elgood R. The Arms of Greece and Her Balkan Neighbors in the Ottoman Era / Robert Elgood. N.Y.: Thames & Hudson, 2009

Dr. Manouchehr Moshtagh Khorasani and Hessamoddin Shafeian

EWAZ: A CENTER OF GUNMAKING IN IRAN

Persian manuscripts on firearms reveal valuable information on casting bronze cannons, using rockets in warfare, the function of howitzers, mortars and cannons, cannon formation, etc. The barrels of Persian muskets show a variety of beautiful patterns of welded steel. But there are almost no period Persian manuscripts which report about the making of these beautiful pattern welded steel barrels and also their corresponding names in Persian. There is one Persian manuscript titled Tārix-e Delgošā-ye Ewaz (The Delightful History of Ewaz) which provides valuable information on some types of welded steel patterns. The following article deals with the chapter on firearms in the mentioned manuscript.

Key words: Persian guns, Persian muskets, pattern, welded steel, crucible steel, patterned crucible steel, patterns of welded steel on barrels, Ewaz as gunmaking center, gun-making factories.

1) Introduction

There are many Persian manuscripts on the casting and production of firearms, using them in battlefields and their corresponding transportation. These manuscripts include among others:

a) An untitled Safavid manuscript on casting bronze cannons: This is the earliest known Persian manuscript on firearms from the Safavid period and deals with casting bronze cannons. This manuscript is kept in the Central Library of the

University of Tehran with the number 2085. The end of the manuscript is signed with the inscriptions *Kamtarin bande-ye dargāh Soleymān qurči-ye mezrāq* (the Lowest Servant of the Court, Soleymān who holds and takes care of a short spear [for the king]). Thus it can be assumed that it is written by Soleymān. The manuscript consists of 51 pages and seventeen drawings.

- b) Resālei dar Fešang [Treatise on Rockets]: This manuscript is written by Mohammad Rezā Tabrizi who was a mohandesbāši (head of engineering units). The manuscript was written in 1256 Hegira, which is 1840 C.E. This manuscript is a combination of a translation of two different Congreve manuscripts and the writer translates some parts directly and some parts are written and added by Mohammad Rezā Tabrizi himself as he says that he was under the impression that Congreve did not explain clearly and wanted to hide important aspects. It has ten plates. Although the paintings resemble the paintings of Congreve books on rockets, all soldiers in Tabrizi's book are depicted with Qājār -period uniforms of the Persian army holding the Iranian flag of the lion and the sun. The enemy is shown holding the Ottoman flag and wearing Ottoman uniforms. The manuscript consists of 99 pages.
- c) Resāle-ye Qurxāne [Treatise on Arsenal]: It is written by Mohammad Bāqer Tabrizi in 1257 Hijra (1841 C.E.). This manuscript is kept in the National Library of Iran with the number 1766. The first part consists of several chapters about the gunnery tools for cannons. This part offers a detailed account about how cannons were loaded and shot. Additionally, it provides information about how gunnery tools were made and how they functioned. It also provides information on mortars and howitzers. The second part is about the rockets and their accessories. This part offers valuable information about war rockets and how they were shot. Finally, the third part is about artificial fireworks that were used during celebrations. The manuscript has 196 pages and 50 plates.
- **d)** *Majmueye Qavāe'd-e Nezām* (*Collection of Military Regulations*): This manuscript has the number 2772 and was written by an unknown author by the order of Nāssereldin Šāh Qājār in Ramezān 1268 (June 1852 C.E.). This manuscript has many pictures and describes in detail different marching and formation regula-

tions for the troops. It consists of 52 pages (including the jacket) and has 35 drawings.

- e) Resāle-ye Elm-e Mašqe Tupxāne (Manuscript on Artillery Training): It was written by Mirzā Zaky Māzandarāni Karšiš with the handwriting of Mohammad Ali ben Abdollāh al Tehrāni. The manuscript is dated 1270 Hijra (1853-1854 C.E.). It is kept in the National Library with the number 782156. The manuscript has 58 text pages and 14 pages at the end of the manuscript dedicated to drawings about the formation of cannons.
- f) Soāl va Javāb dar Elm-e Tupxāne (Questions and Answers about the Science of Artillery): It was written by Najafqoli. It was handwritten by Abdolhosseyn Mohammad Rafi' in Tabriz in 22 Moharram 1296 Hijra (15 January 1879 C.E.). The code of the manuscript is 725 F and is kept in the National Library of Iran. The manuscript was written for the crown prince Mozaffareldin Šāh Qājār and was used an instructional manual to teach him the science of artillery. The book consists of 120 questions and 98 pages and has no drawings.
- g) *Tupxāne va Golule-ye Ān* (*Artillery and its Projectiles*): It was written by Najafqoli Xān (Nāyeb Ajudān) and Petros Xān (Sarhang) and handwritten by Enayatollāh. The book was written in Tabriz 1296 Hijra (1879 C.E.) and dedicated to Mozaffareldin Mirzā. The book is kept with the number 1823 in the National Library of Iran. The book was originally in Russian and translated into Persian by the order of the crown prince Mozaffareldin Mirzā. The authors were both artillery officers. The book is not merely a translation but the authors annotated it and added their own parts. They state in the beginning pages of the manuscript that the original manuscript had one introduction and twenty two chapters. The manuscript has 165 pages and no drawings.
- h) *Tup-e Kuhi* (*Field Artillery*): It was written by an unknown author in 13th century Hijra (19 century C.E.). This seems to be a translation of a European manuscript. This book is kept in the National Library of Iran with the number 5-11015. The manuscript describes in detail a breech-loading cannon. It has thirty eight pages and twenty drawings.
- i) TarzeTuphāye Mitrāyuze Hāčkis (Usage of Hotchkiss Machine Gun): This manuscript with the number of 3189 was written in the late 19 century. Note

that *mitrāyuz* means "slug shots". This manuscript consists of 85 pages and has no drawings.

- j) Šarh-e Lavāzem-e Jangi az Exterāāt-e Hāčkis [Description of War Equipment of Hotchkiss Inventions]: This is a Qājār -period manuscript on the usage of the hotchkiss machine gun and is from the 13 century hijra (19 century CE)The manuscript code is 887. The manuscript has seventy two pages and no drawings.
- **k)** *Elm-e Tupxāne* (*Science of Artillery*): It is a Qājār period manuscript about cannons, mortars and howitzers. The manuscript code is 417. The manuscript has 91 pages and no drawings. It was written in Rabi II 1271 Hijra (January 1855 C.E.).
- I) *Qānun-e Nezāmiye* (*Military Regulations*): It is a Qājār period manuscript. The manuscript has the number 2979. The manuscript has fifty pages.

The next manuscript which has a chapter on firearms is *Tārix-e Delgošā-ye Ewaz* (*The Delightful History of Ewaz*). This article deals with this manuscript.

2) Persian manuscripts on crucible steel patterns

Before describing the chapter on firearms *Tārix-e Delgošā-ye Ewaz* (*The Delightful History of Ewaz*) and the patterns of welded steel on barrels, a short review on patterned crucible steel patterns is given. Patterned crucible steel was mainly used to make swords, knives and armor in Persia. There are a number of Persian manuscripts on patterned crucible steel making. These manuscripts offer valuable information on how to make crucible steel and although some of the old terms related to different types of iron and steel do not correspond to modern terminology regarding iron and steel, they nevertheless offer valuable information on the components of the crucible steel. Further, the added minerals and plants to the crucible are discussed in the manuscripts. Crucible steel, which is also called "true damascus steel" or "pulad" is a type of an ultra high carbon steel with a carbon content of 1-2.1% that has been heated until completely or partially molten and then left to slowly cool down. Note that the used term in Persian manuscripts to refer to this type of steel is *pulād-e jŏhardār* (jewelled steel) (see Moshtagh Khorasani 2010). The so-called Damascus steel or watered steel is made of crucible steel, but in

western terminology this can be misleading because the term Damascus steel is used to refer to both "patterned crucible steel" and "patterned welded steel", but not all steel types produced in crucible are patterned. Therefore, the suggestion is made to refer to patterned crucible steel as "crucible damascus steel" with a lower case "d" in damascus (see Feuerbach, 2012). The earliest evidence of crucible steel production dates back to the 3rd century CE and it is believed that the traditional manufacture and technology died in the 1800's (see Feuerbach, 2012). To make crucible steel, the steelmakers placed iron bloom or scrap iron, which were rich in iron, together with charcoal, plant matter, or cast iron which were rich in carbon into a crucible and then heated it. This resulted in the diffusion of carbon into the iron, creating steel. One should note also that during the process the melting point is lowered resulting in the steel becoming liquid for a while. The resulting steel ingot is relatively homogeneous (see Feuerbach, 2012). The outcome is basically slag-free lump of steel with the shape of the internal cavity of the crucible. These ingots have different carbon contents, minor and trace elements, and microstructures. These ingots were heated to cherry red color temperature and then forged into swords, axes, scissors, shields, armor plates and a number of other items. Many of period Persian manuscripts describe different patterns of patterned crucible steel such as Nŏruznāme [Book of Nŏruz] attributed Omar ben Ebrāhim Xayyām-e Neyšāburi, which was probably written in 495 Hijra (1102 C.E.). This manuscript describes the following terms: gŏhar گوهر (pattern of crucible steel) (Xayyām-e Neyšāburi, 2003, p. 56), gŏhar-e hamvār گوهر هموار (leveled pattern) (Xayyām-e Neyšāburi (Xayyām-e Neyšāburi, 2003, p. 55), kalāqi كلاغى (white traces aligned consecutively close to the back of the blade, dombāl دنبال and these white traces appear as silver) (Xayyām-e Neyšāburi, 2003/1382, p. 55, الحالق لولو (a type of pattern in a crucible steel blade in which round spheres that resemble pearls) (Xayyām-e Neyšāburi, 2003, p. 56), matn متن (background color of the crucible steel) (Xayyām-e Neyšāburi, 2003/1382, p. 55), mošattab مشطب (a type of crucible steel pattern of yamāni يماني sword), pāyhā-ye murče بإيهاى مورچه (a type of pattern of crucible steel blade that looks like blazing ants' feet) (Xayyām-e Neyšāburi, 2003, p. 56) and sāde ساده (a type of pattern of crucible steel blade that is simple and has faint traces of a fuller (Xayyām-e Neyšāburi, 2003, p. 56).

Another manuscript is the 13th-century Tansuxnāme [The Book of Minerals] written by Xāje Nasireldin Tusi. This manuscript discusses the following rŏhinā روهبنا (a kind of balārak بلارک جاهکی [watered steel] which has big watered steel pattern as if someone painted the pattern on the blade), balārak-e jāhaki بلارک جاهکی (a type of balārak بلارک شاهی attributed to Jāhak جاهک , balārak-e šāhi بلارک شاهی (king's balārak/royal balārak; a type of balārak (بلارک شاهی and rŏhinā بلارک (a kind of balārak بلارک لارک شاهی (a kind of balārak) بلارک (watered steel] which has big watered steel pattern as if someone painted the pattern on the blade) (Nasireldin Tusi, 1574/982 Hijra:[101]).

Another 12th-century manuscript is Javāhernāme-ye Nezāmi by Jŏhari Nezām which provides the following patterns such as balārak بلارك, balārak-e šāhi بنفشرنگ, banafšrang بلارك (violet-colored; the color of the best type of balārak بلارك steel; sefīd mosalsal سفيد مسلسل (a type of watered steel with a jŏhar بلارك steel; sefīd mosalsal سفيد مسلسل steel), siyāhrang بيامرنگ steel), siyāhrang بلارك steel (Jŏhari Nezāmi, 2004, pp. 327-329) and bum بوم (background color of crucible steel pattern (Jŏhari Nezāmi, 2004, p. 331).

The 15th century *Gŏharnāme* [Book of Jewels] by Mohammad ben Mansur offers also interesting terminology regarding the terms describing the crucible steel such as balārak-e hendi بلارک شاهی balārak-e šāhi بلارک شاهی (king's balārak/royal balārak), bigŏhar بی گوهر (without watered steel pattern; this refers to the areas where the crucible steel pattern is not visible either due to the bad quality of the blade or poor etching), kasir al-jŏhar کثیرالجوهر (full of watered steel pattern), rŏhinā روهینا (a type of balārak روهینا and a steel pattern with traces that are so big as if one had painted them with fingers) and siyāhfām سیاهام (blackish, black-colored; this refers to the parts of the watered steel pattern that are blackish and hence where the pattern is not visible due to the bad quality of the blade or poor etching) (Mansur, 1975, pp. 286-287).

Next to different ancient manuals, many researchers in early modern and modern times made classifications of crucible steel as well based on the travel accounts of contemporary Europeans. Some of these patterns are also mentioned in Qajar-period documents too. During the mid-19th century C.E., Anosov was the first person to make a modern classification of different types of crucible steel.

Zeller and Rohrer say that there are ten sorts of Persian watered steel, though some of the patterns are not very common. Additionally, they mention that Iranians make this distinction based on the pattern and color [see Zeller and Rohrer, 1955). As it was shown above old Persian manuscripts also distinguish the quality of crucible steel blades based on their pattern and color. Nevertheless, Zeller and Rohrer further state that, for people who are not from the region, a classification of ten different sorts of watered steel is very difficult; therefore, they propose a classification based on the pattern only. They also say that their classification is partially in accordance with the Iranian classification. The following types are distinguished in different sources:

a) Woodgrain or mottled pattern: This pattern is known as pulād-e jŏhardār-e mošabak in Persian [see (20)] which means watered steel with a net pattern (see Moshtagh Khorasani, 2008). This type of pattern looks like woodgrain. Woodgrain pattern is characterized by irregularity in the patterns that appear both lengthwise and crosswise along the blade. This pattern can further be divided into kara khorasan (see Figiel, 1991), known as in qaraxorāsāni in Persian (see Modarresi & Safavi Mobarhen, 1991) and kara taban (see Figiel, 1991). Kara khorasan (black watered steel from Khorasan) has much finer-grained dendrites but the same black color, whereas kara taban is a deep blue-black with bold, silvery dendrites (see Rawson, 1967). Another pattern of this category is known as bidr or qum which means gravel representing unbroken ondulating grapevine meandering the length of the blade (see Rawson, 1967).

Picture 1: A close-up of a crucible steel blade of a Persian *šamšir* from the Zand period with a woodgrain pattern.

b) Ladder pattern: The ladder pattern is considered as a type of woodgrain or mottled pattern [see (14)]. Another pattern is known as kirk nardeban meaning "40 steps or rungs". Nardebān means "ladder," and this pattern is characterized by transversely crossways-oriented patterns. These are mechanically created distortions of the crystalline pattern, called "steps" [see (14)]. This pattern is also known as Jacob's ladder. The distance between each step is the same; the steps occur at regular intervals of approximately 2.5-5 cm (see Figiel, 1991). The number of steps range from 20 to 50 per side. This pattern is known as pulād-e jŏhardār-e gerq nardebān in Persian meaning "watered steel with ladder pattern" which is a type of crucible steel with ladder pattern; known as forty ladder rungs (see Romanowsky, 1967). This pattern is also called ladder of Mohammad and is also known as čehlband (forty steps or rungs) in Persian pattern (Moshtagh Khorasani, 2010). Each step consists of an even denser, curvilinear orientation of the crystalline structure with the curvature or convexity being directed from the cutting edge of the blade to its back surface over the length of the blade on both sides. There are almost forty rungs along the length of the blade, therefore, the pattern has been called "the forty steps." Another important factor is that the orientation of the "steps" is staggered from one side to the other, meaning that the steps or "rungs" of the ladder are positioned midway between two steps on the opposite side. A parallel positioning of steps would cause flaws and weakness alongside the blade as these steps were created mechanically, using a blunt chisel. The chisel was hammered lightly into superficial layers of the hot metal at an upward angle, directed toward the back edge of the blade, pushing layers of crystals upward. The quality of this pattern varies in some cases. In some instances, the tightness of crystal layers is very visible and regular, whereas they appear erratic in other examples. There is also the possibility of naturally occurring crystalline orientations (see Figiel, 1991).

Picture 2: A close-up of a crucible steel blade of a Persian *šamšir* from the Safavid period with a ladder pattern.

c) Rose pattern: Another pattern is called the "rose" or circle pattern and is considered as a type of woodgrain or mottled pattern (see Figiel, 1991). The rose is positioned in the middle of the blade halfway between the cutting edge and the back edge. Just as with *kirk nardeban*, the roses are placed at regular intervals on the surface of the blade by using a blunt-edged chisel, making a semicircular row of indentations at both sides of the blade. Additional chiseled indentations are applied within the central portion of the circular site. The technique creates a variegated pattern, resembling concentric layers like the petals of a rose (see Figiel, 1991).

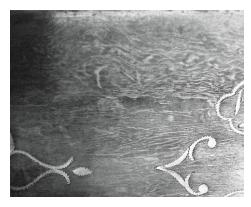
Picture 3: A close-up of a crucible steel blade of a Persian *šamšir* from the Zand period with a rose pattern.

d) Water pattern: This pattern consists of straight lines which becoming progressively shorter and they are combined with curved lines (see Rawson, 1967).

Picture 4: A close-up of a crucible steel blade of a Persian *šamšir* from the Qajar period with a water pattern.

e) Wave pattern: This pattern is known as *begami*, which represents deep waves running down the length of the blade (see Moshtagh Khorasani, 2010). This pattern is also described as increasing curved lines and broken lines and points (see Sachse, 1993). This pattern is called *pulād-e mavvāj* or *pulād-e mŏjdār* in Persian which means waved steel (see Romanowsky, 1967).

Picture 5: A close-up of a crucible steel blade of a Persian straight *šamšir* from the Qajar period with a wave pattern.

f) Striped pattern: This pattern called *sham* consists of lines appearing lengthwise along the blade. This pattern is known as *sham* (see Rawson, 1967). This pattern is called Syrian which is the least esteemed consisting of only slightly undulating stripes running down the length of the blade (see Moshtagh Khorasani, 2010). This pattern is called *pulād-e jŏhardār-e xati* in Persian which means lined watered steel (Romanowsky, 1967). This is a type of crucible steel with lined pattern.

Picture 6: A close-up of a crucible steel blade of a Persian *šamšir* from the period of Fath Ali Šāh Qajar with a striped pattern.

As mentioned before, pattern-welded steel was another method that was used to make gun barrels. During this process several <u>metal</u> pieces of differing composition are <u>forge-welded</u> together and twisted and manipulated to form a pattern. Steel plates <u>forged</u> in this manner often display bands of slightly different patterning along their entire length. These bands can be highlighted for cosmetic purposes by proper polishing or <u>acid etching</u>. Therefore, by referring to steel pattern, the book *Tārix-e Delgošā-ye Ewaz* (*The Delightful History of Ewaz*) describes patternwelded steel and not patterned crucible steel pattern.

3) Tārix-e Delgošā-ye Ewaz (The Delightful History of Ewaz)

Tārix-e Delgošā-ye Ewaz is a book dealing with the local history of Ewaz and was written in Persian by Mohammad Hadi Kerāmati (born in 1857 CE in Ewaz) who was from the influential and educated house of Kerāmati. When he was very young his family immigrated to Mumbai, India to work for his father's business (p6). There, although living in abroad, he still managed to gain deep knowledge in Arabic and Persian literature, world and Islamic countries' history as well as calligraphy skills. Later in his senility after paying a pilgrimage to Mecca, he isolated himself in Ewaz, his birthplace, to write a history of this city in 1925 (Kerāmati, 1992, p. 7). Mohammad Ebrāhim Bāstāni Pārizi a prominent historian of local regions of Iran has described Tārix-e Delgošā-ye Ewaz as a unique book for studying the history of Iranian military. Bāstāni Pārizi writes "For us to read about the details of Persia-Russian wars of Fath Ali Shah Qajar time or the wars on Herat (note that Herat was formerly and historically an Iranian city, now a major city in East of Afghanistan after British involvement in internal matters of 19th century Qajar Iran) is possible to consult with the books such as Rozat-al Safāye Nāsseri (روضه as well as Russian, British and (ناسخ التواريخ) and Nāsex-e Tavārix (ناسخ التواريخ) French documents [...] of the time, but if we wish to know about the weaponmaking techniques of the Iranians of the time, a simple and short local history book about a remote and seemingly insignificant region of Iran [such as Tārix-e Delgošā-ye Ewaz] can be of tremendous help.[...] In this book one can find a whole chapter titled 'On Forging and Gun-making Factories' details how in this village of a couple of hundreds dwellings there was a cartel of sixteen gun-making factories". The importance of this manuscript becomes clear when one takes into account that the royal collection of Iranian handmade barrels kept in the Military Museum of Tehran, the Military Museum of Shiraz have the most intricate and beautiful pattern-welded barrels made in the world. Unfortunately none of the manuscripts above describe how pattern-welded barrels were made in Iran. Only the untitled Safavid manuscript on casting bronze cannons deals with the making of guns explicitly. But this deals with casting bronze cannons and not making patternwelded barrels. But many barrels of Persian guns are made of pattern-welded steel as mentioned above. Unlike crucible damascus steel which has many descriptions

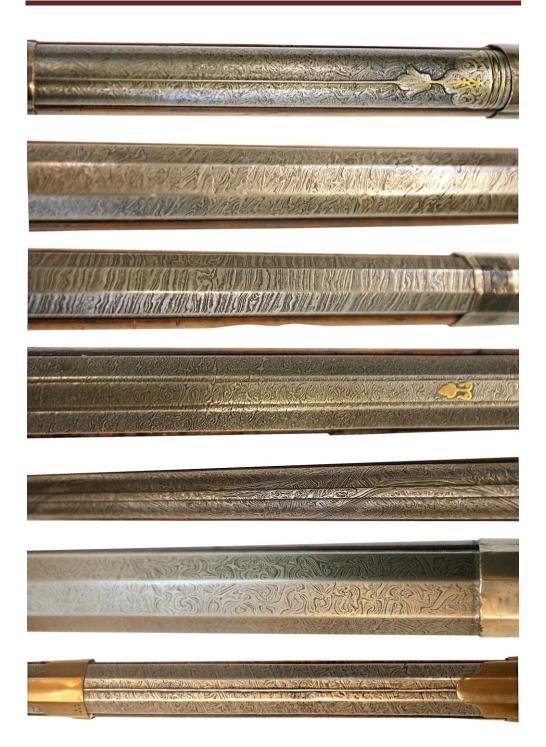
and terms for different patterns that can be extracted from period manuscripts, we have not been able to find any period manuscripts on terms describing different types of pattern-welded damascus steel. Only in 20th-century publications we find some related terms. These are tofang-e johari which means "guns with barrels made of pattern welded steel" (see Floor, 2003, p. 249) and the pattern-welded steel is called *pulād-e masnu'i* (artificial steel) in Persian (see Romanowsky, 1967/1346:79 and Ma'tufi, 1999, p. 724). Romanowsky (1967, p. 86) and Ma'tufi (1999, p. 724) distinguish between the following types of pulād-e masnu'i: a) pulād-e motabbag (layered steel) and b) pulād-e piči (twisted steel). Further, Romanowsky (1967, p. 86) adds that pulād-e motabbaq (layered steel) is further divided into pulād-e motabbaq-e montazam (layered and ordered steel) and pulād-e motabbaq-e rangi (colored and layered steel) and b) pulād-e piči (twisted steel) is further divided into pulād-e piči-ye montazam (twisted and ordered steel) and pulād-e piči-ye rangi (twisted and colored steel). Romanowsky explains that pulād-e motabbaq is a type of pattern welded steel that has visible layers that are pressed together that have different colors and pulād-e rangi is a type of pattern welded steel that has white patterns/traces in dark background. Romanowsky (1967, p. 79) suggests that the reason for making pulād-e masnu'i was to imitate the beautiful patterns of pulād-e jŏhardār (crucible steel) as pulād-e jŏhardār was very expensive. Another reason was, of course, that pattern welded steel was used to make barrels as it could much better adapt to the expansion of the barrel during shooting in comparison to the crucible steel.

European travelers to Persia during that period report on the process. Chardin (1988, p. 271) reports on the firearms barrel-making process done by Persians. He says that they damask the barrels as they do the blades, but he does not differentiate between the process of making welded damascus steel and crucible damascus steel.

Floor (2003:251–2) quotes de Rochechouart, who reported on the process of gun barrel making in Iran. The report reveals the making of gun barrels, providing a good explanation of how this technology. De Rochecourt reports that the Persian smiths collected two old horseshoe irons and a certain quantity of small bits and pieces of ordinary iron. The total amounted to 15 sir [According to The Digital Lexicon of Dehxodā, satir is a weight measurement that means sir (garlic), and based

on weight measurements of Tabriz, satir is 15 methqāl. According to Emām Šuštari (1961, pp. 44–45), there were two different weights that were described as methqāl during the Abbasid period. One of them was called methqāl arabi (Arabian methqāl), also called methqal shar'i, and the other one was called methqāl Seirafi or methqāl baqdādi. Methqāl Arabi was equal to 4.265 grams, and methqāl baqdādi was equal to 4.948 grams. methqāl baqdādi was the weight measurement used in Iran. Therefore, 15 sir is exactly 1113.30 grams, a little bit over 1 kilo], which is almost 1 kg. He further documents how the smiths layered the iron in such a way so that the horse irons made up the exterior. The smiths placed the iron in the fire, and they heated it until it had almost reached the melting point. In the next step, they forged the iron on the anvil until all the pieces became one uniform, compact mass. The smiths repeated the forging process several times. Then, they drew out the metal until it became a bar of about 75 cm in length. They made 12 of these bars, attached them to one another, and put the entire billet into the forge. After heating the billet sufficiently, they took the mass out and forged and cut it wherever the various parts had blended. The smiths stretched and reduced the billet to the size and thickness of a finger and rounded the corners. The next step involved taking four of these strips and twisting them into spirals, extending them on an iron blade and beating and heating the mass until it was compact. Afterward, the smiths twisted a mold of this last strip and beat and heated it to obtain the welding, whereupon they withdrew the mold, polishing and smoothing the interior of the gun barrel. In the next stage, they polished the exterior, covering the surface with a mixture of two parts sulfur and one part salt, which were mixed into a water solution. The smiths put the coated barrel in a hot and humid place, such as the interior of a bath, for 24 hours. At the end of that period, they took the barrel out, and it was complete.

As the pictures of seven different barrels made of pattern-welded damascus steel show there are different varieties of pattern-welded damascus steel. But unfortunately no period Persian manuscript has been found up to now which could clearly shed light on how these patterns were called in Persian back then.

Pictures 7-13: Different patterns of welded steel on Persian gun barrels from the Military Museum of Tehran.

 $T\bar{a}rix$ -e $Delgos\bar{a}$ -ye Ewaz ($The\ Delightful\ History\ of\ Ewaz$) provides some useful terminology such as $johard\bar{a}r$ جو هر دار (curved), dokol کو کا

(double-curved), pičtāb پیچتاب (turn-twisted), siyahtāb سیه تاب (black-twisted), noqrekār سیه کار (silver-worked), tahnešān ساده (deeply inlaid), sāde ساده (plain) and šamqāl شمغال . Unfortunately, the manuscript does not offer any drawings or explanation for these terms. Before going into the chapter on gunmaking in the manuscript Tārix-e Delgošā-ye Ewaz (The Delightful History of Ewaz), a short history on the city of Ewaz is given.

4) The city of Ewaz

Ewaz is a city in Larestan County of Fars Province of Iran with a population of over twenty thousand people. Historically it is considered as a relatively dry city yet it enjoys a beautiful green scenery and abundance of birds and other animals (Kerāmati, 1992, pp. 44 and 51). Geographically, Ewaz is located in proximity of mountains and winding roads making it very difficult to access. Thus it could be naturally protected from thieves and bandits (Kerāmati, 1992, p. 45) especially when the central government was unable or unwilling to offer proper protection to the local people. Ewaz was home to a large religious minority population of Muslim Sunni of Shafi'i school as opposed to majority of Muslim Shia population of Iran (Kerāmati, 1992, p. 57). Many of Ewaz people, who were proficient in Arabic language used to work and live in other countries which had large Sunni populations, especially the Persian Gulf Arab states and even India (Kerāmati, 1992, p. 23). They had a long history of trade with these countries especially trades in which they sold their muskets to eager customers. However they kept their bonds with Iran, wrote about Iran, embraced Persian Constitutional Revolution and a large portion of them returned to Ewaz to live and engage in philanthropic and scholarly activities such as school construction.

Ewaz went through numerous military engagements for different reasons such as land disputes with neighbor villages and religious quarrels. During the Iranian Zand dynasty and early Qajar era, under the patronage of a local ruler called "Haji Amir" and his predecessors, steel forging and especially gun-making flourished in Ewaz as a premium business of people. The business model they followed resembled a conglomerate of many gun making related factories and workshops that all people of the village united in a tiny space attempt to satisfy the needs of each oth-

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

ers' businesses (Kerāmati, 1992, pp. 90-91). Another special feature of the city of Ewaz was its distinguished gunners, who, irrespective of their age, were agile, brave and skilled gunners (Kerāmati, 1992, p. 92).

5) Gun-making Factories

The book *Tārix-e Delgošā-ye Ewaz* (*The Delightful History of Ewaz*) provides a very informative list of gun-making factories. Kerāmati (1992, pp. 92-96) mentions the gun-making factories of Ewaz are as follows:

- a) Factory of Mir Mohammad Hāji Mir
- b) Factory of Mir Hossein Hāji Mir
- c) Factory of Mir Abdulvāhed Mir Hossein
- d) Factory of Mir Hāji Ahmad Hāji Mir
- e) Factory of Mir Hamzeh
- f) Factory of Mir Taqi
- g) Factory of Mir Najma
- h) Factory of Mir Esmā'il
- i) Factory of Mir Jafar
- j) Factory of Haji Abdurrahmān Mir Mohammad Šahmir
- k) Factory of Mir Abdullāh Mir Hamzeh
- 1) Factory of Mir Rasula Mir Hamzeh
- m) Factory of Mir Ahmad Aminā
- n) Factory of Mir Abdurrahmān Mir Jafar
- o) Factory of Mir Mohammad Said Mir Ahmad Amina
- p) Factory of Mir Mohammad Said Haji Abdurrahmān"

Kerāmati continues: "In these factories in addition to the masters whose name is on the factory, simple gun barrels (mil-e lule ميل لوله) are produced in large ovens. In addition to that oven, they were equipped with other machineries to polish and imprint the gun barrels and ornament the accessories. Many people were involved in these activities which included polishing (barquzan برغوزن), part assembling(gušebandi گوشه بندی), sight adjustment (nazarbandi نظربندی), trigger making, painting, silversmithing, stock making, barrel strap placement (toqbandi طوق بندی), match cord knitting (fatilepiči وشیله پیچی), gunpowder making, saddle making, bullet

casting (*golulerizi* کلوله ریزی) and charcoal making. These workshops cooperated with factories and were owned by all people of Ewaz and an indicator of their wealth. Therefore, the ovens and smiths [related to gun making industry] played the driving force in advancing the economy of the city as mentioned by the Holy Qur'an:

"And We have given (to them) iron (which has great strength and) wherein is (material for) violent warfare and for many (other) uses for people" (Al-Hadid, Sura 57, verse 25, *al-Quràn*, 2003, p. 624).

At those times, the people of Ewaz were succulently self-sufficient in their livelihoods without any dependence on foreigners, and could perfectly protect their homelands from potential enemies by their unity, Islamic mettle and bravery which could deeply shake the enemy's heart. Their caravans could always transport safely in the regions of Fars and Isfahan provinces and keep their business traffic unharmed and no bandit or thieve had the courage to encroach the Ewazian passengers. In short, the gun-making industry of Ewaz has reached the apex of perfection in its quality. From neighbor and far regions, Persian-speakers and Turkish-speakers, many traders used to travel to Ewaz to sell their products and purchase muskets and iron tools in return. There were many types of guns for example:

johardār جوهر دار (curved), dokol دوكل (double-curved), حوهر دار (double-curved), pičtāb بيچتاب (turn-twisted), siyahtāb سيه تاب (black-twisted), noqrekār نقره كار (deeply inlaid), sāde سيه تاب (plain) and šamqāl شمخال.

Damuscus steel patterned (*johari* جوهرى) muskets crafted by Mir Hāji were very beautiful and distinguished and in fact enjoyed higher quality than the Rumi (Ottoman) counterparts. He used silver barrel straps (*bast* بست) and gold-inlaid embellishments along with Western flintlocks."

Note that part of the results of European innovation and military advising in Qajar-period Iran was the import of flintlocks. In the Qājār period (1794–1925 C.E.), the imported flintlocks marked with E.I.C. (East India Company) were either called in Persian *čaxmāq-e engirizi* (English flintlock) or *čaxmāq-e farangi* (European flintlock) (see Tahvildār Esfahāni, 1964, p. 108). Tahvildār Esfahāni adds the craftsman who made flintlock mechanism was called *čaxmāqsāz* (flintlock maker). There used to be many members in this guild in the past when the stone flintlock

was very common but the European or foreign flintlock still quite rare. They brought very good čaxmāqhā-ye engirizi (English flintlocks), each cost 15,000 dinār. During the reign of the "king of kings", Ostād Mohammad Esfahāni Čaxmāqsāz sold each [flintlock] for three tumān [360 tumān was a respectable annual salary for a young man at the end of the 19th century]. It was assumed in Europe that each individual part of the flintlock was made by a different guild, and that experienced people performed the quenching of the qorxoloq (trigger-guard) and the shooting mechanism. However, in Esfahān, Ostād Mohammad did everything on his own and other masters did the same as well. Years ago, the majority of flintlock makers of Esfahān were brought to Tehrān. Some decided on their own to go to Xorāsān, Kordestān, and Fārs. A few remained in Esfahān and if the demand were there, they could make good flintlocks that are liked in all parts of Iran. There were also local flintlockmakers such as Ostād Mohammad, were other great flintlock makers. such as Ali, indicated in the mark amal-e Ali (the work of Ali) on a flintlock mechanism for a gun with a pattern-welded barrel made by Hosseyn *Mollā*, and Sār Ali written in the expression *amal-e Sār Ali* (the work of Sār Ali) on a flintlock attributed to the Qājār period that is kept in the Military Museum of Tehrān. These guns could be used effectively by Persian soldiers.

Kerāmati adds: "Variety of these muskets was sold in Mascat (the capital of current day Oman, south of Ewaz), Balouchestan (a region now shared by Iran and Pakistan, east of Ewaz) and other ports. During Arab's reign, some of the Ewazian masters were making muskets in Mascat and Bandar Abbas (a seaport and capital of Hormozgān Province on the southern coast of Iran), even in the era of Karim Khan of Zand (r. 1750-1779), the powerful and popular ruler of Iran and the founder of Zand dynasty whose capital was Shiraz (Fars province of Iran, whose distance to Ewaz is only about 360 kilometers), some Ewazian musket makers were sent to Shiraz by Nasser Khan Lari (the powerful and ambitious ruler of Larestan, before and during Karim Khan Zand reign, who was a distinguished warrior fighting with musket with equitation skills). Flintlock muskets had the effective range of 700-1000 feet or even beyond. The price of these muskets ranged from 10 to 20 qirans (at those times one Iranian *qiran* was exchanged for about 10 pences.) and damascus welded steel types (*no'e johardār*) were priced between 30 and 40

qirans. On those prosperous days in which the city witnessed intensive musket trades, from midnight to sunset, there were uninterrupted roar of musket shootings and hammering and malleting all over the Ewaz, as if a war was waged at the village, and the subject of all conversations was always guns and the crafting quality of the gun-making masters.

6) Inscriptions on gun barrels

The gun trade of Ewaz has started in this environment, along with sending some natives to the markets of the ports such as Mascat and buying Swiss irons, laquers and Indigo dyes which was mutually beneficial for both parties, especially Ewazians who could live affluently but not squander in their homes. This situation lasted for about a hundred years until 1853. After that period heavy imports from western countries ruined the old native industry and it declined to near total disappearance. While making muskets, the Ewazian masters used to engrave the barrels with Quranic verses and adequate Persian poems and further decorate them with figurative patterns. One instance of such verses are Nasron Min Allahi Wa Fathon Qareeb نصر من الله و فتح قريب (Help from God and early victory) which is verse 13 of the sura al-Saff الصف (Formations; this is the 61 sura of the holy Qur'an that consists of 14 verses. Another example is Enna Fatahna Lakka Fathan Mobina مبينا (WE HAVE GIVEN you a splendent victory). The latter inscription is the first verse of the sura al-Fath الفتح (victory) which is the 48 sura of the holy Qur'an that consists of 18 verses (see al-Qur'an, 1993, p. 439). They also used Persian poems used on the barrels. Two examples of poems are as follows:

In xošqafā be hengām jadal ejdehādam ast / hengām razm qātel har babr va zeyqam ast

(This beautiful [gun] fights like a dragon in time of war// slayer of every tiger and lion)

Adov qāfel mašo be ruze nabard ke in amd va godāz / az rāh kin košande-ye Sohrāb va Rostam ast

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

(O enemy, don't be heedless for this furious fire// is the killer of [champions such as] Rostam and Sohrāb)

Another Persian poem used by Ewaz gunmakers was the following:

Hazar kon ey adov az man ke ātaš dar dahan dāram nadāram bāk az došman ke

āhan bar dahan daram حذركن اىعدو ازمنكه آتش در دهن دارم ندارم ندارم المار دهن دارم المالة (Keep away from me oh the enemy as I have fire in my mouth/ I am not afraid of the enemy as I have the iron in my mouth".

Note that a Persian flintlock musket from the 18th century kept in the Military Museum of Tehran with the punched maker's mark Amal-e Hāj Mostafā The work of Hāj Mostafā] has the same inscription as indicated above. Another 18th-century flintlock musket with the same inscription on the barrel which is kept in the Military Museum of Tehran has the the punched maker's mark reads Amal-e Mir Hosseyn عمل عمل (The work of Mir Hosseyn). There is a percussion-cap musket with the same inscription on the breech of the barrel in the Military Museum of Tehran with the museum inventory number 983. The barrel of this musket is from the Zand period (dated 1195 Hijra/1781 C.E.). The musket belonged to a Zand ruler during the era of Sādeq Xān Zand who ruled from 1193-1196 Hijra (1779-1782 C.E.). Later on it was mounted with a British percussion cap lock during the Qājār period. The barrel has the maker's mark "Amal-e Seyyed Mohammad عمل (the work of Seyyed Mohammad)", the owner's mark "Sāheb Mohammad Ali . . . وصاحب محمد على (The owner Mohammad Ali . . .)" and on the breech of the barrel, there is another owner's mark written in raised gold-inlaid inscriptions that reads: "Sāheb Mohammad Hasan Xān Zand 1195 ."(The owner Mohammad Hasan Xān Zānd 1195)".

The Ewaz gunmakers continued the above-mentioned verse with the following:

Moxālef key tavānad dar barābar bā saf-e hayjā // ke man az solat-e "Hāji" dam laškaršekan

(How can an opponent stand a battle// When I took wrath of [master] "Haji" as army destroyer).

139

Another Persian poem used on Persian barrels is as follows:

In barq-e šo'lexiz ra'd nahib adovafkan // rizad begāh-e jang va setiz ātaš az dahan

(This radiating roar [of musket], is a foe flinger// Incendiary in time of war)

Čon qamzeye botān nakonad tir ān xatā // gozašte be ruzegār mesmi be safšekan

(Like the coquetry of idols never misses a shot// Famed and named as enemy-line breaker).

Another Persian inscription used on the barrels of muskets from Ewaz are:

In taraqe tofang sāxtam az vajhe Hasan // ajdar sefati ke rizad ātaš az dahan

I made this percussion cap gun in "Hassan" s style// Which like dragon flares the fire through its mouth

Mānand asā va yad-e beyzā-e Kalim // Laškaršekan va adovkoš va seydafkan

Like the stick and shining hand of Moses// enemy slayer, opponent crasher and trapper

7) A Poem for Compatriots' Souls

The book *Tārix-e Delgošā-ye Ewaz* (*The local history of Ewaz*), Kerāmati (1992, p. 97) also describes the bitter fate of the gunmaking craft which was annihilated by Western technology, Keramati writes a poem to express the feeling of his Ewazian people. This tradition of appending a rhyme or poem to the text is a very old Iranian tradition. The first ten lines of the poem provide some valuable information on the imported European weaponry to Iran in general and their devastating effect on the local gun-making craft in Ewaz in particular:

I write this poem for all of the steel hammerer of my country.

In our modern time, new weapons have emerged.

Then, through cheap foreign currencies of Germany, Britain and other Westerners.

Double barrel "Mauser" and "Martin" riffles as well as five, ten and six-barreled guns came up.

Nobody in the world has ever seen anything like these guns .

Nine centuries of archery have long gone and all the muzzleloaders are broken too.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

The era of Pahlavāni (chivalry) and physical strength has passed and if [the great Pahlavān] Rostam stands up.

Roaring of "Shrapnel" shell and the guns' shout would blind, deafen and make him dizzy.

As grenade, bomb, "Krupp gun" artillery is an emergent disaster from Europeans.

8) Conclusion

Although there are a number of manuscripts on different patterns of patterned crucible steel, there are almost no period manuscripts on describing different patterns of welded steel made for making gun barrels in Persia. Although there are many manuscripts on casting bronze cannons, different types of firearms and their formation, they do not provide any information on the names of the patterns of welded steel used on gun barrels. The book *Tārix-e Delgošā-ye Ewaz* (*The local history of Ewaz*) is an exception as it provides some valuable terms for the description of pattern welded steel types used on Persian gun barrels. Although the book does not describe each pattern in detail, future research might find out more Persian manuscripts on different patterns of welded steel.

References

Primary Sources

- 1. *al-Qur'an* (1993). Translated by Orooj Ahmad Ali into English. Princeton: Princeton University Press.
- 2. al-Qur'an (2003). Hockessin: Noor Foundation International Inc.
- 3. **Chardin, John** (1988). *Travels in Persia 1673-1677*. New York: Dover Publications.
- 4. **Jŏhari Nezāmi, Mohammad ibn Abi al-Barakāt** (2004). *Javāhernāme-ye Nezāmi* [*Letter of Jewels by Nezāmi*]. Annoated by Iraj Afšār. Tehrān: Mirās-e Maktub.

- Kāši, Abolqāsem (1956). Arāyes al-Javāher. Handwritten Manuscript. Copied by Mojtabā Minavi. Tehrān: Ketābxāne-ye Dānešgāh-e Tehrān.
- Kerāmati, Mohammad Hādi (1992). Tārix-e Delgošā-ye Ewaz (The Delightful History of Ewaz). Second Edition. Shiraz: Navid-e Shiraz Publishing.
- 7. **Mansur, Mohammad ben** (1975). *Gŏharnāme* [*Letter of Jewels*]. Annotated by Manučehr Sotude. *Farhang-e Irān Zamin*. Volume 4, Second Edition.
- 8. **Mirzā Lotfallāh** (1706-1707:1118 or 1108/1696-1697). *Ta'id Besārat* [*Aid to Sight*]. Handwritten Manuscript on Swords and Swordmaking in the British Library.
- 9. **Nasireldin Tusi, Xāje** (1574/982 Hegira). *Tansuxnāme*. Handwritten Manuscript from 982 Hegira (1574 C.E.). Tehrān: Ketābxāne-ye Markazi va Markaz-e Asnād-ee Dānešgāh-e Tehrān.
- 10. Tahvildār Esfahāni, Hosseyn ben Mohammad Ebrāhim (1964). Joqrāfiyā-ye Esfahān: Joqrāfiyā-ye Tabi'i va Ensāni va Āmār-e Asnāf-e Šahr [The Geography of Isfahan: the Natural and Human Geography and the Statistics on Crafts from the City]. Annotated by Manouchehr Sotude. Tehrān: Čāpxāne-ye Dānešgāh-e Tehrān.
- 11. **Xayyām-e Neyšāburi, Omar ben Ebrāhim** (2003). *Nŏruznāme* [*Book of Nowruz*]. Annotated by Ali Hosuri. Tehrān: Cešme.

Secondary Sources

- **1.** Emām Šuštari, M. A. (1961). *Tārix-e Megyasat va Noqud dar Hokumat-e Eslāmi* [Units and Coins under Islamic Rule in the Classical Period]. Tehrān: Čāpxāneye Dānešsarāye Āli.
- 2. **Feuerbach, A.** (2012). The Roles of Chemistry and Culture in the Origins and Legacy of Crucible Damascus Steel Blades. In Collaborative Endeavors in the Chemical Analysis of Art and Cultural Heritage Materials: Lang,

- P., et al. ACS Symposium Series; American Chemical Society, Washington, DC
- 3. **Figiel, L. S.** (1991). *On Damascus Steel*. Atlantis: Atlantis Art Press.
- 4. **Floor, W.** (2003). *Traditional Crafts in Qajar Iran (1800-1925)*. Costa Mesa: Mazda Publishers.
- 5. **Ma'tufi, A.** (1999). *Tārix-e Čāhr Hezār Sāle-ye Arteš Irān: Az Tamaddon-e Ilām Tā 1320 Xoršidi, Jange Irān Va Arāq* [The Fourthousand-year History of the Iranian Military: From the Elamite Civilization to the Year 1320, The Iran and Iraq War]. 2 vols. Tehrān: Entešārāt-e Imān.
- 6. **Modarresi, Y., Samei, H., and Z. Safavi Mobarhen** (1991). *Farhang-e Estelāhāt-e Doreye Qājār: Qušun va Nazmiye* [The Lexicon of the Expressions of the Qājār Period: Army and Military]. Tehrān: Daftar-e Pajuhešhāye Farhangi.
- 7. **Moshtagh Khorasani, M.** (2010) *Lexicon of Arms and Armor from Iran:* A Study of Symbols and TerminologyTübingen: Legat Verlag.
- 8. **Moshtagh Khorasani, M.** (2008). Reviving the Ancient Art of Making Persian Crucible Steel for Bladed Weaponry. *Journal of Asian Martial Arts*, Volume 17, Number 1, 54–67.
- 9. **Romanowsky, D.** (1967). Tārixče-ye Aslahehā-ye Sard dar Irān [The Short History of Cold Weapons in Iran]. [Part 2]. In: *Majjale-ye Barrasihāye Tārixi* [Journal of Historical Research], Number 5, Year 2, pp. 76–100.
- 10. **Rawson, P.S.** (1967) *The Indian Sword*. Copenhagen: Danish Arms and Armour Society.
- 11. Sachse, M. (1993). Damaszener Stahl: Mythos, Geschichte, Technik, Anwendung. Düsseldorf: Stahleisen.

M.M. KHORASANI, H. SHAFEIAN

12. **Zeller, R. and E. Rohrer** (1955). Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschreibender Katalog der Waffensammlung. Bern: Kommissionsverlag von K.J. Wyß Erben AG.

3 октября 2015 г. в офисе компании «Русские ножи» (Россия, Москва) был проведен круглый стол «Исторические и современные дамасски».

Основными докладчиками выступили кузнецы И. Пампуха, О.Пампуха и оружиевед К. Хайдаков. Были продемонстрированы исторические и современные образцы холодного оружия, обсуждены технологии изготовления и особенности производства.

С 22 по 23 октября 2015 г. в Тульском государственном музее оружия (Россия, Тула, ул. Октябрьская, 2) прошла Третья Международная научно-практическая конференция «Мир оружия: история, герои, коллекции».

Тематика докладов научно-практической конференции была разнообразна. 70-летию Великой Победы были посвящены выступления, в которых рассматривались особенности стрелкового вооружения, укрепрайонов, реактивной артиллерии периода Великой Отечественной войны. Для ценителей экзотического оружия особенно интересными были выступления о редких видах холодного оружия Азии и Африки. Целый блок выступлений на научном форуме был посвящен средневековому оружию и доспехам.

Доклады участников научно-практической конференции позволили расширить представления о типах вооружения разных периодов: начиная с эпохи позднего Средневековья и заканчивая современностью. Конференция способствовала обмену опытом и налаживанию сотрудничества между музеями, что является залогом дальнейшего совершенствования их работы.

Труды конференции будут изданы в специальном сборнике.

EDITORIAL BOARD HISTORICAL WEAPONS RESEARCH JOURNAL

ARTEMYEVA Nadezhda Grigoryevna

Ph.D., Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the fareast, far-eastern branch of the RAS (IHAE FEBRAS) (Vladivostok, Russia)

BAGRIN Egor Andreevich

Ph.D. (St. Petersburg, Russia)

VETUKOV Vladimir Vladimirovich

Ph.D. (St. Petersburg, Russia)

GORBUNOV Vadim Vladimirovich

D.Sc., Proff., Altai State University (Barnaul, Russia)

DMITRIEV Vladimir Aleksandrovich

D.Sc., The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg, Russia)

MALOZYOMOVA Elena Igorevna

Ph.D., State Hermitage (St. Petersburg, Russia)

SAMGIN Sergey Vladimirovich (Editor-in-Chief)

Ph.D, Tambov State University (Tambov, Russia)

CONTENTS

CO	NTENTS
$\textbf{Barchevsky S.}$ Vietnamese bladed melee weapon of 19th - first half 20th	
century. The problems of attribution	5
${\bf Vetukov}\ {\bf V.}\ {\bf T}$ raditional bladed weapons of ${\bf V}$ ietnam. The problems of	
terminology	12
Gorbunov W. Long-blade weapon of turkic cavalry	28
Dobriden S., Barchevsky S. Unique bronze dagger from Primorye (Far	
East)	46
Zavorotko I. The production of sabres and shashkas in Pavlovsk steel-	
locksmith area	53
Kiziria W. About possible functional affiliation with Mingrelian thrust-	
ing dagger according to the analysis of the recorded precedents of dag-	
ger fights	63
Kurochkin A. On the Question of Jamdhar Dagger Emergence in the	
Weapons Complex of the Mughals	80
Miloserdov D. The Question of the Relevance of the Term "Karud"	88
Samgin S. Nonstandard soviet shashka P.1927	102
Toichkin D. Two swords of the Balkan origin of the 18th century from	
the collection of the Poltava regional Museum	109
Khorasani M., Shafeian H. Ewaz: A Center of Gunmaking in Iran	120
Summary	149

SUMMARY

Barchevsky S. Vietnamese bladed melee weapon of 19th - first half 20th century. The problems of attribution

In the article the author examines the details of construction of knives of Vietnam 19th - first half 20th centuries, the materials and the decorative elements that were used. Attention is drawn to the characteristic features that, according to the author, allow to accept them as atribute signs. The article also examines the historical factors influenced the development of edged weapons in the specified period and administrative-legal conditions of existence.

Keywords: Vietnamese sword, Vietnamese saber, Cochinchina, Annam, Tonkin, the Nguyen dynasty, Vietnam, Le Loi, samrit bronze.

Vetukov V. Traditional bladed weapons of Vietnam. The problems of terminology

The article describes the problems of terminology in such very little-studied field as the Vietnamese weapons. The development of Vietnamese military tradition was facing intense Chinese influence. Major weapon types together with the terminology for their designation, were borrowed from China, which was simultaneously acting as a cultural contributor and ravenous aggressor seeking to regain the control over the lost southern territories. Having creatively elaborated the Chinese borrowings, as well as accepted Japanese, Thai-Burmese and even European elements, the Vietnamese craftsmen gradually developed a specific local set of weapons. In the article an attempt has been made to define a correct terminology for the Vietnamese bladed weapons, mark out its main types, trace back the history of their origin and expansion. A conclusion could be made that the Vietnamese traditional bladed weapon is made up of two major classes – dao and kiem/giom. First class encompasses single-edged slashing weapons having a broad, usually curved, blade. This class consists of smaller varieties – ma dao, and larger ones – dao chiong, intended for one hand grip and two hand grip respectively. The latter are also called dai dao,

which unites them with the polearms, close in form and purpose. To second class refer both straight double-edged swords – analogue of Chinese jian, and single-edged cut and thrust weapons with a narrow blade, similar to the Chinese yao dao/lieu dao. This class also includes sabers of Japanese, Thai-Burmese and French design, which became widespread in Vietnam in the 17th-20th centuries. To clarify the weaponology terminology the author considers it possible to offer the following terms: falchion-dao, saber-giom and sword-kiem.

Keywords: Vietnam, terminology, dao, kiem, falchion, saber, bladed weapon

Gorbunov W. Long-blade weapon of turkic cavalry

The article describes the long blade weapons for melee of Turkic horsemen kilich, translated by linguists as a sword, but it is likely that it also meant the sabre because there is no separate term for this type of weapon in early Turkic written monuments. In the basis of the study is the analysis of Archaeological materials originating from the territory of Central and Middle Asia, where we studied the monuments of Turkic culture. Despite the fact that series of long blade weapons of the Turkish culture is small, it covers all stages of existence of the community. Its analysis makes it possible to outline the main trends in the development of this weapon of Turkic cavalry. During the formation of the Turkic ethnos (460-552 years) single-edged swords with the straight hilt and pommel hook, some of which supplied with rectangular cross-hair were used. During the existence of the first Turkic khaganate (552-657 years) single-edged and double-edged swords with a straight handle, without crosshair or with rhomboid-hexagonal cross-hairs were used. Emergence of the sabers came to the period of the second Eastern Turkic (682-744 years) and Turgesh khanates (699-756 years). The first samples had oneand-half-edged blade and a straight handle without the cross-hairs. After the settlement in the prairies of Central Asia the rule of the Uyghur khaganate (745-840.), the Turkic set of bladed weapons included one and half edged swords and sabers with rectangular cross hairs. In the period of great power of the Kyrgyz khaganate (840-950.) among the Turks there was a change of sabers due to the tilt of the handle, the appearance of the holder with pull tab at the base of the blade and crossshaped crosshair. At the final stage of the existence of Turkic culture (950-1100

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

years) new changes in the long-bladed weapon were not observed. In general, the development of Turkic swords and sabers came to increasing the length of the blade (from 60 to 80 cm), the transition from a straight to an inclined handle and equipped with crosshairs, which also increased its length (from 6-7 to 10-11 cm). Its evolution was aimed at creating structures optimal for use in a cavalry battle. It resulted in the basic requirements for such weapons: not too heavy, a sufficient length and an emphasis on slashing strike for the sword and cut-and-slash strike for sabers. The thrusting function with all its importance remained additional for equestrian warrior.

Keywords: sabre, sword, Turks, blade, handle, edge, Kaganat, cavalry

Dobriden S., Barchevsky S. Unique bronze dagger from Primorye (Far East)

The article describes the bronze dagger of antenna-type recently found in Russian Far East (Primorye). Its size and weight and decoration are given in detail, the traces of its existence are shown. The authors investigated other finds of bronze daggers in the Russian Far East and in the territory of neighbouring states, on the basis of which the object was dated to the turn of the era. The article highlighted the combination of elements of the Scytho-Siberian style and ornamental motifs comming from the Korean Peninsula and having counterparts in SEA. An assumption is made about the long-term existence of the local arms tradition as well.

Keywords: Korean bronze dagger type, antenna-type dagger, a dagger with opposing griffins, the Scytho-Siberian animal style.

Zavorotko I. The production of sabres and shashkas in Pavlovsk steel- locksmith area

The article analyzes information about the production of white weapons (saber and blades) in Pavlovsk steel- locksmith area that were included in Gorbatovskiy county of Nizhny Novgorod and Murom district of the Vladimir province in the second half of the 19th century. Production of blades developed on the basis of handicraft knife production. Systematized information about the main manufacturers and their products related to military weapons: Varapaevo, Zavialovo, Koryttsevo, Korobkovo, Buslaevo, Tsvetovo, Kondratievo. Interesting documents about the organization

of the manufacture of blades, technology of their production and verification between the second half of the 19th century – first quarter of the 20th century are given. The analysis suggests that in the second half of the 19th century – the first quarter of the 20th century in Pavlovskiy steel- locksmith area handicraft and factory production of sabres and shashkas was organized.

Keywords: Pavlovsky steel-locksmih district, blade, sabre, saber, handicraft.

Kiziria W. About possible functional affiliation with Mingrelian thrusting dagger according to the analysis of the recorded precedents of dagger fights

In the article on the basis of analysis of available historical evidence the attempt is made to identify the type of Mingrelian thrusting dagger based on the analysis of historical evidence of the specific circumstances of cut and thrust in the Caucasian societies. Historically, the thrust and cutting were divided: in duels within the community, a thrust as a more lethal technique was banned, it was allowed only cutting and slashing attacks. However, according to the sources, a taboo did not work in battle with an external enemy, in case of life protection. Based on the analysis of available information the Mingrelian thrusting dagger attributed as mainly belonged to the group of the representatives of Mingrelian society in the early 19th century, that was involved in horse-stealing. The specifics of their occupation, linked to possible fights with the enemy, led to the existence of the detached thrusting dagger predominantly.

Keywords: dagger, kinjal, Caucasus dagger, Mingrelia, satevari, stab, thrust, cut, Khevsurs, blade.

Kurochkin A. On the Question of Jamdhar Dagger Emergence in the Weapons Complex of the Mughals

This article examines the emergence in weapons complex of the Mughals one of the most emblematic Indian weapon – Jamdhar dagger and offers new, different from the preceding, interpretation of its use. The appearance of the original Indian phenomenon in the culture of the conquerors is based on written sources, as well as in the context of understanding the atmospheric interactions of the cultures of conquerors and the vanquished. In analysis the author relies on the translation of the

original texts and illustrative sources. The article explains that one of the main assignments of the dagger "jamdhar" was its use in the hunting of large predators, primarily, in self-defense from a wounded beast. As an elite attribute that emphasizes the owner's status as a hunter of tigers and lions, the struggle with the beast, theriomachia, was anciently part of the Royal rituals, a kind of test of the applicant for authority and, at the same time, the procedure of confirming the right to exercise this power, the jamdhar dagger took the place of the status thing of the Indian aristocracy. By the time of the third Emperor of the Mughal Empire Akbar some elements of Indian culture were accepted by the conquerors, though, as a rule, a culture of the defeated a priori has a lower status and as a rule remains unexploited by the new elites. And only in case some prestigious forms of the local culture do not face with competitors in the culture introduced by the conquerors, they will have a chance of being accepted by the elite. In case of the jamdhar dagger, this form of the local culture became hunting for tigers and lions, which before the conquest of India was not a Mongol or Turkic tradition. Author also proves that in the decorative elements of decoration of jamdhar daggers in the depiction of predator attacks on prey, these scenes differ in their composition from the well-known "scenes of anguish" in Scythian and Iranian traditions. In Indian tradition there was an allusion that a warrior who had defeated a tiger, became tiger-like himself, and his enemies were similar to victim and prey. The scenes of such kind were analogues to battle scenes, which explain the lack of battle scenes in the ornament of jamdhar daggers. The tight connection to prestigious hunting was one of the reasons jamdhar dagger was established in the role of power insignia and was ensured an honorable place in the Mughal's weapons complex.

Keywords: dagger, Indian weapons, jamdhar, katar, hunting, Akbar, Mughals, decorative scene

Miloserdov D. The Question of the Relevance of the Term "Karud"

The article is devoted to the relevance of the term "karud" in the aspect of use in the European weapon terms derived from Oriental languages and belonging to different types of short blade weapons. The term "carud" is under consideration, which appears on the pages of special publication involving weapons of Central

Asian, Iranian, Afghan and Indian regions. The author conducts a historical graphy research of the emergence of the term "karud" and "peshkabz" in European weapon literature. Based on the publications of the 19th century, including the dictionary, published by traditions of 18th and 19th century specialists, who spent many years in the East, the author concludes that the term "karud" really existed. Analyzing the similarities and differences of the use of the terms "karud" and "peskabz" which is based on the different shape of the blades, taking into consideration this fact as well as the newly opened data of the etymology, author concludes, that there are two different sample of arms, each of which had its own name. So today is not only relevance, but also must clearly distinguish between "karud" as a combat knife with a straight blade and T-shaped spine, and "peshkabz".

Keywords: karud, peskabz, Indian knife, Afghan knife, dagger, weapons of Afghanistan, weapons of India

Samgin S. Nonstandard soviet shashka P.1927

Soviet cavalry shashka P.1927 was produced for 18 years (from 1928 to 1946), mainly at the factory in Zlatoust. During this period, there were not any major changes in the design of shashka, and most part of changes were in different materials (metals), the pommel decoration and factory marks. But there were non-standard shashkas P.1927 that were produced small parties for a special order. In addition, to the group of "non-standard" shashkas can be attributed ones that were produced during the Second World War in other factories of the Soviet Union. These shashkas are discussed in this article. The study draws attention to the peculiarities of the construction, decoration and marking.

Keywords: shashka, surrogate fittings, Vytis, Lithuania, Zlatoust, Ordzhonikidze wagon-repair factory, Tambov wagon-repair factory.

Toichkin D. Two swords of the Balkan origin of the 18th century from the collection of the Poltava regional Museum

The article discusses the two swords of the Balkan origin of the 18th century, which on a number of characteristics can be attributed as belonging to the Ukrainian Cossack officers. The main difficulty in the implementation of attribution is the lack of

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

reliable criteria for separating the actual Cossack officers' sabers. After all, unlike the works of other branches of decorative-applied art, Ukrainian saber does not show any strong national artistic traditions, or distinctive jewelry or smithing technology. Set by the historical realities of the kingdom of Western and Eastern influences, Ukrainian bladed weapon of New time left well-disguised Eastern European "average unit", with a hefty portion of the Eastern culture. Thus, for the allocation of the Cossack subjects worked out by the hands of Ukrainian masters, it is necessary to examine a number of characteristics. They were taken into account attributing the two described in the article of swords.

Keywords: saber, carabela, blade, Ukraine, cob, bladed epigraphy.

Khorasani M.M., Shafeian H. Ewaz: a center of gunmaking in Iran

Persian manuscripts on firearms reveal valuable information on casting bronze cannons, using rockets in warfare, the function of howitzers, mortars and cannons, cannon formation, etc. The barrels of Persian muskets show a variety of beautiful patterns of welded steel. But there are almost no period Persian manuscripts which report about the making of these beautiful pattern welded steel barrels and also their corresponding names in Persian. There is one Persian manuscript titled Tārixe Delgošā-ye Ewaz (The Delightful History of Ewaz) which provides valuable information on some types of welded steel patterns. The following article deals with the chapter on firearms in the mentioned manuscript.

Key words: Persian guns, Persian muskets, pattern, welded steel, crucible steel, patterned crucible steel, patterns of welded steel on barrels, Ewaz as gunmaking center, gun-making factories.

НАШИ АВТОРЫ:

Барчевский Сергей - независимый исследователь. Область интересов: история холодного оружия Китая, материковой части Юго-Восточной Азии, российского Дальнего Востока, Тибета; охотничье оружие и орудия традиционных промыслов народов Сибири и Дальнего Востока. Москва, Россия.

Ветюков Владимир - кандидат исторических наук. Область научных интересов: военная история Вьетнама и Дальнего Востока, традиционная восточная философия и религиозные учения (буддизм, даосизм). Санкт-Петербург, Россия.

Горбунов Вадим - доктор исторических наук, профессор, Алтайский Государственный Университет. Барнаул, Россия.

Добридень Сергей – независимый исследователь. Владивосток, Россия.

Заворотько Игорь — исследователь истории производства ножевых изделий в России и СССР, коллекционер, автор книги «Русский нож: история, клейма и атрибуция изделий павловских мастеров 1830-1940 гг.». Москва, Россия.

Кизириа Вахтанг - магистр исторических наук, консультант студии ГФМ, внештатный консультант оружейного фонда Метрополитен музея (Нью-Йорк, США). Тбилиси, Грузия.

Курочкин Алексей - заместитель главного редактора журнала «Историческое оружиеведение», редактор интернет-портала о традиционных воинских практиках Индии. Область научных интересов - традиционные воинскии практики и оружие Индо-Персидского региона. Москва, Россия.

Милосердов Дмитрий - старший научный сотрудник, заведующий сектором в Государственном Дарвиновском музее. Область научных интересов - оружие Ирана, Индии и Афганистана, этнические предметы охоты и лова. Москва, Россия.

НАШИ АВТОРЫ

Самгин Сергей – главный редактор журнала «Историческое оружиеведение», преподаватель Тамбовского государственного университета, кандидат политических наук. Тамбов, Россия.

Тоичкин Денис - кандидат исторических наук, Институт Истории Украины Национальной Академии Наук Украины, автор двух книг об истории оружия казаков, автор 47 статей, специалист по истории оружия Восточной Европы периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Киев, Украина.

Др. Манучер Моштаг Хорасани - ведущий исследователь исторического оружия и доспехов Ирана и военной истории Ирана. Автор пяти книг, в том числе: «Оружие и доспехи Ирана: от бронзового века до конца правления династии Каджаров», «Лексикон оружия и доспехов Ирана: изучение символики и терминологии», получивших престижную премию «Книга года» Иранского Министерства культуры. Шестая книга «Огонь и сталь: историческое огнестрельное оружие Ирана» готовиться к печати. Автор более 150-ти статей в различных ведущих профильных журналах мира. Иран.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Редакция принимает к рассмотрению рукописи на электронном носителе объёмом не более 40 тысяч знаков, набранные в Word, шрифт Times New Roman суг, кегль 14, междустрочный интервал 1,5. Примечания отмечаются знаком сноски (¹) и выносятся из текста документа вниз полосы. Нумерация сквозная по всему тексту. Ссылки на источники и литературу, по выбору автора, могут быть *внутритекстовыми* или *подстрочными*. В первом случае они заключаются в тексте в круглые скобки ( ). Во втором — отмечаются знаком сноски (¹) и выносятся из текста вниз полосы. Нумерация сквозная по всему тексту. В обоих случаях *библиографическая ссылка* оформляется следующим образом: ссылка на издание: Marshall, 1994. Если у автора несколько изданий в одном и том же году: Marshall, 1994a, Marshall, 1994b. Ссылка на страницы издания: Marshall, 1994, pp. 125-129. Пристатейный библиографический список помещается после текста статьи и оформляется следующим образом: Marshall, M.Q. (1990), Qualitative Evaluation and Research Methods, 2nd Ed., Sage, Newbury Park, CA.

Иллюстрации к статье должны быть предоставлены в формате jpg (разрешение не менее 300 dpi, желательный размер — не менее 10х15 см при разрешении 300 dpi, объем - 1-2 MB). Все присылаемые иллюстрации должны иметь порядковую нумерацию. В тексте должны быть четкие ссылки на иллюстрацию в нужном месте (Например: «Рис. 1» и т.д.). Иллюстрации в текст вставлять не нужно. Подписи к иллюстрациям предоставляются в виде отдельного файла.

Авторы должны предоставить на русском и английском языках: свои личные данные (фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёную степень, учёное звание, контактную информацию для переписки, которая будет помещена в бумажной и электронной версиях издания), а также расширенную аннотацию на свой материал и ключевые слова. Кроме этого необходимо сообщить в редакцию номера телефонов для связи, а также адрес электронной почты, если эти данные не были указаны ранее.